

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СОВРЕМЕННАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

Рекомендовано к печати
научно-методическим советом университета

Барановичи
РИО БарГУ
2009

УДК 821-93(082)

ББК 83.8я73

С56

С о с т а в и т е л и :

Ж. А. Головки, Н. В. Ермалович, Л. Ф. Бабенко

Р е ц е н з е н т ы :

Б. А. Крук, кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета дошкольного и начального образования
учреждения образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина»;
Н. И. Новик-Щербенко, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусского языка учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина»

С56 Современная детская литература [Текст] : хрестоматия /
сост.: Ж. А. Головки, Н. В. Ермалович, Л. Ф. Бабенко. —
Барановичи : РИО БарГУ, 2009. — 351, [5] с. — экз. —
ISBN 978-985-498-284-7.

Представлены тексты литературно-художественных произведений по современной русской и зарубежной детской литературе, которая является компонентом курса мировой детской литературы.

Призвана оказать помощь в овладении детской литературой во всем разнообразии ее видов и жанров, способствовать общекультурному и профессиональному росту будущих педагогов.

Адресована студентам педагогических специальностей высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

УДК 821-93(082)

ББК 83.8я73

ISBN 978-985-498-284-7

© БарГУ, 2009

Предисловие

Детская литература, являясь действенным средством воспитания подрастающего поколения, знакомит детей с окружающим миром, приобщает к богатству общечеловеческой культуры, способствует формированию нравственно-эстетических взглядов.

Литературное образование и эстетическое воспитание студентов способствуют профессиональному и интеллектуальному росту, формированию активной творческой личности.

Подбор и структурирование материала осуществлены в соответствии с учебными программами по данному курсу. Принцип конструирования содержания — жанрово-монографический, позволяющий представить многообразие отечественной и зарубежной литературы, раскрыть основные тенденции в развитии современной детской литературы как части литературного процесса.

В хрестоматии учтена такая особенность детской литературы, как органическое слияние искусства с требованиями педагогики, чем обусловлен высокий художественный уровень предлагаемых текстов в сочетании с весомым воспитательным потенциалом.

Тексты литературных произведений сопровождаются справочным материалом, включающим биографические сведения из жизни писателей, годы первой публикации произведений.

Хрестоматия по современной детской литературе является учебным пособием для студентов тех вузов, в которых изучается курс современной детской литературы как компонент курса мировой детской литературы.

Данное учебное пособие позволит студентам высших учебных заведений расширить кругозор, усвоить жанровые особенности художественных произведений, рассмотреть специфику их поэтики.

Может быть полезно не только студентам, изучающим соответствующий курс, но и всем, кто любит детскую книгу, использует ее в педагогической практике, повседневной жизни, стремится открыть целый мир, являющийся составной частью общечеловеческой культуры.

ПРОЗАИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА

Современная прозаическая литературная сказка имеет свою историю, свою эволюцию, но всегда остается авторской в оценке «сказочной» жизни и создании героев с ярко выраженным индивидуальным характером.

В форму сказочного вымысла писатели облачают серьезные жизненные и поучительные истории. Через соединение реального и условно фантастического решаются проблемы злободневные и вечные: любви и дружбы, счастья и смысла жизни, прекрасного и безобразного, отношения к окружающим нас людям и к миру вообще (В. Берестов, С. Козлов, Л. Прокофьева, Д. Телевицкая, А. Усачев и др.). В прозаической литературной сказке положительные герои не идеальны. Это вполне откровенные люди со своими достоинствами и недостатками, понятные и близкие современному читателю-ребенку.

Атрибуты современного технического прогресса все чаще появляются на страницах литературной сказки: роботы, компьютеры, ракеты. В одной из сказок Э. Успенского модернизирована даже печь, на которой едет Емеля: она имеет пластиковые пружинные ножки. Поскольку прозаическая литературная сказка абсолютно свободно переходит от фантазии к реальности и обратно, то можно сказать, что такой жанр детской прозы имеет большое будущее. Из него вырастают истории о плохом и хорошем в жизни детей и взрослых; он широко представлен в научно-фантастической и приключенческой детской литературе.

Современная прозаическая литературная сказка выступает в облике сказочной повести — акцент делается не на волшебстве, не на сказочности, а на реалиях современной жизни (Р. Погодин «Где ты, Гдетыгде ты?», А. Усачев «Приключения Маленького Человечка» и др.).

В детской литературе известны и другие разновидности современной прозаической сказки: философские сказки-притчи В. Гаршина, сказки-миниатюры В. Бианки, сказки-шутки Н. Носова, сказки-пьесы С. Михалкова, С. Маршака, Е. Шварца.

Современный читатель-школьник положительно воспринимает в прозаической литературной сказке и тонкий юмор Г. Остера, Э. Успенского, Р. Погодина и романтическую мечтательность С. Козлова, С. Прокофьевой. Современная прозаическая литературная сказка имеет успех как у детей, так и у взрослых. Многие произведения сегодня экранированы.

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН

(1925—1993)

Радий Петрович Погодин родился 16 августа 1925 года в деревне Душлево Бологовского района Новгородской области в крестьянской семье. В 1927 году семья переехала в Ленинград. Родители вскоре разошлись. Сыновья остались с матерью. До войны Радий Петрович окончил восемь классов. Старший брат служил на границе и погиб в первые дни войны. Летом 1941 года мать отправила Радия Петровича в деревню. Когда немецкая армия стала подходить к Ленинграду, он решил вернуться в город. Ему пришлось дважды перейти линию фронта. Работал слесарем в авторемонтных мастерских Северо-Западного фронта. Весной 1942 года его с матерью вывезли на Урал и на станции Кын сняли с поезда, боялись: не довезут. Там они проживали после блокадной зимы. Работал Радий Петрович монтером и кочегаром в Кынском детдоме.

6 января 1943 года его призвали в армию и направили в пехотное училище, после окончания которого в августе 1943 года он воевал солдатом в пехоте. Участвовал в освобождении левобережья Украины, форсировал Днепр, был ранен. После госпиталя был направлен в разведку. Участвовал в боях под Яссами, освобождал Люблин, Варшаву, брал Берлин. Радий Петрович Погодин награжден двумя орденами Славы и двумя орденами Красной Звезды, медалями. В октябре 1945 года в звании сержанта был уволен в запас. Полгода проучился на подготовительных курсах в Горном институте.

После войны переехал в Москву и работал в пожарной охране, но не по призванию, а просто там хорошо кормили. Начал печататься в Москве в газете «Боевой сигнал». Печатал заметки с художественным уклоном. Вышло в 1946 году постановление ЦК по работе литературных журналов, после чего ему пришлось покинуть Москву. Он скрывался, ездил по стране, но затем приехал опять в Ленинград и стал жить у отца. Успел немного поработать штамповщиком, до того как арестовали по статье «антисоветская пропаганда». Отсидев почти три года, в апреле 1950 года Радий Петрович вернулся в Ленинград, все в ту же комнатку в коммунальной квартире на Васильевском острове, к матери. Работал на заводе им. Коминтерна слесарем-сборщиком, затем на заводе «Линотип» мастером. Начал сотрудничать на ленинградском радио, в детской редакции.

В 1951 году стал членом литобъединения под руководством Вс. Рождественского. В 1954 году в альманахе «Дружба» был опубликован его первый рассказ «Мороз», в 1957 вышла первая книжка «Муравьиное масло». В 1959 году был принят в Союз писателей СССР, Ленинградское отделение. Рекомендовали его Ю. П. Герман и А. И. Пантелеев. И так год за годом, книга за книгой, сценарии, пьесы. Написано для детей более двадцати книг, которые переведены и изданы более чем на двадцати

языках. Затем Радий Петрович Погодин начал писать картины. Работал в мастерской до самых последних дней, пока были силы ходить.

О войне Радий Петрович начал писать только в начале 70-х годов. Первые рассказы о войне вошли в повесть «Где лепший живет», затем появились повести «Живи, солдат», «Мост», «Боль» и «Я догоню вас на небесах». Все они во многом автобиографичны, и, к сожалению, иногда появляются в печати неточности: путают биографию Радия Петровича с жизнью его литературных героев. Автобиографичны и детские его рассказы. Войне посвящен его последний незавершенный рассказ «Афина-Паллада», который был наговорен на диктофон уже совсем больным Радием Петровичем. Этот рассказ — просто часть его жизни. Радий Петрович в девяностых годах начал писать стихи.

В последние годы им написаны повести «Борьба с формализмом», «Одинокая на ветру», рассказы. Все эти произведения вошли в книгу «Река». Цикл совсем коротких рассказов (он хотел назвать его «Мешок рассказов») был посвящен воспоминаниям детства и жизни последнего времени. Радий Петрович не завершил этот цикл.

С детской литературой Радий Петрович не расставался, писал сказки. Последняя сказка «Про девочку Полечку и ее одинокую жизнь» была написана в 1992 году, редакция сказки продолжалась и в 1993.

Радий Петрович перенес две серьезные операции. Ушел из жизни 30 марта 1993 года. Похоронен на православном Волковском кладбище в Санкт-Петербурге.

ГДЕ ТЫ, ГДЕ ТЫ ГДЕ ТЫ?

В других городах

В других городах, может быть, и не так, а в городе Новгороде все иначе. Даже время там как заколдованное. Когда скучно, грустно, дождь и слякоть, когда делать нечего, время медленно ползет, будто в горку крутую. Когда игры, забавы, солнце — время летит стрелой. Побегал, попрыгал, песенку спел, глядь — уже ночь на дворе.

— Ой, не напрыгался!

— Ой, не накувыркался!

— Ой, не хочу, не буду, не слышу!.. Сказку давай!

— Говоришь, сказку? Пожалуйста.

Про жеребенка Мишу

В городе Новгороде проживал один жеребенок.

Ты, конечно, скажешь, что жеребята проживают в деревне. Например, в деревне Коржи Новгородской области.

Согласен.

И все-таки в городе Новгороде проживал один жеребенок. Мишей звали. Был он золотистого цвета. На груди пятно, на ногах вроде носочки белые. Жеребенок Миша носил шляпу-панаму с бантиком, потому что погода тем летом стояла жаркая.

Я пришел подарить конфету

Однажды жеребенок Миша гулял по городу. Со всеми здоровался. А мальчишкам и девочкам — малышам — дарил конфеты. Он вынимал их из мешка — всевозможные конфеты в разрисованных фантиках — и очень вежливо всем дарил. Причем улыбался и говорил:

— Ешь на здоровье.

Безусловно, все были очень довольны. И мальчишки, и девочки, и сам жеребенок Миша. Но вот беда, когда у жеребенка в мешке не осталось уже ни одной конфеты, к нему подбежал Попугаев Вовка. Запыхавшийся, взъерошенный.

— Давай, — сказал Вовка, — конфету.

Жеребенок знал, что конфеты уже кончились, но все же заглянул в свой мешок и сказал с сожалением, что конфеты уже все кончились.

— Как кончились?! — закричал Попугаев Вовка. — Как другим дарить, так не кончились, а как я подбежал, так все!

— Извини, — сказал жеребенок. — Что поделаешь, я тебе в следующий раз подарю.

— Не хочу в следующий! Я что, хуже! Я, может быть, даже лучше! А ты... — Попугаев Вовка глянул по сторонам и закричал так, чтобы все окружающие услышали: — Ты

отвратительный, безобразный, глупый осел! Не умеешь дарить — и не брался бы.

— Может быть, — печально сказал жеребенок Миша. — Может быть, я совершил ошибку.

На следующий день жеребенок Миша купил конфету, очень красивую и сладкую. Он пошел к Попугаеву Вовке, постучал и сказал, когда ему отворили:

— Добрый день, Вова. Я пришел подарить тебе конфету. Смотри, какая она красивая.

Вовка засмеялся, как показалось жеребенку, слишком громко — прямо захохотал:

— Нашел что дарить! Да у меня конфет сколько хочешь. Я на них даже смотреть не желаю.

Жеребенок Миша отправился в сквер, сел на голубую скамейку и долго размышлял над вопросом, почему понятное становится непонятным.

Лучше я сам побегаю

Мише дали самокат — покататься. Встал Миша на самокат. Стоит — ждет. Долго стоял. Прохожие спрашивают:

— Миша, чего ж ты стоишь?

— А он почему-то не едет, — отвечает им Миша. — Самокат, а не катится.

— Он и не покатится, — объясняют ему. — Нужно ногой отталкиваться, тогда покатится.

— Что же это за самокат, если нужно ногой отталкиваться? Это неправильно, — сказал Миша. — Это разочарование.

Прохожие стали смеяться.

А в небе летел самолет.

— Вот самолет, — сказал им Миша. — Это правильно. На нем ногой отталкиваться не нужно. Самолет сам летит.

Жеребенок Миша возвратил самокат. И вот что решил:

— Лучше я сам побегаю.

Чтобы все разглядеть поближе

Однажды жеребенок Миша гулял по берегу реки. С удовольствием бегал и на ходу рвал цветы.

Вдруг он услышал:

— Осторожнее, не наступи на меня!

Жеребенок Миша посмотрел себе под ноги и увидел черепаху. Она медленно ползла и, как показалось Мише, скучала.

— Чего ж ты так медленно ходишь? — сказал жеребенок Миша. — Давай я научу тебя быстро бегать. На медленной скорости ничего не увидишь.

— Ты заблуждаешься, — сказала ему черепаха. — Это ты ничего не увидишь на твоей большой скорости. Одно мелькание. Что для тебя цветы? Трава, которую можно жевать на ходу. А на самом деле каждый цветок — откровение.

Поскольку Миша был воспитанным жеребенком и привык уважительно относиться к мнению старших, а черепаха была, безусловно, старше его лет на сто, он наклонился к самой земле и принялся во все вглядываться.

Действительно, даже простые цветки колокольчики все были разные. Один посветлее, другой поузористее. В каждом из них копошилась жизнь. Маленькие мошки, старательные жучки, ленивые козявки. В травяных зарослях змеились тропинки...

Все это открылось Мише таким неожиданно новым, что он позабыл гулянье, скаканье, беганье. Он шагал очень медленно, чтобы все разглядеть поближе.

Таким образом он и наткнулся на серебристый шар, в котором происходило гуденье.

«Что за цветок?» — подумал Миша, шевельнув серебристый шар носом.

Звук в шаре тотчас усилился. В Мишин нос впилося Ядовитое жало.

Жеребенок Миша подпрыгнул. Жеребенок Миша помчался в испуге. А Ядовитое жало гудело и настигало.

Жеребенок бежал со всех ног. Но Ядовитое жало все же настигло его, кольнуло в затылок, да так больно, что жеребенок Миша взвился в воздух. А когда опустился на землю, услышал громкие крики и аплодисменты.

— Молодец, жеребенок Миша! Это был великолепный прыжок. Слава твоим замечательным сильным ногам.

— Слава черепахе, которая медленно ходит, — сказал жеребенок Миша.

Ой, какой Вова...

Вовкина мама купила коробку красок. Подарила Вовке. Вовка тут же побежал в сквер, принялся красить березы. Покрасил одну березу в медный цвет. Покрасил другую березу в желтый цвет. Покрасил третью березу в алюминиевый цвет.

Подошел к Вовке жеребенок Миша, спросил:

— Вова, зачем ты березы портишь?

— Я не порчу. Я перекрашиваю. Вон сколько берез белых. Три тысячи. А золотой ни одной. Я сейчас золотой краской помажу — золотая будет. Серебряной помажу — будет серебряная.

Из кустов незнакомый полосатый кот выскочил. Крикнул:

— Нельзя! Природу нужно беречь.

— И жалеть, — добавила прилетевшая в сквер ворона.

— И охр-р-ранять, — прорычал прибежавший откуда-то пес. — Если не прекратишь, я тебя укушу.

Попугаев Вовка побежал жаловаться маме. Но споткнулся и упал на краски, он их в страхе из рук выронил. Поднялся Попугаев Вовка таким:

Нос зеленый,
Ноги сиреневые.
Волосы красные.
Руки синие.
Живот желтый.

Остальное не разберешь — в разводах.

Вовка хотел закричать: «Я вам всем покажу. Вы у меня попляшете!» Но сказал только:

— Ой, какой Вова...

Жеребенок Миша затосковал

Жеребенка Мишу очень огорчало то обстоятельство, что у него фамилии нет. Миша, и все. Была в этом деле какая-то тайна.

Однажды жеребенок Миша подошел к милиционеру товарищу Марусину и спросил:

— Скажите, пожалуйста, откуда у вас такая фамилия — Марусин?

Милиционер улыбнулся, фуражку поправил.

— Как откуда? У меня дочка Маруся. Значит, я чей?

— Марусин, — догадался Миша. — Марусин папа.

— Так точно. — Милиционер товарищ Марусин отдал жеребенку честь и пошел покупать новую куклу своей дочке Марусе.

Жеребенок Миша затосковал. Был он один в городе Новгороде. Откуда ему фамилию взять? Но проезжавший мимо шофер помахал ему из кабины рукой. Крикнул:

— Не горюй, жеребенок Миша, у тебя еще все впереди!

Я теперь Миша Речкин

Похудел жеребенок Миша. От размышлений похудел. И дома, и на улице все размышлял — чьим бы ему стать, чтобы фамилия у него была.

Попугаев Вовка объяснил ему в насмешливом тоне:

— Чего ты нос повесил? Не обязательно быть чьим-то. Можно быть каким-то. Я вот Попугаев, потому что я всех пугаю. Я очень страшный. А ты рыжий. Пусть и фамилия у тебя будет — Миша Рыжий.

Но Мише такая фамилия не понравилась. «Чьим-то быть лучше», — думал Миша. Попугаев Вовка свое:

— Можно по работе, которую делаешь. Например. Кузнецов. Или Моряков. Я, когда вырасту, буду Моряковым. Или Летчиковым.

Вовка загудел, проломился сквозь кусты в сквере и налетел на дворника тетю Анфису, которая поджидала его с метлой.

«По работе хорошо, — думал Миша. — Но чьим-то все равно лучше. И кузнец может быть чьим-то. Например, кузнец Антошкин. Или моряк Васин...»

Так размышляя, поглядывал Миша по сторонам, все искал, чьим бы ему стать. Наконец, неподалеку за городом, среди полей и лугов, набрел он на маленькую речку. Текла она в траве тихо и вся сверкала солнечными бликами. Как бы улыбалась.

— Здравствуйте, — сказал Миша. — Как вас зовут?

— Просто речка... — ответила речка. — Я безымянная.

— А у меня фамилии нет, — пожаловался Миша. — Я просто Миша.

Они помолчали. Речка поглядывала на Мишу солнечно и голубоглазо. И так стало Мише возле нее хорошо, что он вдруг сказал:

— Хотите, я буду вашим? Мишей Речкиным буду .

— Хочу, — ответила речка. И засмеялась. — А я твоей буду. Имя у меня тогда будет. Мишина речка.

Им обоим стало очень приятно и весело.

Потом Миша в город помчался. Прибежал к милиционеру товарищу Марусину. Крикнул:

— Я теперь Миша Речкин! И у речки теперь имя есть. Теперь она Мишина.

Милиционер товарищ Марусин подошел к карте своего района, карта у него на стене висела, сказал:

— Покажи, которая.

Жеребенок Миша долго искал свою речку, на карте ведь все иначе выглядит. Наконец показал:

— Вот она! Маленькая-маленькая...

Милиционер товарищ Марусин взял красный карандаш и написал где надо: «Мишина речка».

Так и стало. И все ребятишки, и лягушата, и воробьи говорят: «Пойдем на Мишину речку...»

А Миша теперь с фамилией.

Про мышонка Терентия

Там же, в городе Новгороде, проживал мышонок Терентий. Он разгуливал в красных трусиках, которые сшила ему прабабушка Агрипина. Трусика были большие — прабабушка шила навыворот. Мышонок Терентий мог бы спрятаться в них с головой — бездомные коты ни за что не догадались бы, что это он, мышонок Терентий. Конечно, о мышатах составилось не очень лестное представление, как о существах робких, но справедливости ради нужно сказать, что встречаются среди них ребятишки отчаянные.

Мышонок Терентий нашел выход

Мышонок Терентий был сиротой. Бабушку его съел кот. Маму унесла сова. Папа ушел за сыром и не вернулся. Осталась у мышонка Терентия только прабабушка Агрипина.

Прабабушка Агрипина знала все проходы под стенами Новгородской крепости, все каменные погреба, бездомные колодцы и множество других тайн. У всех щелей и трещин, которые вели наверх, она поставила мелом крестики. Это означало, что мышонку Терентию здесь проход запрещен.

Но кому не хочется знать, что же там, наверху!

Мышонок Терентий приставал с этим вопросом ко всем встречным — даже к паукам и сороконожкам. Сороконожки, существа робкие, убегали. Мыши отвечали уклончиво. А пауки! Вместо разумного ответа они ворчали, пыхтели и даже фыркали.

Один толстенный паук просто-напросто повернулся к мышонку спиной, подошел к стене и невежливо исчез.

Мышонок очень удивился. Он знал, что толстые пауки могли лазать по тоненькой паутине, но чтобы так невежливо исчезали в стене!

Мышонок сунул свой нос в то место, где исчез паук. Нос тоже исчез. Мышонок сунул туда свою голову.

— Ой, — сказал он. — Это, оказывается, щель! Про эту щель прабабушка Агрипина, наверно, не знает. Иначе бы она и ее пометила крестиком.

Мышонок Терентий лез вперед без остановок. Нос его дрожал, потому что там впереди пахло чем-то неподземным.

Щель повернула. Возникло сияние. В этом сиянии шагал мохнатый толстенный паук. Он казался громадным.

Сияние все разрасталось, а паук уменьшался.

Наконец сияние превратилось в свет, льющийся со всех сторон, а громадный мохнатый паук — в обыкновенного паука.

Потом он и вовсе исчез.

Потому что мышонок Терентий вдруг и сразу все вместе увидел: голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок, зеленую траву и почти малиновые стены крепости.

Известно: кто сможет все это увидеть не по отдельности, а все сразу, тот непременно станет художником.

— Какой восторг! — прошептал мышонок Терентий. — Это не описать словами.

Мудрая прабабушка Агрипина сидела неподалеку в тени лопухов, глядела на своего правнука, вытирала глаза платочком и говорила сама себе:

— Я знала. Я всегда знала, что он найдет выход.

Приходи ко мне любоваться

— Ты чего глаза зажмурил! — спросил Попугаев Вовка. Мышонок Терентий повернул голову, но в глазах его все стояли голубое небо, синяя-синяя река, желтый песок, зеленая трава и почти малиновые стены крепости.

— Восторг! — сказал мышонок Терентий.

— Где? — Вовка глянул туда-сюда. Кулаки сжал — вдруг над ним шутят? Потом сказал: — Ага! Надел красные трусики и выставляешься. Да у меня пять красных трусов в комод.

— Ах! — сказал мышонок Терентий. — Разве об этом речь? Если бы я умел рисовать! Я бы нарисовал голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок и почти малиновые стены крепости с башнями.

— Раз плюнуть. Пять минут на все дело, — сказал Попугаев Вовка.

Мышонок Терентий оробел. Подтянул трусики к подбородку.

— И все на уровне восторга?

— Даже выше. — Попугаев Вовка надул живот до отказа. — Я уже сто картин нарисовал. Приходи ко мне любоваться.

Мышонок Терентий обрадовался. Поблагодарил Вовку три раза. Спросил Вовкин адрес.

— Я приду. Я приду непременно...

Потом принялся смотреть в небо над башнями. Древние башни летели вверх, в беспредельность. Синяя-синяя река косо падала вниз. Желтый песок сливался с рекой и отвесно уходил в глубину.

— Это же только на первый взгляд все стоит на своих местах. А на самом-то деле все-все летит, — прошептал мышонок Терентий.

— Бедный мышонок, — вздохнула прабабушка Агрипина. — Это летит земля... Представляю, как ему будет трудно.

Мышонок Терентий взобрался на головокружительную высоту

На следующий день мышонок Терентий причесался, умылся и опять причесался: сто картин на уровне восторга — это обязывает. Попросил прабабушку Агрипшину погладить трусики. И пошел к Попугаеву Вовке.

Когда Попугаев Вовка открыл дверь, мышонок Терентий вытер ноги о коврик и поздоровался.

— Как дела? — спросил Вовка. — Давай я тебя в бильярд обыграю, в настольный?

— Если можно... я бы посмотрел картины... — сказал мышонок застенчиво.

Попугаев Вовка почесал в затылке. Полез под диван. Вытащил оттуда альбом.

Мышонок открыл обложку, готовый выразить восторг вздохами разной тональности. Но...

Странички альбома склеились. От них пахло заварным кремом, клубничным вареньем, сыром. А когда мышонок Терентий все же отлепил одну, то увидел команду косматых боксеров с красными носами, жирными ушами и тусклыми глазами. На майках у них были наклеены конфетные фантики с названием «Лимон».

Мышонок Терентий посмотрел на Вовку испуганным взглядом и прошептал:

— Я пойду...

— Куда?! В гостях все расхваливать нужно. И улыбаться... — Попугаев Вовка так улыбнулся, что мышонок тут же выскочил из квартиры.

Мышонок Терентий мчался по улице. Попугаев Вовка за ним. Не умеешь в гости ходить — не ходил бы! Невежа.

А крепостная стена совсем близко.

Мышонок Терентий шмыгнул в дверь самой высокой башни. Помчался по каменной лестнице. Витками. Все вверх.

На крутой крыше самой высокой башни была избушка-сторожка со своей крышей, кстати, тоже крутой. Выше уже ничего не было, только кошке железное, на котором поскрипывал, поворачиваясь, медный флаг.

Прижался мышонок к железному копыю, закрыл глаза на секунду. А когда открыл, то увидел так ярко: голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок, зеленую траву, почти малиновые стены крепости. Весь город Новгород уви-

дел. Ближние и дальние окрестности. И все это кружилось плавно, как медленные карусели.

Мышонок Терентий вздохнул всей грудью!

— Как прекрасно! Какая головокружительная высота... Внизу, едва различимый, стоял Попугаев Вовка. Грозил кулаком и что-то кричал.

С головокружительной высоты он показался мышонку Терентию не очень умным.

Будем терпеливы

Мышонок Терентий поселился в избушке-сторожке, в которой было четыре окна на все четыре стороны.

— Там так удобно рисовать, чтобы все летело и непременно кружилось, — объяснил мышонок Терентий прабабушке Агриппине.

Прабабушка Агриппина вытерла глаза под очками.

— Чем выше мышонок залезает, тем с большей высоты мышонку падать.

И тем не менее она купила ему все, что нужно для художника.

Даже клетчатый шарф.

Однажды, когда она, по обыкновению, сидела в тени лопухов, у крепостной стены, смотрела вверх и грустно вздыхала, к ней подошел милиционер товарищ Марусин.

— Прощу прощения, у вас неприятности?

Милиционер товарищ Марусин, естественно, не мог пройти мимо прабабушки, когда она так грустно вздыхает.

— Вздохнешь не раз, если приходится смотреть на правнука, задрав голову, — объяснила ему прабабушка. — Мне так хочется дать ему какой-нибудь дельный совет, но чтобы туда залезть, нужно быть либо очень молодой, либо летучей.

Милиционер товарищ Марусин посмотрел в бинокль на самый верх самой высокой башни — мышонок Терентий сидел там и недвижно смотрел на чистый лист бумаги.

— В данный момент ему советы не нужны.

— Он уже несколько дней так сидит. Это не отразится на его здоровье?

— Будем терпеливы, — сказал милиционер товарищ Марусин. Отдал прабабушке Агриппине честь и пошел на берег реки, чтобы послушать, как плещет волна, как толкаются и скрипят лодки.

Нарисовал бы ты чистое небо

Мышонок Терентий обмотал шею клетчатым шарфом и принялся рисовать все летящее.

Нарисовал березу летящую. Получилась береза спиленная.

Нарисовал летящий дом. Дом получился недостроенный снизу. Люди никак не могли в него войти и, конечно, очень сердились.

Нарисовал Попугаева Вовку летящего.

Вовка получился падающим. Он падал и грозил мышонку прибить.

Увидел мышонок вдали озеро Ильмень.

Нарисовал летящее озеро — получился дождь.

Мышонок разорвал все четыре картинки. Отнес их в парк, в урну для мусора.

Дома он снял клетчатый шарф. Повесил его на гвоздь. Вымыл пол, потому что закапал его, пока рисовал все летающее.

Прикрепил кнопками чистый лист бумаги и уселся перед ним на табуретку.

Ему было страшно. Проведешь торопливой кистью — и чистый лист, такой белый, превратится в испорченный.

Казалось мышонку, что болит у него сердце, а душа задыхается. Хотя на головокружительной высоте, где он поселился, чистого воздуха было много.

Несколько дней просидел мышонок перед чистым листом.

Однажды на подоконник опустилась ворона, уставшая от полета. Она была уже старая. Можно сказать, седая. Отдышалась она и сказала:

- Нарисовал бы ты чистое небо. Просто чистое небо.
 - Интересная мысль, — согласился мышонок.
- А ворона уже улетела.

Клад и разбойники

Жеребенок Миша и мышонок Терентий стали друзьями.

Ты непременно скажешь, что жеребенок с мышоночком дружить не станет: жеребенок вон какой большой, а мышонок вот какой маленький.

Согласен. В других городах конечно, в других городах так. Но в нашем городе всякое чудо произойти может.

Что ты с гордостью добавишь

— Почему ты такой задумчивый? — спросил мышонок Терентий у жеребенка Миши.

— Я размышляю о дружбе.

— Что о ней размышлять? Все так прекрасно.

— Вот и я размышляю... Если у меня спросят: «Кто твой друг?» — я отвечу: «Мышонок Терентий». И с гордостью добавлю: «Он, между прочим, художник». А если у тебя спросят, кто твой друг?

— Я скажу — жеребенок Миша.

— А что ты с гордостью добавишь?

— Для дружбы это не имеет значения.

— Но ты не знаешь, что произошло вчера. Вчера я сочинил стихи... Если плохо, то ты сразу скажи. Тогда я больше не буду... — Жеребенок Миша пошевелил губами и начал читать застенчивым голосом:

Ночью туман спустился.

Утром цветок распустился.

Днем зачирикала птичка.

Вечером вспыхнула синичка.
Ночью пожар случился.
Утром цветов не распустился...

Последнюю строчку жеребенок Миша проговорил шепотом, отвернулся и перестал дышать от самых худших ожиданий.

А мышонок Терентий поддернул свои трусики и закричал:

— Нет слов! Теперь, когда меня спросят: «Кто твой друг?» — я скажу: «Жеребенок Миша». И с гордостью добавлю: «Он, между прочим, поэт...» В сущности неплохо, если мы сможем немножко гордиться друг другом.

Мы вдвоем

Жеребенок Миша шел по берегу Мишиной речки и сочинял стихи.

Растут на кочке цветочки...

Мишина речка журчала по камушкам, как бы посмеивалась над Мишей.

Но он на нее не обижался.

Вдруг Миша увидел ворота — одни посреди поля. На воротах замок ржавый.

Зачем ворота?

Что за ними?

Решил жеребенок Миша замок снять — посмотреть, что же там, за воротами.

Так и сделал.

Открыл ворота. За воротами трава как трава — как вокруг. И еще мышонок Терентий стоит с блокнотом для рисования.

— Ты откуда? — спросил жеребенок Миша.

— Оттуда... Смотрю — ворота... А ты откуда?

— А я оттуда... Смотрю — ворота...

Огляделись они и разглядели — начинается от этих ворот дорога не проторенная, не широкая и не узкая, как раз такая, по какой одному идти страшно.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий стали потеснее друг к другу.

Сказали:

— Мы вдвоем...

— Вдвоем мы...

И пошли по дороге.

И вдруг почувствовали — должен с ними произойти случай необычайный.

Что вскоре и подтвердилось.

Про зверя Индрика

Жеребенок Миша и мышонок Терентий побежали к Воротам посреди поля. А навстречу им прабабушка Агрипина.

— Ай-я-яй! Стыд и срам на мою голову!

— В чем дело? — спросил ее жеребенок Миша. — Разве мы вели себя недостойно?

Прабабушка Агрипина поправила очки на носу и, обратясь к своим родственникам, а также паукам и козявкам, вылезшим в этот момент из травы, сказала:

— Жеребенку золотистого цвета и мышонку такому голубому не наплевать, если они вымазались в глине, спасая старинный клад от разбойников.

— Конечно! — согласились родственники, а также пауки и козявки. — Мы ими всегда гордимся. Они такие опрятные. Они умываться идут...

Что, про умывание тебе неинтересно? Тебе про что-нибудь, из чего стреляют?.. Ну, что ж... Будь по-твоему.

За всеми углами сразу

Жеребенок Миша и мышонок Терентий пошли на реку мыться.

Нужно сказать, что новгородская глина отмывается трудно, поскольку в ней много сажи от древних кузниц.

Жеребенок Миша выстирал свою шляпу-панаму с бантиком, мышонок Терентий свои красные трусики. А прабабушка Агриппина сидела у крепостной стены в тени лопухов, вязала носки и ворчала, ни к кому не обращаясь:

— Некоторые правнуки, у которых есть все, что нужно художнику, даже клетчатый шарф, бегают за стариннымикладами, а краски их акварельные сохнут на семи ветрах.

Но мышонок Терентий этого не расслышал, он сидел, заткнув уши.

Прабабушка Агриппина продолжала ворчать:

— Некоторые правнуки и их товарищи ходят по городу и ничего не видят. Они даже не видят, что здесь когда-то, давным-давно, проживал веселый зверь Индрик. Это же всем видно, кто смотрит внимательно, что в городе Новгороде проживал зверь Индрик.

— Не было Индрика! — выкрикнул мышонок Терентий и еще крепче заткнул уши.

Прабабушка Агриппина подозвала к себе жеребенка Мишу.

— Миша, у моего правнука вздорное настроение. Это случается после разбойников и старинных кладов. Зверь Индрик действительно проживал в нашем городе. Я была очень маленькая, но хорошо помню, как он весело гонялся за мной. Он был такой... Он прятался за всеми углами сразу. — Прабабушка Агриппина вытерла глаза платком, попросила Мишу нагнуться и прошептала ему на ухо: — Клады кладами, но как хорошо, если бы вам удалось отыскать следы зверя Индрика.

— Как их отыщешь, если Индрика этого нет и никогда не было? — говорил мышонок Терентий, когда они с жеребенком Мишей шагали по улице.

Жеребенок Миша остановился.

— Ты что? — спросил мышонок Терентий.

— Чувствую, там, за углом, кто-то был. Мы, кони, очень далеко чувствуем.

Мышонок Терентий тоже сосредоточился.

— И я чувствую, — прошептал он. — Только я за другим углом чувствую.

Друзья заглянули сначала за один угол. На столбике, торчавшем из тротуара для каких-то технических целей, в трещине клоч шерсти застрял.

Пробежавший мимо кудлатый пес, понюхав шерсть, рыкнул:

— Рррр-рр! Кошачья... Но я бы с этим котом дружил.

За другим углом следы лап когтистых.

Пробежавший мимо серьезный кот с глазами, как перед дракой, посмотрев следы, фыркнул:

— Ффф-ырк! Собачьи... Но где теперь такие собаки?

За третьим углом — царапина на стене. Похоже, козел подтачивал рога. Но если бы в самом деле козел — две царапины были бы.

За четвертым углом ничего — только смех. Вернее, чувство такое, что кто-то здесь хохотал и хихикал.

— У тебя в голове уже возник образ? — спросил жеребенок Миша.

Терентий хотел сказать, что никакого зверя Индрика нет и не было, но он, как ты знаешь, был честный мышонок.

— Я думаю, лапы у него собачьи. Тело кошачье. Голова козлиная. А на лбу всего один рог.

— Я тоже так думаю. Только не могу вообразить хвост и уши.

— Хвост и уши не самое главное, — сказал мышонок Терентий. — Побежали быстрее ко мне. Нарисуем Индрика на бумаге.

Друзья побежали со всех ног. В таких случаях медлить нельзя, иначе забудешь, какие у Индрика лапы — собачьи или кошачьи. А также сколько у него ушей и рогов.

Про зверя Индрика и Попугаева Вовку

После специального милиционерского порицательного взгляда, который применил к нему милиционер товарищ Марусин, Попугаев Вовка дома сидел. Обдумывал ошибки своей прошлой жизни.

Слышал Вовка веселые возгласы за окном и смех за всеми углами сразу. Но крепился.

За такую выдержку в поведении подарили Попугаеву Вовке ружье. Игрушечное. Оно очень громко бабахало.

Кто усидит дома с ружьем? Я думаю, вряд ли найдется такой крепыш. А ты как считаешь?

Шла собака через мост

Озоровал зверь Индрик, озоровал — за всеми углами сразу. Устал.

И захотелось ему в лес пойти.

Выбежал из города — где лес?

Раньше лесу много было. Вековые сосны стояли вплотную к городу. Могучие дубы осеняли большие пространства. Березы-шептуньи шептали: «Ладушки, ладушки...».

Наконец добежал зверь Индрик до леса. Ух, хорошо!

Птицы-синицы его приветствуют, щеглы и овсянки ему песни поют.

Слоняется зверь Индрик меж берез и осин. Дышит лесными ароматными травами. Видит — Вовка идет Попугаев.

Спрятался зверь Индрик в куст. «Ну, — думает, — я этого Вовку сейчас эх насмешу!»

Когда Попугаев Вовка подошел ближе, выскочил зверь Индрик из куста. Встал на задние лапы и запел:

— Цынцы-брынцы. Балалайка...

Оторопел Попугаев Вовка. Отступил даже. Глаза большими стали, как блюдца.

Тут ружье само Вовке в руки вскочило и бабахнуло.

Удивился зверь Индрик, потому что вдруг слабость почувствовал по всему телу. В голове кружение. В желтых глазах туман. Упал он на сырую землю.

Земля, правда, сухой была. Это в сказках так говорят, когда кто-нибудь помирает.

— Шла собака через мост... — прошептал зверь Индрик и прямо на глазах стал бледнеть, как бы таять.

Растерялся Попугаев Вовка от такого поворота. Глянул по сторонам. Мормыш Свирия, а также шныри Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня и Саламандрик рядом стоят.

Грустные-грустные.

— А что он?!

— А что он? — спросил мормыш Свирия. — Застрелил ты, Попугаев Вовка, веселого зверя Индрика. Долго его не было и опять не будет. Кто маленькую Таню из лужи вывел? Зверь Индрик. Кто сделал так, что у дворника тети Анфисы метла ромашками зацвела? Зверь Индрик. Кто всех ребятешек новой игре научил — «Кинешь — поймашь. Побежишь — догонишь»? Зверь Индрик. Ну, озорной он, слов нет...

— Ружье-то игрушечное! — закричал Попугаев Вовка, оправдываясь.

Мормыш Свирия поморщился.

— Сказочного зверя настоящим ружьем не застрелишь, только игрушечным.

Попугаев Вовка трахнул свое ружье о березу и заплакал.

— Слезами горю не поможешь, — сказали шныри. — Нужно спасать.

— Я не умею, — сказал Попугаев Вовка.

Мормыш Свирия присвистнул даже.

— Спасать еще не умеешь, а стрелять уже научился...

Шныри уже шныряли и шмыгали. Собирали по берегу ручья разноцветную глину и разноцветные камушки. Растирали их в мелкую пыль. Смешивали с цветочным медом.

А зверь Индрик таял. И уже просвечивали сквозь его кошачьи бока и собачьи лапы трава и букашки в траве.

Еще чуть-чуть — и совсем исчезнет веселый зверь Индрик. Вот тут Попугаев Вовка поступил как мужчина. Вырвал он из своей бедовой головы клочок волос. Шныри кисточку смастерили. Подали Вовке банку с водой. Банок в лесу теперь сколько хочешь — туристы бросают.

Взял Вовка на кисть желтую краску. Нарисовал зверю Индрику глаза. Они тут же принялись вращаться и тарашиться.

Поддел Попугаев Вовка на кисточку зеленую краску. Зверь Индрик язык высунул и слизнул ее. И себе и Вовке на лбу и щеках зеленых пятен наставил.

Дальше легче пошло.

Подставляет зверь Индрик бока. А Вовка знай красит.

И оба поют вдохновенно.

— Шла собака через мост, — поет зверь Индрик.

— Оторвала кошке хвост, — подпевает Вовка.

Мормыш Свирия, а также шныри Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня и Саламандрик тоже поют:

Черные овечки

Вылезли из печки.

Зашумели: «Бу-бу-бу!»

Не проходит дым в трубу».

Жеребенок Миша и мышонок Терентий про эти события ничего не знают. Только удивляются очень. Теперь как встретят они за одним углом зверя Индрика, так и Вовка там Попугаев. Как встретят за другим углом Вовку, значит, и зверь Индрик неподалеку. Теперь они неразлучны.

— Цынцы-брынцы! — поют. — Ланцы-дранцы!

Кто-то зовет на помощь

Зверь Индрик облил жеребенка Мишу из-за угла водой газированной с лимонным сиропом. Да еще в тот момент, когда Миша казался себе очень красивым.

Миша обиделся.

Пошел бродить по окраине города. Не по той, где высокие новые дома и асфальтовые дороги, — по другой, где нет ничего этого. Зато есть старые пароходы на козлах. Смоленные баржи. Дощатые заборы. Репей ростом с Мишу. И фиолетовый чертополох.

За одним забором, растрескавшимся насквозь, — глубокая, широкая яма.

А в яме пыль.

В эту яму и упал жеребенок Миша, задумавшись.

Захотелось ему еще крепче обидеться, может быть, даже заплакать, лежа в пыли.

Но тут прямо перед своим носом увидел жеребенок Миша мешочек кожаный, который как бы выкрикивал: «Загляни в меня побыстрее!.. Ой, не трогай меня — я ужасная тайна!»

Жеребенок Миша мешочек схватил.

Из ямы выскочил. Огляделся по сторонам и побежал к мышонку Терентию.

— Старинный предмет, потому что потертый, — заявил мышонку Терентий. — Наверно, опять серебро и золото. Впрочем, давай посмотрим одним глазком и археологам отдадим.

Но мешочек был туго набит семечками. Тыквенными. От семечек исходил запах тайны и тихий таинственный шум, словно шорох в пустой квартире.

— Чувствую, кому-то так одиноко, — прошептал жеребенок Миша.

— Чувствую, кому-то так не хватает друзей, — прошептал мышонку Терентий.

И вместе они прошептали:

— Чувствуем, кто-то нуждается в нашей помощи.

Тонкое бодрое пение

Ни Главный Археолог, ни милиционер товарищ Марусин, ни прабабушка Агриппина, поглядев на семечко, ничего не сказали. Только зверь Индрик сказал:

— Молчу...

Жеребенок Миша и мышонок Терентий на Мишину речку пошли.

Молча идут по берегу.

Мишина речка тоже молчит.

В молчании набрали друзья на сарай, упавший в траву. Рядом с ним одинокая яблоня с одним — единственным яблоком.

В молчании друзья пошли дальше — очутились перед Воротами посреди поля и не заметили, как вступили на дорогу не проторенную, не широкую и не узкую, а как раз такую, по которой одному идти страшно.

Тут молчание кончилось.

— Миша, тебе не кажется, что мы идем слишком медленно? — спросил мышонок Терентий, оглядываясь. — Может, бегом припустить?

— Вперед бегом не идут, — сказал жеребенок Миша. — Бегом идут только назад.

Мышонок Терентий хотел задуматься над Мишиными словами, но ему помешал странный запах.

— Удивительно. Пахнет мясной подливой.

Жеребенок Миша тоже принялся. Обоняние у жеребят слабое — у жеребят слух хороший.

— Слышу тонкое бодрое пение.

— К чему бы это? — спросил мышонок Терентий.

— Наверно, к тому же все, — прошептал жеребенок Миша. — К тайне.

Угощайся, будь другом

Тонкое бодрое пение происходило за кустом шиповника.

— Ты тут постой. Я сбегаю погляжу, — сказал жеребенку Мише мышонок Терентий.

— А я поверх кустов вижу. У меня шея длинная...

Видел жеребенок Миша огород цветущий. Над грядками сверкание переливчатое, будто брызги, а в брызгах радуга.

На пенке под кустом человек сидел с красными волосами. И ему, Мише, махал рукой.

— Нас приглашают, — сказал жеребенок Миша. — Пожалуйста, держи себя в руках. Пожалуйста, не удивляйся во весь голос.

— Здравствуйте, — сказал человек, когда жеребенок Миша и мышонок Терентий вежливо к нему подошли.

Сверкание на огороде как бы рассыпалось, успокоилось — между грядками стояли другие человечки с разноцветными волосами.

Конечно, это был мормыш Свирия, а также шныри Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня. И Саламандрик.

Шныри поздоровались приветливо и тут же снова забегали, да так быстро, что у жеребенка Миши и у мышонка Терентия засверкало в глазах.

— Они спокойно стоять не могут, — сказал мормыш Свирия. — Они шныряют и шмыгают. Это они дело делают. Пропалывают огород. Собирают вредителей. Песни поют, чтобы всходы быстрее росли. — Мормыш Свирия прошелся вдоль грядок. — Мы тут выращиваем собачью редиску. У нее запах мясной подливки. Кремовую капусту с сиропом. Карамельный горох. Мармеладную репу. Правда, все это для другой сказки. Дел у нас много, но мы готовы помочь, если у вас беда.

— Пока что у нас беды нет, — сказал мышонок Терентий. — Пока что у нас вопросы. Эти семечки для чего?

Мормыш Свирия задумался. Сжал одно семечко пальцами. Семечко запищало.

— Ясно, — сказал мормыш Свирия. — Семечки не для разгрызания. Их сажать нужно. Думаю, там, где сарай, упавший в траву, где одинокая яблоня с одним-единственным яблоком. Думаю, будут трудности...

— Трудностей мы не боимся, — сказал мышонок Терентий. — Трудности нам по плечу.

А жеребенок Миша стоял и смотрел на грядку с морковкой.

— Это морковка простая? — спросил он.

— Простая, — сказал мормыш Свирия.

— Вы ее такой и оставьте, пожалуйста. Я простую морковку люблю.

— Угощайся, — сказал мормыш Свирия. — Будь другом. Это очень приятно, когда любят простую морковку. В той, другой сказке все будут очень капризные. Будут требовать морковку деликатесную: виноградную и крыжовенную.

— Можно и Терентию быть вашим другом? — спросил жеребенок Миша. — Он тоже простую морковку любит. Хотя больше всего он любит голландский сыр.

Шныри перестали шнырять и шмыгать. Они крикнули хором:

— Мвсдрдзям...

Жеребенок Миша, у которого был исключительно тонкий слух, сумел разобрать:

— Мы всегда рады друзьям.

Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня и Саламандрик выдергивали морковку из грядки.

А жеребенок Миша и мышонок Терентий ели ее.

Внизу сидит неизвестный

Жеребенок Миша и мышонок Терентий пошли в сарай, упавший в траву. Отыскали лестницу-стремянку. В сараях, упавших на траву, много чего найти можно.

Ни в какого пятиглавого дракона Кусача они, конечно, не верили. Но, как ты теперь знаешь, всякая хорошая тайна может повернуться боком либо тем, либо этим.

— А вдруг Оно хищное? — сказал мышонок Терентий. Зверь Индрик его успокоил:

— Не робей, я буду отступление обеспечивать.

Друзья опустили лестницу в тыкву. Подождали немного — вдруг Оно голову высунет?

Но Оно не желало.

Жеребенок Миша первым в тыкву полез. Пока он к лестнице принаравливался, мышонок Терентий вперед проскочил. Мало ли! Вдруг беда — чтобы заслонить друга грудью.

Горло у тыквы было узким. Дальше оно расступалось пещерой.

Было жарко. Пахло так густо и сладко, что сразу всем захотелось воды. Со стен свисали липкие космы. Зверь Индрик лизал их зеленым языком.

А внизу, в темноте, сторожилась тайна — будто порох в пустой квартире.

Так было страшно.

— Не пора ли уже отступить? Ланцы-дранцы! Я уже к лестнице прилипаю, — сказал зверь Индрик.

В узкое горло тыквы солнышко заглянуло. Солнце всегда помогает смелым. Все увидели, что внизу сидит Неизвестный. Шерсть длинная, темно-красная. Нос длинный, свитый в кольцо. Уши большие. Ноги толстые. Глаза закрытые — Неизвестный спал и во сне посапывал.

— Вы кто? — спросил его мышонок Терентий.

— Брррррррр, — сказал Неизвестный. — Ап-чхии!

Развернул нос длинный. Распрямил ноги толстые.

Зверь Индрик дал команду решительную:

— Смело назад!

И наружу выбрался первым. За ним мышонок Терентий. Жеребенок Миша упал — оступился.

Когда и он вылез, зверь Индрик бодал рогом самую толстую тыкву и себя нахваливал.

— Вовремя я отступление скомандовал. Это и есть дракон Зубывон.

— Ты говорил, Кусач.

— И сейчас говорю. Он кусачий и бодучий. Он ломачий и топчучий. Плакали свечки возле нашей речки... — Зверь Индрик посмотрел на жеребенка Мишу и мышонка Терентия желтыми хитрыми глазами. — Вы, ребяташки, тут без меня справитесь. Так что побегу я. Меня неотложные дела ждут.

Когда его шум затих в отдалении, жеребенок Миша сказал:

— Терентий, ты знаешь, кто сидит в тыкве? Оказывается, там просто одинокий маленький мамонт.

Кончается лето

Мышонок Терентий разволновался. От волнения его голубая шерсть стала синей.

— Мы его спасем! — Мышонок поддернул трусики и спросил шепотом: — Миша, ты умеешь спасти мамонтов?

— Миша не умеет, — сказала прабабушка Агрипина.

Прабабушка сидела под яблоней, вязала шапку с помпоном. Мышонок Терентий вытаращился на нее: мол, откуда она?

Прабабушка спрятала вязанье в корзинку.

— Терентий, ты меня удивляешь. Какая прабабушка усидит дома, когда ее правнук кричит и вопит у реки! А что касается мамонтов — спасти их не умеет никто. Их никогда не спасали.

— Как же нам быть? — спросил мышонок Терентий. Прабабушка Агрипина пожала плечами.

— Теперь я пойду домой, — сказала она. Посмотрела на тыквы жаркого спелого цвета. Вздохнула: — Кончается лето... — И, стараясь не горбиться, пошла.

И все же как спасти мамонта?!

— Ты не умеешь, я не умею.

— Одна голова хорошо — две лучше.

— Значит, вдвоем мы гораздо лучше не умеем спасти мамонта.

Друзья размышляли над этим очень трудным вопросом, пока не услышали странный звук: «Уф-ффф...»

Посмотрели на тыкву, которая росла вниз, а из нее маленький мамонт торчит — голова, плечи и передние ноги наружу. Ресницами хлопает и тяжело отдувается.

— Как же ты вылез? — спросил жеребенок Миша. — Разве мамонты могут лазать по стенам тыквы?

— Уф-ффф, — запыхтел мамонт. — Извините. Меня кто-то подталкивает и выталкивает. Но здесь моему животу узко.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий бросились в сарай, упавший в траву.

Отыскали веревку.

Обвязали мамонта.

Дернули что есть мочи.

Мамонт ни с места. Друзья потянули еще раз. Опять что есть мочи. Но сил у них не хватило.

Тут послышалось тонкое бодрое пение. Вокруг жеребенка Миши и мышонка Терентия шныри зашныряли, зашмыгали. И прямо перед ними из ничего возник мормыш Свирия.

Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня и Саламандрик ухватились за веревку.

Мормыш Свирия постучал по тыкве согнутым пальцем, вздохнул и скомандовал:

— Дружно... Рр-разом!

Веревка натянулась — загудела. У тыквы треснула горловина. Мамонт шлепнулся на землю и затрубил радостно.

А вместо тыквы, которая росла вниз, лежала на земле тыква расколотая, вся в глине — усталая очень.

— Ах, какое высокое небо! — шептала она. — Ах, как птицы поют. Кончается лето...

Он уснул, улыбаясь

Ни царапин, ни ушибов у мамонта не оказалось. Малыши падать умеют. Этому их учить не нужно.

Маленький мамонт смотрел на жеребенка Мишу и мышонка Терентия большими глазами. Глаза у него были такие ясные, такие доверчивые, что жеребенку Мише и мышонку Терентию вдруг очень захотелось стать посмелее, выше ростом, подороже и покрасивее. Ресницы у мамонта были длинные. Коротенькие клыки загибались кверху. Казалось, мамонт широко улыбается.

Но если присмотреться, мамонт улыбался застенчиво.

— Здравствуйте. Взрослого имени у меня нет, а мама зовет меня Гдетыгдеты, — сказал он. — Вы не знаете, где моя мама?

— К сожалению, не знаем, — ответили ему жеребенок Миша и мышонок Терентий, смущаясь.

— Кто же разрешит мне съесть тыкву? — грустно спросил Гдетыгдеты.

— Мы! — дружно воскликнули жеребенок Миша и мышонок Терентий. — Ешь на здоровье.

Гдетыгдеты поблагодарил и принялся есть тыкву.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий стояли неподалеку и размышляли, как объяснить маленькому мамонту его чудесное появление на свет и то, что он остался без мамы.

А он, съев тыкву, подошел к жеребенку Мише и мышонку Терентию и спросил:

— Извините. Вы еще не узнали, где моя мама?

— Нет, — сокрушенно ответили жеребенок Миша и мышонок Терентий.

— Как жаль. Кто же мне разрешит съесть вторую тыкву?

— Пожалуйста, ешь, — разрешили ему жеребенок Миша и мышонок Терентий.

Мамонт Гдетыгдеты сказал: «Большое спасибо», — и пошел есть вторую тыкву.

А когда съел, вздохнул устало и сонно.

В небе летел самолет.

По шоссе мчался автобус междугородный «Москва — Ленинград».

Мамонт Гдетыгдеты проводил их взглядом и еще раз вздохнул.

— Извините, — сказал. — Вы все еще не знаете, где моя мама? — Он помигал длинными ресницами и объяснил: — Я всегда сплю, прислонившись к маминой ноге.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий посмотрели на свои ноги.

— Извините, — вздохнул Гдетыгдеты.

Тут послышался ласковый переливчатый смех — смеялась Мишина речка.

— Иди сюда, Гдетыгдеты, — сказала она. — Перед сном нужно умыться. Даже обязательно, если маленький мамонт съел две большие тыквы.

Пока Гдетыгдеты умывался, Мишина речка рассказывала ему сказку. А когда он умылся и отряхнулся всей кожей, речка сказала:

— Прислонись к стволу яблони.

Он прислонился. Яблоня наклонила ветку, на которой висело единственное яблоко.

Гдетыгдеты съел его и уснул, улыбаясь.

А Мишина речка сказала тихо:

— Может быть, мамонты и не вымерли, может быть, они превратились в деревья. В те, что одиноко стоят посреди полей и лугов.

Мамонта нужно закрыть мешковиной

— Миша, что же нам делать теперь? — спросил мышонок Терентий.

Тут раздался велосипедный звонок и вкатил Попугаев Вовка.

Увидав мамонта, Вовка замер.

На велосипеде замереть трудно — Вовка тут же упал носом в тыкву. Но даже не закричал скандальным голосом, не пнул тыкву ногой.

— Вот это да! — прошептал он. — Выходит, я врун. Я сказал милиционеру товарищу Марусину, что тут хищный зверь. Что вас он уже растерзал.

— А тебе кто сказал?

— Известно кто — Индрик.

Милиционер товарищ Марусин шел вместе с Вовкой, но Вовка на велосипеде, конечно, обогнал пешего.

Тайна разрасталась

Попугаев Вовка терпел два часа.

Сначала он терпел легко. Гулял и на всех мальчишек и девчонок смотрел свысока: он знал такое, а они, глупые, ничего не знали. Потом тайна стала в нем разрастаться и щекотать изнутри. Он даже купил ирисок, чтобы заклеить рот, чтобы вдруг не сказать.

Но тайна разрасталась и теперь просто жгла его.

Попугаев Вовка, конечно, не знал, что тайна обладает способностью разрастаться, поворачиваться другой стороной и что, в конце концов, самое таинственное в хорошей тайне — это вопрос, что с нею делать.

Попугаев Вовка выпил три стакана газированной воды с сиропом, но это не помогло.

Он выпил воды без сиропа.

Он пел песню: «Шла собака через мост...»

Он прыгал.

Даже кричал.

Потом не выдержал.

Подозвал маленькую девочку Таню и сказал ей:

— Танька, держи язык за зубами. Я тебе сейчас такую тайну открою — ахнець.

Таня очень хотела ахнуть.

— Давай, — сказала она. — Говори быстрее.

Когда она все узнала, тут же поклялась молчать до могилы. Вовке стало полегче.

Он потолкался возле туристов, намекая, что они, может быть, в скором времени ахнут все, как один.

Когда Вовка шел домой, навстречу ему попался зверь Индрик.

— Вовка! Страшный секрет... — зашептал зверь Индрик таким таинственным шепотом, что его слышно было за всеми углами сразу. — Ланцы-дранцы! Мамонт-многоед объявился. Прямо из земли вылез. Громадный, как дом. Ты, Вовка, где ходишь? Ты, цынцы-брынцы, о чем

думаешь? Беги в магазин, пока не закрыли. Ребята все конфеты скупили и все печенья. Ты знаешь, сколько конфет нужно мамонту? Три тонны в день. Мы берем над ним шефство.

Попугаев Вовка побежал в магазин.

Оказалось, что ни конфет, ни печенья в магазине нет — все раскупили.

— Эх! — сказал Вовка. — Что же я ему теперь принесу? А мог бы все самым первым купить.

Ты будешь его любить больше

Жеребенок Миша и мышонок Терентий уснули в сарае, упавшем в траву. Во сне жеребенку Мише показалось, что кто-то тихонько плачет. Жеребенок Миша проснулся и на самом деле услышал, что рядом тихонько плачет мышонок Терентий.

— Ты что? — спросил Миша.

— А ты... — ответил мышонок, — ты будешь его любить больше.

— Кого?

— Гдетыгдеты.

Жеребенок Миша сразу понял, в чем дело.

— Ты же знаешь, — сказал он, — когда меня спрашивают: «Кто твой лучший друг?» — я отвечаю: «Мышонок Терентий. Он, между прочим, художник». И с гордостью добавляю: «Он самый верный и самый отважный мышонок на свете. К тому же он такой голубой».

— А мамонт и без всего этого — мамонт. — Мышонок Терентий всхлипнул и отвернулся.

— Я даже не предполагал, что ты можешь плакать, — сказал жеребенок Миша. — Ты меня удивляешь.

— Я тоже не предполагал. А потом подумал: ты копытный, он копытный. А я с когтями.

— У кошки тоже когти, но это ничего не доказывает, даже наоборот. Ты лучше подумай, пожалуйста, сколько ему нужно тыкв на завтрак?

— Одну, — сказал мышонок Терентий. — Нечего его баловать.

— Давай пойдем на него посмотрим, — предложил жеребенок Миша. — Может быть, во сне мешковина с него сползла, может быть, ему теперь холодно.

Они встали. Подошли к яблоне.

Луна светила холодным светом. Прислонившись к стволу яблони, спал Гдетыгдеты. Во сне он чмокал губами. Он был таким одиноким, что у мышонка Терентия и у жеребенка Миши защемило в носу.

— Он такой маленький, — сказал жеребенок Миша.

Мышонок Терентий тут же подумал: «Наверное, одной тыквы на завтрак ему будет мало. Наверное, ему нужно две — самые сладкие».

— Мы оба будем любить его больше, — сказал мышонок Терентий.

Жеребенок Миша с ним согласился.

— Я теперь так и буду говорить: «У меня с моим лучшим другом, мышонком Терентием, есть еще маленький друг Гдетыгдеты. Мы его очень любим, потому что, кроме нас, у него никого нет».

И тут они оба почувствовали, что стали гораздо смелее, гораздо добрее, выше ростом и, безусловно, красивее.

Маскировка

Звонок прозвенел.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий разом вскочили.

— Кто звонит? — спросили они друг друга.

Тут же увидели, что еще очень рано. Солнце едва поднялось. Гдетыгдеты спал.

Друзья поправили на нем мешковину, мокрую от росы. Звонок опять зазвонил — напрямик через кочки и через кусты мчался на велосипеде Попугаев Вовка.

— Что случилось? — спросил жеребенок Миша, когда Вовка спрыгнул на землю.

— Кошмар, — сказал Попугаев Вовка. — Думаете, легко исправляться? Думаете, раз-два — и все тут?

— Объясни, пожалуйста, толком, — попросил мышонок Терентий.

— Ребята все конфеты в магазинах скупили и все печенья. Три тонны. Сейчас прибегут кормить Гдетыгдеты — вот какой я ушастый глупый осел.

— Да, — сказали друзья сокрушенно. — Теперь нам ясно, чего опасался милиционер товарищ Марусин.

— Маскировка! Вот что поможет! — воскликнул мышонок Терентий.

Они принялись быстро думать, как бы половчее замаскировать Гдетыгдеты.

— Сделаем из него копну, — предложил жеребенок Миша. Попугаев Вовка работал как бешеный.

— Быстрее! — покрикивал он. — Быстрее, я вас прошу. Маскировать мамонтов лучше всего в сонном виде.

На лугах вдоль Мишиной речки стояли небольшие копешки сена, накопленные для набивки сенных подушек. Летом на балконе так хорошо отдыхать на сенной подушке. От нее пахнет медом.

Друзья наметали вокруг мамонта Гдетыгдеты копну. Прорыли в сене отверстие для дыхания.

Попугаев Вовка прикрыл отверстие мешковиной: маскировка — так уж по всем правилам.

И вовремя.

На дороге показались толпы мальчишек и девчонок с кошелками и кулками.

— Первый удар я возьму на себя, — сказал Попугаев Вовка.

Дождь

Дождь был такой плотный, такой непроглядный, что многие заблудились в нем, как в лесу.

Некоторым мальчишкам и девочкам, школьникам, все же удалось добраться до города. Они тут же сообщили о стихийной беде.

Отряд милиции во главе с милиционером товарищем Марусиным был брошен на поиски.

— Главное — отыскать малышей, — сказал своим подчиненным милиционер товарищ Марусин. — Школьники сами дорогу найдут.

Милиционеры справились с этой задачей хорошо. Ни один малыш не потерялся.

Были найдены также восемнадцать щенков, четыре ягненка и упрямый бычок.

Школьники сами дорогу нашли. Правда, некоторые объявились только через два дня в районе Валдая.

Когда милиционера товарища Марусина спрашивали, что случилось, он говорил так:

— Форменное безобразие.

А на вопрос: «По какой причине?» — отвечал:

— Мы еще не умеем уважительно относиться к мамонтам.

Я буду подниматься над лесом

Жеребенок Миша, мышонок Терентий и Гдетыгдеты шагали за мормышем Свирей. Шныри шныряли и шмыгали вправо-влево. И напевали. Только бодрых нот в их нынешнем пении не было.

Дорога обрывалась у озера.

Жеребенок Миша спросил:

— Разве эта дорога идет сюда?

— В этой сказке сюда, — ответил ему мормыш Свирия. — Нужно спрятать мамонта Гдетыгдеты.

Маленький мамонт кивнул:

— Меня нужно спрятать получше. Иначе я привыкну к сладостям. И будут меня называть мамонтьюгой.

Озеро блестело среди вековых сосен. Берега у него были песчаные. Вода синяя. И небо отражалось в воде, как, наверное, вода отражалась в небе.

— Иди прямо в озеро. На самую середину, — сказал мормыш Свирия.

— Мы его больше никогда не увидим?! — воскликнул жеребенок Миша и мышонок Терентий.

Они бросились обнимать Гдетыгдеты.

— Я вас тоже люблю, — сказал маленький мамонт.

Когда Гдетыгдеты дошел до середины озера, шныри замерли, склонили свои разноцветные головы, как цветы после дождика.

Мормыш Свирия махнул рукой.

Синий цвет озера сгустился на середине. Закружился воронкой. И закипел как бы...

Из озера поднялось облако и поплыло по ветру над древним бором.

Где ты, Гдетыгдеты?

Жеребенок Миша и мышонок Терентий сидели на самом верху самой высокой башни, в избушке-сторожке. Смотрели в окно. Тосковали.

Мимо проплывали облака. Они торопились куда-то, теснили друг друга. Вдруг одно облако, не очень большое, отстало от всех — медленно плывет. Потом и вовсе остановилось. Прямо возле окна.

— Как живете? — спросило оно негромким голосом.

— Тоскливо живем, — ответил мышонок.

— Купаться хотим пойти, а все сидим и сами не знаем, чего сидим... — объяснил жеребенок.

— Зачем ходить? Прыгайте в меня и купайтесь, — сказало облако.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий в облако прыгнули, с головой окунулись. Вынырнули — сверху солнышко светит, с боков приятной прохладой обдает. Поплыли...

Внизу под стенами крепости ребятишки и взрослые стоят, шумят удивленно:

— Смотрите, смотрите! Жеребенок Миша и мышонок Терентий в облаке купаются.

— Хорошо им!

— Чудесно...

А жеребенок Миша и мышонок Терентий плавают в облаке наперегонки — на боку и на спине.

Наконец облако говорит им:

— Снизаться будем. Вы меня ногами взбаламутили. Я сейчас на землю прольюсь дождем.

— И мы прольемся? — спросили мышонок и жеребенок.

— Я ушибусь очень.

— А я разобьюсь даже.

— Ничего, вы пока ногами не шевелите, вы отдохните пока, — сказало им облако. — Я осмотрюсь, найду местечко поудобнее.

Опустилось облако ниже... Еще ниже... И пролилось дождем в озеро.

Жеребенок Миша и мышонок Терентий с головой окунулись. Вынырнули — сверху солнышко светит. Вода с боков прохладная. Заработали они ногами. Спрашивают:

— Облако, ты где? Где ты?

— Я здесь, — отвечает облако негромким голосом.

Тут жеребенок Миша и мышонок Терентий голос узнали.

— Гдетыгдеты! — закричали они.

Над озером поднялось легкое облако, приняло форму маленького мамонта, помахало хоботом и поплыло к вершинам древнего бора. И все вокруг закружились, как медленные карусели. Воздух стал ароматным. А всякий природный цвет — ярким.

1978

СОФЬЯ ЛЕОНИДОВНА ПРОКОФЬЕВА

(р. 1928)

Герой моих сказок смотрит на мир, в некотором смысле, моими глазами. И оценивает происходящее так, как, вероятно, оценивала бы на его месте я. Да, пожалуй, это так.

С. Л. Прокофьева

Софья Леонидовна Прокофьева — русская писательница, автор неповторимых детских сказок. Родилась в Москве 14 мая 1928 года, выросла в семье художника и востоковеда-япониста. Интерес к литературному творчеству проявился рано: уже в 15 лет был написан стихотворный «Античный цикл», получивший высокую оценку Бориса Пастернака.

Софья Леонидовна Прокофьева закончила графический факультет Московского государственного художественного института им. В. Сурикова в 1957 году, затем работала художником-иллюстратором. Писать сказки начала в 50-е годы XX века, после рождения сына. Сказки Прокофьевой прочитал Л. Кассиль и назвал ее «настоящей сказочницей». Первая книжка — сказка в стихах «Кто лучше?» — вышла в Детгизе в 1957 году. С тех пор Софья Леонидовна написала более тридцати книг и продолжает писать все новые. Сказки Прокофьевой переведены более чем на двадцать языков.

Софья Прокофьева много работала и для театра. В соавторстве с Генрихом Сапгиром были написаны пьесы «Кот в сапогах», «Василиса Прекрасная», а с Ириной Токмаковой — «Стрела Робин Гуда», «Андрей Стрелок и Марья Голубка». Софья Леонидовна известна также пересказами произведений европейского фольклора для детей.

Софья Прокофьева является автором сценариев, по которым сняты мультипликационные фильмы: «Лоскутик и облако», «Остров капитанов», «Ученик волшебника», а также игровые фильмы — «Пока бьют часы» (1976), «Оставь окно открытым», «Без свидетелей» (1983). Экранизированная повесть Софьи Прокофьевой «Приключения желтого чемоданчика» (1970) получила три премии на международных фестивалях, в том числе серебряную медаль «Венецианской бьеннале» и диплом «За лучший художественный фильм для детей» на V Международном детском кинофестивале в Тегеране. Софья Леонидовна — лауреат японской премии КОДАИ (Лучшая книга года) за сказку «Не буду прощать».

СЕРЕБРЯНОЕ ОЗЕРО

Белоснежка и принц Теодор, превращенные в лебедей, летели над зеленым лесом Грюнвельт.

— Вот бы поймать хоть одну такую птичку! — облизнулась рыжая лиса, задрав кверху острую морду.

— Нежное мясо, тонкие косточки! — серый волк жадно щелкнул зубами. — То-то получился бы славный обед.

Долго кружились лебеди вокруг замка Тэнтинель.

— Какие красивые лебеди! — воскликнул старый король Унгер. — Но почему же такая тоска вдруг сжала сердце? Верно, потому, что я не знаю, где теперь моя любимая дочурка и ее супруг, принц Теодор...

Вдруг блестящее перо, медленно и плавно кружась, упало прямо в руки старого короля.

— Лебеди, белые лебеди, вернитесь! — слезы затуманили его взор. — Ах, они уже далеко...

Теперь лебеди летели совсем низко, почти касаясь крыльями зеленых верхушек могучих деревьев.

Но вот внизу, как круглое зеркало, блеснуло Серебряное Озеро.

— Опустимся вниз, мой милый, — сказала лебедь Белоснежка. — Спросим совета у доброй феи. Кто знает, может, она сумеет одолеть злое колдовство королевы Морганды?

Лебеди плавно опустились на прозрачные воды Серебряного Озера.

Они увидели глубоко на дне узорчатый серебряный дворец. Вот распахнулись высокие двери. По широкой лестнице спустилась фея в сверкающих одеждах и жемчугах. Впереди нее по ступеням весело скакал серебряный лягушонок. Он изловчился и ловко поймал серебряного комара. Позади шла девочка-служанка с серебряными косами до самых пят.

Напрасно лебеди окликали фею Серебряного Озера, били крыльями по воде. Фея даже не подняла головы. Ведь она не понимала их птичьего языка. А пролетавшие мимо дикие лебеди опускались на прохладные воды ее озера.

— Все напрасно, она не слышит нас, — печально сказал лебедь-принц Теодор. — Полетим дальше, любимая. В далеких странах, где нас никто не знает, мы найдем себе приют.

Лебеди с золотыми коронами снова полетели над лесом Грюнвелът. Лебедь Белоснежка отвернула головку, чтобы принц Теодор не заметил слез на ее глазах.

2002

КОГДА МОЖНО ПЛАКАТЬ

Утром заплакала Маша. Заглянул в окно петушок и говорит:

— Не плачь, Маша. Утром я пою ку-ка-ре-ку, а ты плачешь, мне петть мешаешь.

Заплакала Маша днем. Вылез из травы кузнечик и говорит:

— Не плачь, Маша. У меня голос тонкий, а ты плачешь громко, никто меня не слышит.

Заплакала Маша вечером.

Прискакали из пруда лягушки.

— Не плачь, Маша! — говорит лягушка. — Мы любим вечером квакать, а ты нам мешаешь.

Заплакала Маша ночью. Прилетел из сада соловей и сел на окно:

— Не плачь, Маша! Ночью я пою красивые песни, а ты мне мешаешь.

— А когда же мне плакать? — спросила Маша.

— А ты никогда не плачь, — сказала мама, — ведь ты большая девочка.

2002

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЛЯГУШОНОК СТАЛ ЛЯГУШОНКОМ

Пришла весна. Стало тепло и весело. Около речки на зеленом лугу лягушата учились прыгать. Прыг-прыг! Скок-скок!

Только один Лягушонок не прыгал. Он боялся.

— Ты ползаешь, как улитка, — сказала ему старая Лягушка.

Грустно стало Лягушонку. Он спрятался в осоке. Там его увидел Утенок.

— Почему ты не прыгаешь? — спросил Утенок.

— Не знаю, — грустно сказал Лягушонок. — Наверное, я улитка.

— Улиток без рожек не бывает, — сказал Утенок и поплыл по воде.

Вечером на небо вышел Месяц. У него были золотые рожки.

— Месяц, Месяц, отдай мне свои рожки, — попросил Лягушонок.

— А ты достань их, — улыбнулся Месяц.

Лягушонок протянул лапку. Далеко рожки, высоко.

Прыгнул Лягушонок один раз. Не достал. Прыгнул второй раз. Опять не достал. Так он прыгал, прыгал и все кричал:

— Сейчас достану, ква-ква-ква! Сейчас достану, ква-ква-ква!

Месяц спустился немного ниже. Разбудил Лягушонок своим криком всех лягушат и лягушек.

— Выше всех прыгает! Молодец! — похвалили его лягушки.

А старая Лягушка сказала:

— Вот теперь ты настоящий Лягушонок!

2002

СКАЗКА ПРО ЦАПЛЮ И ЛЯГУШОНКА

Наступило лето. Все лягушата стали учиться плавать и нырять. Только один Лягушонок боялся нырять и плавать.

— Что мне с тобой делать? — огорчилась мама Лягушка.

Пошла она в магазин и купила игрушку — надувного Лягушонка.

— Хоть так будешь плавать, — сказала она своему сыночку. Может быть, когда-нибудь научишься.

Вот пошли утром лягушата на речку.

— Плавайте сколько хотите, — разрешила лягушатам старая Лягушка. — И берегитесь злой Цапли. Если она прилетит с болота, я крикну вам: «Ныряйте!» Тут уж не зевайте.

Прыгнули лягушата в воду. Поплыли резво на другой берег. Только наш Лягушонок пыхтит на берегу. Лягушонка-игрушку надувает. Наконец и он поплыл. Держится за резиновые лапки. Загородился Лягушонок.

— Вы просто так плаваете. А у меня — свой личный пароход.

Вдруг наверху зашумели крылья. Это была злая Цапля.

— Ныряйте, ныряйте! — закричала старая Лягушка.

Все лягушата мигом ушли под воду.

— Ныряйте скорей! — крикнул Лягушонок своему надувному лягушонку. А тот нырнуть не может: ведь он воздухом надут. А Цапля уже близко. Клюв нацелила. Ой, как страшно! Отпустил Лягушонок резиновые лапки. И скорей — на дно.

Клюнула Цапля. Но ухватила клювом только резинового лягушонка. И проглотила.

— Фу, какие лягушата здесь невкусные! — проворчала Цапля. И улетела навсегда на свое болото.

Вылез Лягушонок на берег.

Мама Лягушка и говорит ему:

— Что ж, придется тебе новую лягушку покупать.

— А мне и не нужно, — сказал Лягушонок. — Я уже и так научился и нырять, и плавать.

2002

СКАЗКА О ТОМ, ЧТО НАДО ДАРИТЬ

Пришел к Ойке мышонок и говорит:

— Ойка, подари мне что-нибудь.

Стала Ойка думать: «Лопатку мне жалко. В кубики я сама играю. Машина мне самой нужна».

Подняла Ойка с земли камень и подарила его мышонку.

— Я тебе камень подарю, — говорит Ойка. — Игрушки мне жалко. Я тебе подарю, что мне самой не нужно.

Обиделся мышонок и ушел от Ойки. Пришел мышонок на поляну. А на поляне медвежонок, зайчонок и бельчонок кверху животиками лежат и на солнышке греются. Рассказал им мышонок про Ойку.

Наступил Ойкин день рождения. Пришли к Ойке гости. Принесли ей подарки.

Принес бельчонок скорлупу от ореха. Принес зайчонок мухомор. Медвежонок притащил гнилую шишку. А Маша принесла щепку.

— Почему вы такие мне плохие подарки принесли? — спрашивает Ойка.

— Мы тебе подарили, что нам самим не нужно, — говорит Маша.

Стыдно стало Ойке. Заплакала она.

Стало всем ее жалко.

Побежал бельчонок и принес Ойке орехов. Зайчонок — сладкой моркови. Медвежонок — меду. А Маша принесла Ойке куклу.

— И я теперь буду всем дарить, что мне самой нужно! — сказала Ойка.

2002

СТРАНА КУВЫРКАНИЯ

Жил-был маленький Зайчонок. Он любил качаться на стуле. И сколько мама Зайчиха ни говорила ему: «Не качайся, упадешь — ушибешься», — Зайчонок все равно качался на стуле.

И однажды случилось вот что.

Сел Зайчонок обедать и стал, как всегда, качаться на стуле. Качнулся раз, качнулся два, качнулся три. Стул опрокинулся. Зайчонок перекувыркнулся через голову. Хлоп!

— Ой-ой-ой! — закричал Зайчонок. Оглянулся и увидел, что оказался в темном, глухом лесу. Кругом стояли серые, мохнатые ели.

«Куда это я попал?» — подумал Зайчонок. Потирая ушибленный затылок, присел Зайчонок на пенек. Раз-два-три! Пенек перевернулся. И зайчонок кувырком полетел на землю.

Зайчонок бегом бросился через лес. Долго бежал Зайчонок. Вот и просвет. Зайчонок выбежал на поляну. Там стоял веселый домик с красной черепичной крышей.

Обрадовался Зайчонок. Вошел в дом. Видит: посреди комнаты — стол, покрытый белой скатертью. А на столе — тарелка.

Что за вкусные вещи лежат на тарелке: капустные листья, морковь! И все свежее, только что с грядки.

— Тут-то я и пообедаю, — решил Зайчонок.

Сел он на стул. Раз-два-три! Стул перевернулся. Зайчонок полетел на пол! Сильно ушибся:

«Ладно, буду есть стоя», — подумал Зайчонок. Только протянул он лапу к тарелке. Раз-два-три! Тарелка перевернулась. Все рассыпалось по столу.

— Ладно, обойдусь и без тарелки!

Протянул Зайчонок лапу. Раз-два-три! Стол перевернулся. Раскатились морковки по углам. Затряс с досады ушами Зайчонок.

— Потом пообедаю. Устал я. Отдохнуть бы хоть немного.

Тут Зайчонок увидел кровать. А на ней пять пуховых подушек. Вот это славно!

Только лег Зайчонок на кровать, лапу — под щеку, уютно свернулся. Раз-два-три! Кровать перевернулась. Зайчонок хлопнулся на пол.

— Ой-ой-ой! — закричал Зайчонок. И выбежал из этого странного дома.

А на поляне стояли пять зайчат. И все громко охали. И у каждого на голове между ушами была привязана большая подушка.

— Куда это я попал? — закричал Зайчонок.

— В страну Кувырканию, — грустно ответили зайчата. — Мы тоже качались на стульях и вот очутились здесь.

— Никогда больше не буду качаться на стуле! — воскликнул Зайчонок.

— И мы тоже, — заплакали зайчата.

Наверное, эти слова были волшебные. Потому что тотчас же в небе появился серебряный самолет. Он сделал несколько кругов над поляной и плавно опустился на землю.

Из самолета вышел Заяц в голубом комбинезоне и шлеме. Зайчата подбежали к нему.

— Дядя Заяц, — сказал Зайчонок. — Вы тоже качались на стуле?

— Глупости, — нахмурился Заяц. — Просто меня сюда прислали ваши мамы. Они очень беспокоятся. Сейчас же поезжайте в самолет.

Вот как окончилась эта история. Больше наш Зайчонок не качался на стуле. Ни за обедом, ни за завтраком, ни за ужином.

2002

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УСАЧЕВ

(р. 1958)

Андрей Усачев родился 5 июля 1958 года в Москве. Учился в Московском институте электронной техники, однако после четвертого курса перешел на филологический факультет Тверского государственного университета. Прежде чем стать профессиональным писателем, сменил немало работ и должностей: был дворником, сторожем, охранником, музыкантом в ресторане, редактором журнала «Веселые картинки».

Публикуется с 1985 года. В 1990 году его сборник стихов «Если бросить камень вверх» был удостоен первой премии на Всероссийском конкурсе молодых писателей для детей. На следующий год был принят в

члены Союза писателей. Довольно быстро Усачев стал одним из наиболее популярных авторов в отечественной детской литературе. Среди его книг — поэтические «Сны Петушкова» (1994), «Волшебная Азбука» (1996), «Мы играли в паровоз» (1998), «Сказочная Азбука» (1998), «Шка-тулка2 (1999), «Планета кошек» (1999), «Шуршащая песня» (2003), «Любопытная Варвара» (2003), «Шел по улице жучок» (2003), а также сборники сказок и фантастических историй для детей «Флюм-пам-пам» (1992), «Умная собачка Соня» (1996), «Барабашка, или Обещано большое вознаграждение» (1998), «Оранжевый верблюд» (2002), «Сказочная история воздухоплавания» (2003).

Всего же в России вышло более 100 книг писателя. Некоторые из его произведений были переведены на иврит, украинский, молдавский, польский и сербский языки. Его «Основы Безопасности Жизнедеятельности» для 1—4 классов, «Декларация Прав Человека», «Мои географические открытия» были рекомендованы для изучения в школах Министерством образования России.

Помимо стихов и прозы, Андрей Усачев также пишет пьесы для кукольного театра и песни. Он много работал на телевидении: писал сценарии и песни для передачи «Кварьете Веселая квампания» и для многосерийного художественного фильма «Дракоша и компания». На протяжении нескольких лет вел детские радиопередачи «Веселая радиоквампания» и «Летающий диван». По его сценариям поставлен ряд мультипликационных фильмов. В 2005 году, как автор детских песен, он был удостоен премии «Золотой Остап», а созданная им вместе с художником Виктором Чижиковым книга «333 кота» победила в номинации «Вместе с книгой мы растем» на конкурсе «Книга года». На следующий год Андрей Усачев стал лауреатом международного конкурса «Петя и волк — 2006» за лучшее произведение для детей.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕЧКА

(Отрывок)

В одном большом городе жил Маленький Человек. Был он маленький-маленький. И дом у него был маленький. И сад у него был маленький.

Днем Маленький Человек ходил на работу, а вечерами сажал в своем саду тюльпаны или сидел на скамейке у ворот, курил маленькую трубочку и радовался тому, что все вокруг такое большое: и люди были такие большие, и дома

были такие большие, и деревья были такие большие, и даже собаки были такие большие!

Огорчало Маленького Человека только то, что большим людям все это казалось маленьким: и люди им казались маленькими, и дома им казались маленькими, и деревья им казались маленькими, и даже собаки им казались маленькими...

А уж Маленького Человека большие люди и вовсе не замечали. Они могли толкнуть его на улице и не извиниться. Или пройти через его ухоженный сад, топчя своими слоновьими ногами цветы.

— Что вы делаете? — кричал им Маленький Человек. — Пожалуйста, будьте внимательны...

Но большие люди не обращали на него никакого внимания и шли дальше по своим делам.

Тогда Маленький Человек купил себе собаку. Собаку он купил себе, конечно, очень маленькую. Но с таким громким голосом, что все стали обходить его дом стороной.

— Странно, — думал Маленький Человек. — Большие люди боятся, когда на них кто-нибудь ЛАЕТ. Но они совершенно никого НЕ УВАЖАЮТ...

Однажды Маленький Человек нашел в своей библиотеке маленькую книжку, которая называлась «Всеобщая Декларация Прав Человека». В ней говорилось о том, что все люди должны знать свои права и относиться друг к другу с уважением. Книжка эта очень понравилась Маленькому Человеку. Но у кого он ни спрашивал, никто в городе даже не слышал о Правах Человека.

— Большие люди удивительно безграмотны, — подумал Маленький Человек. — Надо это исправить.

И однажды он вышел на центральную площадь города с большим плакатом в руках:

**ВСЕ ЛЮДИ РОЖДАЮТСЯ СВОБОДНЫМИ И РАВНЫМИ.
ВСЕ ИМЕЮТ ОДИНАКОВОЕ ДОСТОИНСТВО И ПРАВА.
ВСЕ НАДЕЛЕНЫ РАЗУМОМ И ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ
ДРУГ К ДРУГУ, КАК БРАТЬЯ И СЕСТРЫ...**

Вскоре вокруг плаката собрались горожане.

— Что это тут написано? — в недоумении спрашивали они друг у друга. Хотя Маленький Человек написал все **ОЧЕНЬ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ**.

— Это слова из «Всеобщей Декларации Прав Человека», — объяснил им Маленький Человек. — Она написана для того, чтобы все люди знали о своих правах...

— Глупость какая-то написана, — заявил один Толстый Гражданин. — Люди не могут рождаться равными. Я, например, когда родился, весил **4 килограмма 500 граммов**, а мой сосед — всего **3 килограмма 100 граммов**, а вы...

— Послушайте! — сказал Маленький Человек. — Рождаться равными — это не значит рождаться одного роста и веса. Или одинаково сильными и красивыми. Рождаться равными — значит **РОЖДАТЬСЯ ЛЮДЬМИ**. Маленькими и голыми. Ведь никто еще не появлялся на свет Министром с Портфелем или Генералом с Погонами.

— Допустим, — сказал Толстый Гражданин. — Но почему это я должен относиться ко всем, как к братьям и сестрам? Я — в семье единственный ребенок, и никаких братьев и сестер у меня сроду не было!

— У меня их тоже не было, — вздохнул Маленький Человек. — Но все мы — люди, и значит братья по разуму и происхождению... Говорят, что все люди произошли от Адама и Евы, то есть приходятся друг другу родственниками. Только очень дальними. Вы, я думаю, приходитесь мне приблизительно **88-юродным** дядей.

— Вздор! — возмутился Толстый Гражданин. — Я, лично, атеист. И твердо знаю, что все люди произошли от обезьяны. И я, и вы!

— Жаль, — грустно сказал Маленький Человек. — В таком случае вы мне приходитесь **88-юродным** дядей по обезьяньей линии...

— Вы только послушайте его!.. — закричал возмущенный «дядя».

Но ни его, ни Маленького Человека никто уже на площади не слушал. Все активно выясняли, кто кому кем приходится. Сразу же нашлись стюродные братья и двухсотюродные бабушки. А одна старушка высчитала, что приходится четырнадцатюродной ТЕТЕЙ ПРЕЗИДЕНТУ.

Многие горожане перезнакомились между собой и по—родственному приглашали друг друга в гости.

А Маленький Человек свернул свой плакат и отправился домой, весьма довольный этой маленькой победой.

1991

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ БЕРЕСТОВ (1928—1998)

Родился Валентин Берестов в маленьком, тихом городке, в семье учителя. Отец будущего поэта сам писал в юности стихи и сыну сумел привить страстную любовь к чтению. По признанию Берестова, одним из величайших событий его жизни было то, что в четыре года он научился читать.

Книги были с ним с самого раннего детства: «Одиссея», сказки Андерсена и баллады Жуковского. Даже учился Берестов одно время в селе с литературным и довольно странным названием — Льва Толстого. Поэтические способности у мальчика обнаружились очень рано. К сожалению, первый стихотворный опыт закончился грустно. За дразнилки на одноклассников их автор, восьмилетний Берестов, был бит своими товарищами по первому классу, но это не отвратило его от сочинительства. Повзрослевший поэт записывал новые стихи в тетрадь, которая хранилась в тайнике. Было это в 1942 году в Ташкенте, где в эвакуации жила семья Берестовых. В годы войны в этом городе оказались и многие знаменитые литераторы. Вообще в жизни Валентину Берестову потрясающе везло на удивительные встречи. Здесь, в Ташкенте, он разговоривал с Анной Ахматовой. К ней его привела жена поэта Мандельштама Надежда Яковлевна, которая преподавала английский во Дворце пионеров. Но особую роль в литературной биографии Берестова сыграл Чуковский, которому четырнадцатилетний поэт решил показать заветную тетрадь. Корней Иванович не только помог развиваться поэтическому таланту Берестова, но и поддержал его чисто человечески. Он спас Берестову жизнь, когда тот серьезно заболел.

В 1944 году семья Берестовых перебралась в Подмоскowie. В Москве Валентин Дмитриевич поступил на исторический факультет МГУ, затем в аспирантуру института этнографии. Выбор этот не был случайным: отец в свое время преподавал в школе историю.

В 1946 году Берестов впервые поехал на археологические раскопки. Как было не написать о таких древних городах, как Хорезм, Новгород! Особенно если дано человеку чувство живого слова. Через несколько лет ветеран археологических экспедиций Валентин Берестов расскажет о своих путешествиях в исторических повестях «Меч в золотых ножнах» (1964) и «Два огня» (1966).

В 1946 году произведения Берестова начинают публиковаться в периодической печати. А в 1957 выходит его первый поэтический сборник «Отплытие» и тоненькая книжка для дошкольников «Про машину».

ЧЕСТНОЕ ГУСЕНИЧНОЕ

Гусеница считала себя очень красивой и не пропускала ни одной капли росы, чтобы в нее не посмотретья.

— До чего ж я хороша! — радовалась Гусеница, с удовольствием разглядывая свою плоскую рожу и выгибая мохнатую спинку, чтобы увидеть на ней две золотые полоски. — Жаль, что никто-никто этого не замечает.

Но однажды ей повезло. По луку ходила девочка и собирала цветы.

Гусеница взобралась на самый красивый цветок и стала ждать. А девочка увидела ее и сказала:

— Какая гадость! Даже смотреть на тебя противно!

— Ах так! — рассердилась Гусеница. — Тогда я даю честное гусеничное слово, что никто, никогда, нигде, ни за что и нипочем, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах больше меня не увидит!

Дал слово — нужно его держать, даже если ты Гусеница.

И Гусеница поползла на дерево. Со ствола на сук, с сука на ветку, с ветки на веточку, с веточки на сучок, с сучка на листок. Вынула из брюшка шелковую ниточку и стала ею обматываться.

Трудилась она долго и наконец сделала кокон.

— Уф, как я устала! — вздохнула гусеница. — Совершенно замоталась.

В коконе было тепло и темно, делать больше было нечего, и Гусеница уснула.

Проснулась она оттого, что у нее ужасно чесалась спина. Тогда Гусеница стала тереться о стенки кокона. Терлась, терлась, протерла их насквозь и вывалилась. Но падала она как-то странно — не вниз, а вверх.

И тут Гусеница на том же самом лугу увидела ту же самую девочку. «Какой ужас! — подумала Гусеница. — Пусть я некрасива, это не моя вина, но теперь все узнают, что я еще и обманщица. Дала честное гусеничное, что никто меня не увидит, и не сдержала его. Позор!»

И Гусеница упала в траву.

А девочка увидела ее и сказала:

— Какая красивая!

— Вот и верь людям, — ворчала Гусеница. — Сегодня они говорят одно, а завтра — совсем другое.

На всякий случай она погляделась в каплю росы. Что такое? Перед ней — незнакомое лицо с длинными-предлинными усами. Гусеница попробовала выгнуть спинку и увидела, что на спинке у нее появились большие разноцветные крылья.

— Ах вот что! — догадалась она. — Со мной произошло чудо. Самое обыкновенное чудо: я стала Бабочкой! Это бывает.

И она весело закружилась над лугом, потому что честного бабочкиного слова, что ее никто не увидит, она не давала.

1986

ГРИГОРИЙ БЕНЦИОНОВИЧ ОСТЕР

(р. 1947)

Григорий Остер родился 27 ноября в Одессе в семье портового механика. Окончив среднюю школу в 1966 году, в течение трех лет служил на Северном флоте. В 1969 году возвращается в Одессу. В 1970 году приезжает в Москву, поступает в Литературный институт им. М. Горького на отделение драматургии и учится заочно до 1982 года.

За эти годы Г. Остер написал пьесы для кукольных театров: «Человек с хвостом» (1976), «Все волки боятся» (1979) и др. В 1975 вышла первая детская книга. В 1980-е продолжает писать пьесы: «Привет мартышке» (1983), «Секретный фонд» (1986); создает фильмы-сказки: «Мальчик и девочка» (1981), «Как Гусенок потерялся» (1988), «Попался, который кусался!» (1989). В 1990 году публикует замечательные детские книги: «Бабушка удава», «Великое закрытие», «Вредные советы» (Книга для непослушных детей и их родителей), «Гадание по рукам, ногам, ушам, спине и шее», «Детские суеверия». Остер пишет сценарии для мультсериалов «Зарядка для хвоста», «38 попугаев» и др.

Очевидно, пятеро детей Г. Остера вдохновляют его на создание все новых игр и новых героев, не давая возможности забыть детство. Проповедуя стиль «гуча мала», сочиняет «Сказку с подробностями» (1989), где есть такие главы: «Про штраф, забытый кошелек, мелькнувшего козла, вечную разлуку и справедливость», «Про штаны, полные варенья» и т. д. В последние годы появились книги новой серии Г. Остера: «Задачник. Ненаглядное пособие по математике», «Физика. Ненаглядное пособие. Задачник». В 1997 году увидела свет новая книга «Визкультура». Григорий Остер сейчас живет и работает в Москве.

СЕРЕДИНА СОСИСКИ

Котенок Гав и щенок собирались позавтракать, но на двоих у них была только одна сосиска.

— Как же мы ее будем делить? — спросил щенок.

— Очень просто, — сказал котенок. То, что от начала до середины сосиски, будет тебе, а от середины до конца — мне.

Щенок подумал и вздохнул:

— Нет, так не получится.

— Почему не получится?

— Потому что мы не знаем, где у сосиски конец, а где начало. А значит, и середину не найдем.

— Действительно, — согласился котенок, — не знаем. Тогда давай так: ты начнешь есть сосиску с одной стороны, а я — с другой. Там, где мы встретимся, и будет как раз середина.

— Хорошо, — согласился щенок, и они начали есть.

Когда их носы столкнулись, щенок сказал:

— Что-то мы очень быстро встретились. Ты уверен, что середина сосиски именно в этом месте?

— Теперь уже неважно, — сказал котенок. — Все равно никаких других мест у сосиски не осталось.

1985

ХОРОШО СПРЯТАННАЯ КОТЛЕТА

Щенок принес на чердак котлету, положил ее в уголок и сказал котенку:

— Посмотри, пожалуйста, чтоб никто не утащил мою котлету. Я немножко поиграю во дворе, а потом приду и съем ее.

— Хорошо, — сказал котенок, и щенок убежал.

Щенок играл во дворе и вдруг увидел, что из подъезда выходит котенок Гав.

— Гав, — заволновался щенок, что же ты оставил мою котлету без присмотра?

— Я ее спрятал, — ответил гав.

— А вдруг ее кто-нибудь найдет?

— Не волнуйся, — уверенно сказал Гав. — Я ее очень хорошо спрятал. Я ее съел.

1985

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЦЫФЕРОВ

(1930—1972)

Геннадий Михайлович Цыферов родился 26 марта 1930 года. Он является автором книг для детей: «В медвежачий час», «Жил на свете слоненок», «Как лягушонок искал папу», «Как стать большим», «Кто всех добрее», «Маленький великанчик», «Про цыпленка, солнце и медвежонка», «Про чудака лягушонка», «Сказки на колесах», «Сказки старинного города», «Тайна запеченого сверчка», «Что у нас во дворе?» и др. В анимации работал преимущественно для режиссеров Р. А. Качанова, В. В. Курчевского, В. Д. Дегтярева, Н. Н. Серебрякова.

Умер Г. М. Цыферов 4 декабря 1972 года.

В МЕДВЕЖИЙ ЧАС

Когда я был маленьким, я ходил в детский сад. Недавно я узнал: и звери тоже ходят.

Да, да. Мой знакомый ослик и его друзья, поросенок и медвежонок, придумали, например, свой детский сад.

И у них все, как в настоящем детском саду.

Даже расписание есть, когда они что делают.

Вот, например, утром. Утром они слонячут, а это значит — хорошо и много едят.

Потом свинячут. Ну, это и без слов ясно. Просто сидят в грязной луже.

Затем они утятют — моются.

И вновь слонячут — обедают.

А после обеда медвежачут — крепко спят.

Очень хорошее расписание, не правда ли? Когда я его прочел, мне очень понравилось оно. До того понравилось, что решил я сам пожить в детском саду.

Целый год я жил там, слонячил, утятил, а иногда, если с кем-нибудь происходило что-то смешное, я записывал.

Вот почему я назвал эти сказки «В медвежачий час». Я писал их, когда все спали.

1991

КАК ОСЛИК КУПАЛСЯ

Пришел длинноухий к речке, а вода холодная. Опустил он ножку и заворчал: брррр...

Выглянул из воды лягушонок и спросил:

— Чего вы тут кричите: брррр?!

Ослику стало стыдно, что он боится холодной воды.

— А я, я потому что брррр... Просто я ем бревна. Понятно?

— Понятно, — сказал лягушонок. — Значит, вы есть тот самый страшный крокодил.

— Совершенно точно, — кивнул ослик.

— А, простите, пожалуйста, — опять спросил лягушонок, — а кроме бревен, вы что-нибудь еще можете есть? Я слышал, паровоз даже.

— Совершенно точно, — кивнул ослик.

— Ну, а почему тогда, — заквакал лягушонок, — вы такой худой?

— Просто, — ответил ослик, — опоздал сегодня съездать поезд. Я пришел, а он ушел в Африку греть животик.

— Понятно, — сказал лягушонок. — В Африке жарко. И если там долго греть живот, он растает, и вместо паровоза получится корыто.

— Ну и что, — сказал ослик. — Корыто ведь съездать еще проще.

— Вот, вот, — запрыгал лягушонок, — я тоже так подумал. Почему и заговорил о паровозе. Дорогой крокодил, у меня есть корыто. В нем мама купает меня в чистом дожде. Мне это не нравится. Ведь я... люблю грязь.

Так не поможете ли вы и не съедите ли это проклятое корыто на завтрак?

И тут ослик захохотал:

— Ну и хитрец! Я хотел его обмануть, а выходит, он обманул меня. Так слушай же, грязнуля. Я не крокодил, конечно. Но если ты не будешь мыться, явится настоящий крокодил и съест тебя. Больше всяких бревен и корыт они любят грязных лягушек. Мойся скорей!

1991

ГДЕ ВЕРЕВОЧКА?

Ослик любил говорить: «Все на свете просто, просто». Это, наконец, надоело Мишке, и он сказал:

— Если все просто, то объясни, например, почему звезды висят в небе и не падают. Разве это просто?

— Конечно, — сказал ослик. — Они на ниточке.

— Ну, а Земля?

— Земля — она большая и толстая. Она на веревочке.
— А интересно знать, — буркнул медведь, — где та веревочка?

— Наверно, где-то есть. Просто посмотреть надо.

Они пошли и посмотрели. Вначале они увидели колышек. Потом веревочку. А на веревочке — маленького, маленького козленка.

— Вот, — захохотал медвежонок, — один козлик держит всю нашу Землю! Не правда ли, это очень смешно, ослик?

— Нет, — вздохнул ослик, — это совсем грустно. Ведь очень трудно такому маленькому держать такую большую Землю!

1991

НЕ ФАНТАЗИРУЙ

Ослик и его друзья всегда просыпали. И вот однажды ослик сказал:

— Надо что-то делать.

— Да, — сказал Мишка. — Петушка завести неплохо. Он будит.

— А что такое петушок? — спросил глупый ослик.

— Ну, как тебе объяснить, — зачмокал Мишка. — Во-первых, у него гребень.

— Гребень, — не дослушал ослик, — знаю, это то, чем гребут.

И он тут же побежал на луг, нашел грабли и поставил их на затылок.

— Вот, по-моему, петушок.

— Э-э-э, — захохотал Мишка. — Не петушок, а телевизор.

— Телевизор? — удивился ослик. — А что это?

— Это очень сложная вещь, — сказал Мишка.

— Мишенька, — спросил ослик, — ну, а что ест эта сложная вещь?

— Лампочки, дорогой ослик, лампочки. Если у телевизора открыть живот — там одни лампочки.

— Одни лампочки. Ну и что? — Ослик улыбнулся, взял сумку и пошел в город.

— Тридцать лампочек. На обед, на завтрак и на ужин, — сказал он продавцу.

И все тридцать лампочек исчезли в животе ослика. Ослик потолстел, а к вечеру засветился.

Да, лампочки горели у него в животе, а все думали: «Ослик это или не ослик? Или маленький троллейбус?»

Ну, конечно, вы не забыли, что на затылке у ослика торчали грабли, а цепочка огней вилась вокруг живота. И если бы вы увидели ослика, то не узнали его. Вы бы ошиблись. Ошиблись. В тот вечер ошибались все.

Каждый становился за осликом в очередь и ждал, когда тот его повезет.

Но ослик не мог везти столько народу. И он убежал.

Но бывают же такие люди! Они всюду бегали за осликом и кричали:

— Безобразие! Этот троллейбус отказывается ехать. А кто позволил ему, он же городской транспорт!

В конце концов дело кончилось тем, что пришел милиционер. Он взял троллейбус за ушко и повел в милицию. Там троллейбус поставили в угол, и он простоял в нем всю ночь.

А к утру огни потухли, гребень свалился, и все увидели:

— Да это же глухой ослик!

Ослика отпустили домой и попросили больше не фантазировать. Не воображать себя ни петухом, ни телевизором.

Как видишь, все это кончается плохо. Углом, в который тебя ставят.

1991

ПИРОГИ

Однажды ослик, поросенок и медвежонок пекли пироги. И вдруг ослик сказал:

— А вы знаете, недавно я читал старую книгу. Там лодки назывались так — пироги. Наверное, их тоже пекли?

— Конечно, пекли, — завизжал поросенок. — А если они начинали течь, то дырочки затыкали изюмом.

— Хо-хо! — захохотал медвежонок. — А это очень вкусно. Давайте испечем такую пирогу и немного поплаваем в ней.

— Ура! — закричали ослик и поросенок и принялись за дело.

Удивительная получилась пирога. Вкусная и большая-большая. Даже слон смог бы в ней плавать. А ослик, поросенок и медвежонок уселись совсем свободно. И поплыли.

День плыли, два.

Кушать захотели. Съели шоколадный парус.

День плыли, два.

Кушать захотели. Съели пряничные весла.

День плыли, два.

Кушать захотели. Стали выковыривать изюм.

И тут пирога пошла ко дну.

— По-моему, тонем, — захрюкал поросенок.

— Да, да, — ответил ослик, — уже давно.

— Что же делать?! — закричал Мишка.

— Пл-о-отик. Во-о крушениях всегда-а, — заплакал ослик, — делают пло-о-отик.

— А, — заворчал медведь, — знаю. Плотиком будет тот, кто плотнее всех поужинал. Толстяки не тонут.

Медвежонок стукнул каждого по животу и сказал:

— Поросенок будет плотиком.

Ослик и медвежонок сели поросенку на спину и поплыли.

Они плыли так до самого берега. И только рыбам было жаль поросенка. Они вздыхали и говорили:

— У этого плотика очень грустный мотор. Он без конца хрипит и хрюкает.

1991

ПОЛОВИЧОК

Ты знаешь, как умел ослик шутить. Собственно говоря, это было единственное, что его выручало.

Вот, например, однажды был такой случай.

Пошел ослик на луг ловить бабочек. Ходил, ходил — никого. И вдруг под кустами — что-то большое, пятнистое.

«О, — подумал ослик, — вот это бабочка!»

И хлопнул ослик ее сачком. А бабочка как зарычит:

— Какое безобразие! Кто посмел это сделать!

— Я, — сказал ослик. — И совсем это не безобразие. Вот ты ведешь себя безобразно, бабочка, раз так рычишь. Бабочки не должны рычать.

— Да я не бабочка, — опять зарычало под кустом, — я тигр.

— Тигр, — испугался было ослик. — Надо спасаться! — И тут же сообразил: — Нет, ты не тигр, — сказал он. — Какой же ты тигр, если у тебя на голове колшак? Ты просто шут.

— Какой шут? — удивился тигр.

— Гороховый, — сказал ослик. — И тебе надо есть горох.

— А это вкусно? — спросил тигр.

— Вкусней всего-всего на свете! — ответил ослик.

— А дай попробовать, — попросил тигр.

— Ладно, — сказал ослик. — Только вначале ты сделаешь то, о чем я попрошу. Итак, значит, я тебя два раза стукну, а ты промолчишь.

— Хорошо, — кивнул тигр, — потерплю немножко ради твоего гороха.

А ослик скорей побежал домой и сказал:

— А вы знаете, поросенок и медвежонок, я купил прекрасный половичок. Такой полосатенький... Взгляните.

И показал на тигра.

Взглянули друзья и заплакали:

— Зачем ты привел его, он нас съест?!

— Трусишки, — закричал ослик. — До чего дожили, половиков даже стали бояться. А ну, смотрите, сейчас я буду из него выбивать пыль.

И ослик взмахнул палкой и изо всей силы стукнул тигра по носу.

— Ой! — закричал тигр. — Не надо мне гороху. Не надо! И он зажал нос лапой и убежал в лес.

Ну, а ослик? Ты думаешь, он радовался? Нет, он был настоящий шутник. Поэтому он и сказал с грустью:

— Ну вот видите, какие вы плохие. Все вам не нравится. Из-за вас убежал такой прекрасный половичок. Никогда я его больше не увижу.

И тут ослик заплакал, а медвежонок и поросенок стали его утешать:

— Прости нас, мы совсем глупые.

1991

САМОЛЕТИК

Ослик ходил и с самого утра кричал: «Уу-уу!»

— Что ты делаешь? — спросил его медвежонок.

— Моторчик, — сказал ослик.

— А зачем?

— Понимаешь, — объяснил ослик, — я сделал деревянный самолет, а он не летает. Нет моторчика. Вот теперь, если я в него сяду и закричу, как моторчик, «у-у», то он полетит, наверное.

— Конечно, полетит! — закричал глупый медвежонок.

Ему очень хотелось летать.

И они тут же сели на самолетик.

— Уу-уу-уу, — загудел ослик.

Но самолет ни с места.

— Ты почему не летишь? — спросил ослик у самолета. — Разве не слышишь, как гудит твой моторчик?

— Слышу, — ответил самолетик.

— Тогда в чем же дело? — топнул ногой ослик.

— А мне кажется, — сказал самолетик, — что у меня не тот моторчик. Настоящие моторы надо заводить.

— Ах так! — рассердился ослик. — Я настоящий моторчик. И он махнул хвостиком и крикнул медвежонку: «Заводи!» Медвежонок схватился за хвост и дернул. И ослик уже готов был крикнуть «у-у!»

Но медвежонок очень сильно дернул. И потому вместо «у-у» ослик вдруг крикнул: «Ай-ай-ай!» И совсем испугался. И не полетел. Ведь моторчики не могут летать, когда вместо «у-у» говорят вдруг «ай».

1991

СПОР

Ослик и медвежонок всегда спорили. Это потому, что один говорил «все приходит», а другой — «все уходит».

Просыпался утром медведь и радовался:

— Смотри, пришло утро!

— Ну да, — плакал ослик, — ведь ушла ночь.

И днем было так же. Опять медведь кричал:

— День явился!

И снова плакал ослик:

— Ну да, ведь ушло утро.

А однажды было вот что. К ним в гости пришел слон.

— Смотри, смотри! — заорал Мишка. — К нам пришел слон!

— Ну да, — заплакал ослик, — ведь он ушел из дома.

1991

ГРАД

Когда был град, ослик всегда прятался. Больно было. В тот град он тоже спрятался, но вдруг подумал: «Да, я сию в домике и мне не больно, но домику-то ведь больно. Надо его спрятать».

Ослик залез на крышу и закрыл домик зонтиком.

— Все хорошо, — сказал он.

Но вдруг опять подумал: «Теперь мне не больно, но зонтику, наверное, больно. Как же быть?»

— Глупый ослик, — заворчал медвежонок. — Всех от града никогда не спрячешь. Кому-нибудь да будет больно.

— Если так, — сказал ослик, — пусть будет больно мне. — И он сделал над зонтиком крышу и стал по ней бегать — защищать ее от града.

Наконец град кончился.

Медвежонок пожал ослику ушко и сказал:

— Ты очень добрый...

— Что ты, что ты, — замахал на него ослик ушами. — Просто я жалкий ослик и мне всех жалко.

1991

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Современная художественная проза для детей развивается в условиях глобального переосмысления истории и культуры. В области литературы для дошкольников и младших школьников многое сделали такие писатели, как В. Берестов, Ю. Мориц, Э. Успенский, Ю. Коваль, В. Голявкин, А. Алексин, Ф. Искандер, Ю. Нагибин. Для них характерны раскованность, граничащая с озорством, любовь к художественной игре. Обобщающая идея литературы, создаваемой ими, сводится к утверждению человеческой личности как первейшей ценности, перед которой должны отступать и идеалы коллективности.

В прозаических произведениях воплощаются следующие эстетические законы: повышение художественной емкости образа, лиризм прозы (Ю. Коваль), психологизм и философичность, изображение конфликта характеров, внутреннего конфликта героя, поиск новых форм эстетического освоения действительности и ее художественного воплощения.

Жанры современной детской прозы разнообразны: рассказ, повесть, повесть в новеллах (Ю. Нагибин «Лето детства моего»), повесть-драма (В. Астафьев «Кража»), романтическая повесть (Ю. Коваль «Недопесок»), социально-психологическая повесть (П. Френкель «Десять из десяти»).

Одним из важных направлений в развитии современной художественной прозы для детей является нравственно-педагогическая проза. Проблеме взаимоотношений человека и общества посвящали свои произведения В. Железников, А. Саломатов, А. Лиханов, А. Приставкин, углубившие представления о детской психологии и социальных противоречиях детства. Литературные произведения данного направления ориентированы не только на детей, но и на взрослого читателя, постигающего мир ребенка, его мысли, поступки и их мотивы.

Нравственно-педагогическая проза способствует возникновению у читателей потребности общения, познания, созидания окружающего мира и самих себя как части этого мира в его непрерывном развитии.

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ

(1938—1995)

Юрий Коваль родился в Москве 9 февраля 1938 года в семье работника милиции Иосифа Яковлевича Ковалья. В Поливаново Юрий Коваль провел большую часть своего довоенного детства. Во время войны семья некоторое время жила в эвакуации в Саранске. В Москве Ковали до войны жили на Цветном бульваре, после войны — у Красных ворот, в доме по Хоромному тупику. В 1945 году Юрий Коваль поступил в 657-ю школу на улице Чаплыгина (воспоминания о жизни в этом районе отражены, в частности, в известной повести «От Красных Ворот»). «Страсть к слову» проявилась у него еще там, когда они вместе с приятелями сочиняли стихи на уроках.

В 1955 году Коваль поступил в Московский государственный педагогический институт им. Ленина на факультет русского языка и литературы (он закончил этот факультет в 1960 году, когда тот назывался уже историко-филологическим). Первые рассказы Ковалья «Зайцы» и «Дождь» были опубликованы в институтской газете «Ленинец» в 1956 году.

В институте Коваль получил диплом учителя русского языка, литературы и истории, а также диплом учителя рисования. Как художник он проявил себя не менее ярко, чем как писатель, поскольку еще в конце 1950-х г. стал заниматься в мастерской скульпторов-монументалистов Владимира Лемпорта. Юрий Коваль интересовался рисунком, живописью, мозаикой, фреской и впоследствии не раз экспонировался как на совместных выставках, так и на персональных, а также выступал в качестве иллюстратора к своим (и не только своим) книгам.

После института Юрий Коваль был послан по распределению в село Емельяново Лаишевского района Татарской АССР. Там он до 1963 года работал в школе, был преподавателем различных предметов: русского языка и литературы, географии, истории, пения и др. Тогда же, в начале 1960-х, он стал более активно писать стихи и рассказы, многие из которых, впрочем, так и не были опубликованы.

Уже будучи в Москве, Коваль познакомился с Юрием Домбровским, которому показал рассказ «Октябрьские скоро». Домбровскому так понравился рассказ (прозу Ковалья он даже назвал «жестким рентгеном»), что он отнес его в «Новый мир», где, однако, рассказ не приняли. По воспоминаниям самого Ковалья, именно в то время определился его выбор как детского писателя.

В 1963 году Коваль снялся в небольшом эпизоде в художественном фильме Теодора Вульфовича «Улица Ньютона, дом 1» по пьесе Эдварда Радзинского — в фильме они с Юлием Кимом поют под гитару на молодежной вечеринке.

В 1966 году были опубликованы первые детские книги стихов Ковалья, написанные совместно с Леонидом Мезиновым: «Сказка о том, как строился дом» и «Сказка про Чайник». Затем у него выходили и другие сборники детских стихов: «Станция Лось» (1967) и «Слоны на луне» (1969).

До 1966 года Юрий Коваль работал преподавателем русского языка и литературы в школе рабочей молодежи. Затем он поступил на работу в журнал «Детская литература», однако через полгода был уволен. В 1968 году Коваль получил от журнала «Мурзилка» командировку к пограничникам, впечатления от которой легли в основу повести «Алый» и рассказов «Козырек», «Особое задание», «Елец» и «Белая лошадь». Следующей удачей стал сборник рассказов «Чистый Дор» (1970), посвященный жизни одноименной вологодской деревни.

В 1972 году Юрий Коваль становится членом Союза писателей СССР. В конце 1980-х годов по сценариям Ковалья были сняты несколько мультфильмов по произведениям Шергина и Писахова. В конце 1970-х по произведениям Ковалья снимают сразу два фильма: «Недopesок Наполеон III» (1978) и «Пограничный пес Алый» (1979), в обоих за кадром звучат его песни. Еще в одном фильме «Марка страны Гонделупы» по повести С. Могилевской (1977) Юрий Коваль сыграл роль второго плана — отца мальчика Пети.

В конце 1980-х годов в журнале «Мурзилка» был организован литературный семинар для начинающих детских писателей. Вести его пригласили Юрия Ковалья, который к тому времени печатался в «Мурзилке» уже больше двадцати лет.

В последние годы жизни Юрий Коваль заканчивает свое главное (и крупнейшее по объему) произведение — «Суер-Вьер», которое сам он определяет не как роман или повесть, а как «пергамент». После «Суер-Вьера» Юрий Коваль написал несколько сказок («Сказку про Зеленую Лошадь» и др.). Осталась незавершенной история про Вольного Кота под названием «Куклакэт», с подзаголовком «Самый первый черновик сценария и книги». Планировались также воспоминания об Арсении Тарковском, с которым Коваль дружил многие годы.

Юрий Коваль умер дома в Москве 2 августа 1995 от обширного инфаркта. Он похоронен на Лианозовском кладбище рядом с родителями.

ЧИСТЫЙ ДОР

Лесная дорога пошла через поле — стала полевой. Дошла до деревни — превратилась в деревенскую улицу.

По сторонам стояли высокие и крепкие дома. Их крыши были покрыты осиновой щепой. На одних домах щепы стала

от ветра и времени серой, а на других была новой, золотилась под солнцем.

Пока я шел к журавлю-колодцу, во все окошки смотрели на меня люди: что это, мол, за человек идет?

Я споткнулся и думал, в окошках засмеются, но все оставались строгими за стеклом.

Напившись, я присел на бревно у колодца.

В доме напротив раскрылось окно. Какая-то женщина поглядела на меня и сказала внутрь комнаты:

— Напился и сидит.

И окно снова закрылось.

Подшли два гусака, хотели заготовить, но не осмелились: что это за человек чужой?

Вдруг на дороге я увидел старушку, ту самую, что искала в лесу топор. Теперь она тащила длинную березовую жердь.

— Давайте пособию.

— Это ты мне топор-то нашел?

— Я.

— А я-то думала: не лесовик ли унес?

Я взял жердь и потащил ее следом за старушкой. В пятиоконном доме распахнулось окно, и мохнатая голова высунулась из-за горшка с лимоном.

— Пантелевна, — сказала голова, — это чей же парень?

— Мой, — ответила Пантелевна. — Он топор нашел.

Мы прошли еще немного. Все люди, которые встречались нам, удивлялись: с кем это идет Пантелевна?

Какая-то женщина крикнула с огорода:

— Да это не племянник ли твой из Олюшина?

— Племянник! крикнула в ответ Пантелевна. — Он топор мне нашел.

Тут я сильно удивился, что стал племянником, но виду не подал и молча попевал за Пантелевной.

Встретилась другая женщина, с девочкой на руках.

— Это кто березу-то везет? — спросила она.

— Племянник мой, — ответила Пантелевна. — Он топор нашел, а я думала: — Не лесовик ли унес?

Так, пока мы шли по деревне, Пантелевна всем говорила, что я ей племянник, и рассказывала про топор.

— А теперь он березу мне везет!

— А чего он молчит? — спросил-то.

— Как так молчу? — сказал я. — Я племянник ей. Она топор потеряла и думает, не лесовик ли унес, а он в малине лежал. А я племянник ей.

— Давай сюда, батюшка племянник. Вот дом наш.

Когда выстраивается шеренга солдат, то впереди становятся самые рослые и бравые, а в конце всегда бывает маленький солдатик. Так дом Пантелевны стоял в конце и был самый маленький, в три оконца. Про такие дома говорят, что они пирогом подперты, блином покрыты. Я бросил березу на землю и присел на лавочку перед домом. — Как называется ваша деревня? — спросил я.

— Чистый Дор.

— Чего Чистый?

— Дор... Такого слова я раньше не слышал.

— А что это такое — Чистый Дор?

— Это, батюшка, деревня наша, — толковала Пантелевна.

— Понятно, понятно. А что такое дор?

— А дор — это вот он весь, дор-то. Все, что вокруг деревни, — это все и есть дор.

Я глядел и видел поле вокруг деревни, а за полем — лес.

— Какой же это дор? Это поле, а вовсе не дор никакой.

— Это и есть дор. Чистый весь, глянь-ка. Это все дор, а уж там, где елочки, — это все бор.

Так я и понял, что дор — это поле, но только не простое поле, а среди леса. Здесь тоже раньше был лес, а потом деревья порубили, пеньки повыдергивали. Дергали, дергали — получился дор.

— Ну ладно, — сказал я, — дор так дор, а мне надо дальше идти.

— Куда ты, батюшка племянник? Вот я самовар поставлю.

Ну что ж, я подождал самовара. А потом приблизился вечер, и я остался ночевать.

— Куда ж ты? — говорила Пантелевна и на следующее утро. — Живи-ка тут. Места в избе хватит.

Я подумал-подумал, послал куда надо телеграмму и остался у Пантелевны. Уж не знаю, как получилось, но только прожил я у нее не день и не месяц, а целый год.

Жил и писал свою книжку. Не эту, а другую.

Эту-то я пишу в Москве.

Гляжу в окошко на пасмурную пожарную каланчу и вспоминаю Чистый Дор.

1970

СТОЖОК

У излучины реки Ялмы в старой баньке жил, между прочим, дядя Зуй.

Жил он не один, а с внучкою Нюркой, и было у него все, что надо, — и куры, и корова.

— Свиньи вот только нету, — говорил дядя Зуй. — А на что хорошему человеку свинья?

Еще летом дядя Зуй накопил в лесу травы и сметал стожок сена, но не просто сметал — хитро: поставил стог не на землю, как все делают, а прямо на сани, чтоб сподручней было зимой сено из лесу вывезти.

А когда наступила зима, дядя Зуй про то сено забыл.

— Дед, — говорит Нюрка, — ты что ж сено-то из лесу не везешь? А и позабыл?

— Какое сено? — удивился дядя Зуй, а после хлопнул себя по лбу и побежал к председателю лошадь просить.

Лошадь председатель дал хорошую, крепкую. На ней дядя Зуй скоро до места добрался. Смотрит — стожок его снегом занесен.

Стал он снег вокруг саней ногой раскидывать, оглянулся потом — нет лошади: ушла, проклятая!

Побежал вдогонку — догнал, а лошадь не идет к стогу, упирается.

«С чего бы это она, — думает дядя Зуй, — упирается-то? Наконец-таки запряг ее дядя Зуй в сани.

— Но-о-о!..

Чмокает дядя Зуй губами, кричит, а лошадь ни с места — полозья к земле крепко примерзли. Пришлось по ним топориком постучать — сани тронулись, а на них стожок. Так и едет, как в лесу стоял.

Дядя Зуй сбоку идет, на лошадь губами чмокает.

К обеду добрались до дому, дядя Зуй стал распрягать.

— Ты чего, Зуюшко, привез-то? — кричит ему Пантелевна.

— Сено, Пантелевна. Чего ж иное?

— А на возу у тебя что?

Глянул дядя Зуй и как стоял, так и сел в снег. Страшная какая-то, кривая да мохнатая морда выставилась с воза — медведь!

«Р-ру-у-у!..»

Медведь зашевелился на возу, наклонил стог набок и вывалился в снег. Тряхнул башкой, схватил в зубы снегу и в лес побежал.

— Стой! — закричал дядя Зуй. — Держи его, Пантелевна.

Рявкнул медведь и пропал в елочках. Стал народ собираться.

Охотники пришли, и я, конечно, с ними. Толпимся мы, разглядываем медвежьи следы. Паша-охотник говорит:

— Вон какую берлогу себе придумал — Зуев стожок.

А Пантелевна кричит-пугается:

— Как же он тебя, Зуюшко, не укусил?..

— Да-а, — сказал дядя Зуй, — будет теперь сено медвежатиной разить. Его, наверно, и корова-то в рот не возьмет.

1970

АНАТОЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АЛЕКСИН

(р. 1924)

Алексин Анатолий Георгиевич (настоящее имя — Анатолий Георгиевич Гоберман) родился в семье старого большевика, участника революционных событий на Дальнем Востоке и в Сибири. После революции отец был одним из первых редакторов томской газеты «Красное знамя», а потом уже в Москве редактировал партийный журнал. В Москве и прошло детство будущего писателя. Здесь, на даче в Серебряном бору, — как пишет один из исследователей — «мальчика, причесанного на косо́й пробор и одетого в нарядный костюмчик, представляют в качестве юного дарования С. Маршаку».

Во время войны, в эвакуации, семнадцатилетний А. Алексин стал редактором заводской многотиражки. После войны закончил один из самых престижных институтов в стране — Московский институт востоковедения. Печататься начал очень рано, в 1945 году. Тиражи его произведений и вправду не слишком уступали тиражам Гоголя и Чехова, а сосчитать читательские конференции и массовые мероприятия, проведенные по этим книгам, попросту невозможно.

Алексиным написаны сборники повестей и рассказов о детстве и юности, их связи с миром взрослых: «А тем временем где-то...» (1967), «Мой брат играет на кларнете» (1968), «Действующие лица и исполнители» (1975), «Поздний ребенок» (1976), «Третий в пятом ряду» (1977), «Безумная Евдокия» (1978), «Сигнальщики и горнисты» (1985) и др. Они долгие годы были настоящими отечественными бестселлерами.

НЕПРАВДА

Генка очень любил смотреть фильмы, на которые дети до шестнадцати лет не допускались. Он любил читать книги, на которых не было обозначено, для какого они возраста; значит, для взрослых!

И когда однажды по радио объявили лекцию для родителей, Генка решил, что эту лекцию ему непременно надо послушать.

Зазвучал скучный голос, к которому диктор прикрепил важное звание — «доктор педагогических наук». Генка всегда старался представить себе людей, голоса которых он слышал по

радио. Сейчас ему почему-то представилась сухопарая женщина в пенсне и в белом халате. Слово «доктор» очень подходило к ней, потому что каждая ее фраза звучала, как рецепт.

Первый рецепт был такой: «Чем больше ребенок читает, тем лучше он учится!». Генка даже испугался: он рос явно не по правилам. Если он изредка и получал двойки, так, пожалуй, только из-за книг. До недавнего времени Генка читал и за обедом, и за ужином, используя в качестве подставки пузатую сахарницу, которая сперва важно подбоченивалась двумя тонкими ручками, потом — одной ручкой и, наконец, при Генкиной помощи стала совсем безрукой.

Не подходил и другой рецепт: «Ребенок должен уважать родителей, но не бояться их!..»

А вот Генка своего отца одновременно и уважал, и побаивался.

Это отец первый объявил войну Генкиному «книгоглотательству». Он повел наступление по всем правилам военной науки. Сперва сделал разведку: побеседовал с сыном о книгах. И тут оказалось, что даже названия и фамилии авторов безнадежно перемешались в Генкиной голове. Он путал Купера с Куприным, а Станюковича с Григоровичем. Затем отец начал решительную атаку: он стал беспощадно высмеивать сына, и даже в присутствии товарищей. Генка растерялся... И тогда в образовавшийся «прорыв» отец устремил главные силы.

Он тяжело опустил на стол свою руку, такую огромную, что вилки и ложки казались в ней игрушечными.

— Теперь мы будем читать вместе!

— Как — вместе? — удивился Генка. — Вслух, что ли?

— Нет, не вслух. Но и не слишком про себя. Брать книги ты будешь по моему совету, а потом будем устраивать дискуссии...

На первом этаже была детская библиотека. Библиотекарша, добрая полная женщина, по прозвищу «Смотри не разорви», доставала Генке те книги, которые советовал ему прочитать отец.

А за ужином начинался экзамен.

— Ты опять пропускаешь описания природы? — спрашивал отец.

— Я ничего не пропускаю, — оправдывался Генка.

— Не лги! Хуже всего, когда ты говоришь неправду. Ну, с чем, например, здесь сравнивается запах первого снега?

Генка ерзал на стуле. Ему хотелось сбежать на улицу и понюхать снег: может, он угадает, о каком именно сравнении спрашивал его отец.

— Писатель сравнивает запах первого снега с запахом арбуза! Это очень образно и очень точно. А ты это место пропустил!

А потом Генке и самому понравилось читать по-новому. Экзамены за ужином кончились. Зато стали возникать споры о книгах.

Иногда в спор вмешивалась и мама. Отец тут же соглашался с ней. А мама почему-то начинала сердиться:

— Женщине только в трамвае положено уступать место, а в спорах эта вежливость ни к чему!..

Мама была машинисткой. Работу она брала на дом. Ей казалось, что отлучись она из квартиры на день — и случится что-то ужасное, произойдет какая-нибудь непоправимая катастрофа.

По утрам маме некуда было спешить, но вставала она раньше всех. Готовила завтрак отцу и Генке. Прощаясь с мамой, отец целовал ее в голову и говорил каждый раз одни и те же слова:

— До свидания, малыш мой родной!

А мама вдруг менялась в лице, краснела. И Генке начинало казаться, что она вставала так рано только для того, чтобы услышать эти слова.

Слово «малыш» совсем не подходило к маме: она вовсе не была маленького роста. Может быть, она казалась такой с высоты ста восьмидесяти восьми сантиметров могучего отцовского роста? (Эти сантиметры были предметом особой Генкиной гордости.) Но ведь сына, мальчишку, отец именовал строго и просто — Геннадием...

Отец и сын вместе выходили на улицу, вместе шли до угла.

Это было очень приятно — идти рядом с отцом: мама осталась дома, а они, мужчины, деловые люди, спешат, торопятся.

Генка знал, что все товарищи со двора завистливо глядят на него, потому что все уважают его отца. Ведь это он научил ребят строить ледяные крепости, это он заставил таки управдома залить во дворе каток и это он рассказывал о новых машинах, которые сам конструировал.

На углу они прощались — коротко, по-мужски.

— Ну, иди, — говорил отец.

А вечером Генка с нетерпением ждал возвращения отца. Он сразу узнавал его шаги. Отец поднимался так не спеша, словно, сделав шаг, раздумывал, идти ли ему дальше или, может быть, вернуться вниз. Один неторопливый звонок... Генке очень хотелось открыть отцу дверь. Но он чувствовал, что еще больше этого хочет мама. И он уступал ей дорогу. Отец вновь целовал мать в голову и говорил почти те же самые слова, что и утром: «Здравствуй, малыш мой родной!» Но звучали эти слова еще ласковее, потому что отец, видно, успевал сильно соскучиться за день.

Генка терпеть не мог нежностей, но от слов, которые отец говорил маме, ему становилось радостно и как-то спокойно-спокойно на душе.

На миг отец заглядывал маме в лицо.

— Какие у тебя глаза воспаленные... И зачем нам нужна эта трещотка? (Так он называл пишущую машинку.)

— Это не она — это все враги мои виноваты, — полушутливо оправдывалась мать. Своими «врагами» она называла неразборчивые почерки. Мама говорила, что даже по ночам ей снятся разные нечеткие буквы и особенно часто буква «т», которая гонится за ней по пятам на трех тонких ножках.

У Генки отец будто мимоходом спрашивал:

— Ну, как дела с науками?

Он никогда не заглядывал в дневник, чтобы проверить, правду ли говорит сын. И, может быть, именно поэтому Генка не мог солгать. Если он приносил домой посредственную

отметку, то так прямо и говорил. Отец не поднимал шума. Генка не слышал от него упреков, но зато не слышал он в такие вечера и увлекательных рассказов о спорте, о работе инженеров, которых отец, как и всех других людей, делил на «толковых» и «нетолковых».

Мама поступала совсем иначе. Она раскрывала дневник и глядела на злосчастную отметку так, словно читала трагическое известие. Потом она шла к соседке, у которой дочь тоже училась в шестом классе. Начинался разговор, в котором имена Генки и соседкиной дочери ни разу не назывались: о нем говорили «наш», а о ней — «моя».

— Наш-то сегодня опять троечку принес. А отец говорит, что это хуже двойки: ни богу свечка, ни черту кочерга, — жаловалась мать. Она любила повторять слова отца: они казались ей самыми верными и убедительными.

— Ну, уж не будьте слишком строги: ваш-то зато сколько книг проглотил! А мою не усадишь за книжку.

— Нет-нет, вы нашего не защищайте. Он мог бы прекрасно учиться: у него ведь такие способности!

— Так ведь моя тоже способная!..

«И почему это все родители воображают, что их дети такие способные?» — недоумевал Генка. Мама потом еще долго вздыхала... Но молчание отца было для Генки куда страшней причитаний мамы. И он в тот же вечер сел за учебники.

И только с одной Генкиной слабостью отец никак не мог справиться. Этой слабостью была его неистребимая страсть к кино. Кажется, если бы существовали кинокартины, на которые почему-либо не допускались люди моложе шестидесяти лет, Генка попадал бы и на них. Сидеть дальше второго ряда он считал непростительной роскошью. Таким образом, на шестьдесят копеек Генка умудрялся сходить в кино три раза!.. Немного денег ему давала мама, а остальные он добывал в результате строжайшего режима экономии: в школе завтракал через день, в метро и троллейбусе ездил без билетов.

Когда Генка приходил домой взволнованный и покрасневшийся, отец пристально смотрел на сына, и взгляд его говорил: «Не вздумай что-нибудь сочинять. Я прекрасно вижу, что ты был в кино».

А за ужином отец, как будто ни к кому определенно не обращаясь, задумчиво произносил:

— Сегодня вышла новая картина. Интересно, о чем она?

И Генке волей-неволей приходилось рассказывать содержание.

Иногда мама говорила отцу:

— Может, вечером сами ходим в кино? А Генка достал бы нам билеты: он ведь специалист по этой части...

Отец смущенно разводил руками:

— Да я бы с удовольствием, ты же знаешь. Но как раз сегодня вечером у меня неотложные дела... (Отец называл фамилию одного из «толковых» инженеров, с которым ему необходимо было срочно посоветоваться.)

— А Генка сердито смотрел на маму: неужели она не понимает, как сильно занят отец?!

Однажды Генка узнал, что за три квартала от их дома идет какой-то старый фильм, о котором приятели отзывались коротко, но выразительно: «Мировой!»

Картину эту Генка раньше посмотреть не успел по той простой причине, что в дни ее первого выхода на экран он еще не родился.

Вообще Генка не решился бы пойти на вечерний сеанс. Но он знал, что отец должен прийти поздно: у него важный и торжественный день — испытание новой машины. Отец говорил, что еще возможны всякие неожиданности, что кое-кто из «нетолковых» инженеров может выступить против и что поэтому он очень волнуется. Отец волновался... А как же тогда волновалась мама, ожидая его возвращения? Она места себе не находила: то садилась за машинку, то шла беседовать с соседкой, то при каждом звуке шагов выбегала на лестницу...

А Генке особенно хотелось пойти в кино еще и для того, чтобы скорей пролетели часы ожидания. Чтобы вернуться

домой, сразу увидеть отца и по лицу мамы (именно мамы!) понять, что все хорошо, все очень хорошо...

Генка захватил с собой долговязого семиклассника Жору, которому беспрепятственно продавали билеты на любой сеанс. Жора доставал билеты всем мальчишкам во дворе, за что собирал с них немалый оброк: редкие марки и редкие книги.

Ребята помчались по вечерним улицам, толкая прохожих и шепча себе под нос торопливые извинения, которые слышали только они сами. Когда добрались до кинотеатра, оказалось, что уже поздно: билеты проданы. Кончился предыдущий сеанс, из кинозала выходили люди, шурясь от света, на ходу натягивая пальто и шапки и также на ходу обмениваясь впечатлениями. Генка глядел на них с завистью.

И вдруг он услышал такой знакомый голос:

— Тебе не холодно, малыш?

Генка повернул голову и увидел отца. Отец, пригнувшись, помогал какой-то незнакомой белокурой женщине закутаться в пестрый платок.

Генка хотел шмыгнуть в сторону: ему ведь было строго запрещено ходить на вечерние сеансы. Но его глаза сами собой, помимо воли, поднялись, встретились с глазами отца — и Генка изумленно отступил на шаг: он вдруг увидел, что отец сам его испугался. Да, да, отец испугался! Он, всегда такой сдержанный, неторопливый в движениях, вдруг засуетился, стал неловко вытаскивать свою руку из-под руки белокурой женщины и даже, как показалось Генке, хотел спрятаться за колонну, которая никак не могла скрыть его, потому что она была тонкая и узкая, а отец — огромный и широкоплечий.

И Генка помог отцу: он выскочил на улицу и побежал так быстро, что даже долговязый и длинноногий Жора не поспевал за ним.

Но где-то на перекрестке Генка на миг остановился — в его ушах зазвучали слова: «Тебе не холодно, малыш?» Белокурая женщина, которую отец закутывал в пестрый

платок, была в самом деле невысока, но Генке казалось диким, что и к ней тоже могут относиться слова, которые всегда принадлежали маме, одной только маме...

А как же испытание машины? Значит, это неправда? А может, никакой машины вовсе и нет? Отец сказал неправду... Генка не мог понять этого, это не умещалось в его сознании. Тогда, может быть, все неправда: и разговоры о книгах, и советы отца, и споры за ужином? Все, все неправда!

Библиотекарша, по прозвищу «Смотри не разорви», крикнула:

— Зайди, Гена! Я достала книгу, которую ты просил!

Но Генка только махнул рукой: он не хотел брать книгу, которую советовал ему прочитать отец. Он почему-то не верил этой книге.

Вернувшись домой, Генка сразу же лег в постель.

— Что с тобой? Ты такой горячий... Нет ли у тебя температуры? — тревожно спросила мама. (Больше всего она волновалась, когда отцу или Генке нездоровилось: всякая, даже самая пустяковая болезнь казалась ей тогда неизлечимой.)

— Не волнуйся, мамочка... Я очень устал, и все! — как никогда ласково ответил Генка.

А на самом деле он просто не хотел, он не мог слышать, что сегодня скажет отец, когда мама откроет ему дверь.

1954

ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ ИСКАНДЕР

(р. 1929)

Фазиль Абдулович Искандер — поэт, прозаик, глава международной ассоциации «Мир культуры». Родился 6 марта 1929 года в Сухуми. Отец Искандера в 1938 году депортирован за пределы СССР вместе с другими лицами иранского происхождения. Будущий писатель воспитывался родственниками по материнской (абхазской) линии. Окончив сухумскую

школу с золотой медалью, поступил и затем окончил Московский библиотечный институт, а также и Литературный институт им. М. Горького в 1954 году. С 1956 года циклы стихов Искандера стали регулярно появляться в журнале «Литературная Абхазия». Первая книга стихов «Горные тропы» выходит в Сухуми в 1957 году, тогда же Искандер принят в члены Союза писателей СССР.

В конце 1950-х начинает печататься в Москве, в журнале «Юность». Формирование и становление творческой личности Искандера происходит в кругу авторов «Юности» — В. Аксенова, О. Чухонцева, В. Войновича. В 1960 году в Москве выходит первая поэтическая книга Искандера «Зеленый дождь», в 1961 году в Сухуми — сборник «Дети Черноморья». Известность приходит к нему и как прозаику: в 1956 в журнале «Пионер» опубликован рассказ «Первое дело», в «Юности» — «Рассказ о море» и «Петух» (1962). Обращение писателя к «детской» теме объясняется объективной невозможностью дальнейшей легализации социальной сатиры и политического гротеска. В рассказы о детстве, описанном через призму наивного детского восприятия, включены реалии жизни.

Во второй половине 70-х годов творческая манера писателя меняется. В 1977 году в журнале «Наш современник» печатается повесть «Морской скорпион», в которой исследуется духовный мир личности в момент тяжелого душевного кризиса. Искандер пытается продолжить традиции нравственно-психологической прозы.

Искандер Фазиль Абдулович — народный депутат СССР (1989—1991); лауреат Государственной премии СССР, Международной литературной премии Малапарти (Италия) и премии Андрея Сахарова; награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (1999).

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчет того, что Пифагоровы штаны во все стороны равны, вряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверное, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И все-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать ни слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю,

был ли он гениален — сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего, был.

Звали его Харлампий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учебного года. До этого мы о нем не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервирует школьников. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили на каменный. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Все же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было просто невыносимо. Это было все равно, что подойти к директору на перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой и летом, ходил в одной шляпе, вечнозеленой, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из горно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбежали с урока, то это был, как правило, урок пения.

Бывало, только входит наш Харламбий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до самого конца урока. Правда, иногда он заставлял нас смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии, доказательством обратного.

Происходило это примерно так.

Скажем, иной ученик чуть припоздаст на урок, ну, примерно, на полсекунды после звонка, а Харламбий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харламбий Диогенович.

В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнетя, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь незаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Он дает знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харлампия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришел, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опоздании, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдет в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Все это длится несколько секунд, и, в конце концов, ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идет на свое место.

Харламбий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное, например:

— Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой за оленями. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харламбий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большеголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет. Он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать ее. Так что списывали мы только в крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвется от своих четок или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встает и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

— Авдеенко думает, что он лебедь, — поясняет Харлампий Диогенович. — Черный лебедь, — добавляет он через мгновение, намекая на загорелое угрюмое лицо Авдеенко.

— Сахаров, можете продолжать, — говорит Харлампий Диогенович.

Сахаров садится.

— И вы тоже, — обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки... — Если, конечно, не сломаете шею... черный лебедь! — твердо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Авдеенко найдет в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадью, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу распадается круговая порука учеников и весь класс над тобой смеется. Все смеются против одного. Если над тобой смеется один человек, ты можешь еще как-нибудь с этим справиться, но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харлампий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.

В тот день я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько километров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

Как будто один и тот же снаряд может лететь с разной скоростью. В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходилось с ответом. А между прочим, в задачниках тех лет, наверное из-за вредителей, ответы иногда бывали неверные. Правда, очень редко, потому что вредителей к тому времени почти всех переловили. Но, видно, кое-кто еще орудовал на воле.

Но некоторые сомнения у меня все-таки оставались. Вредители вредителями, но, как говорится, и сам не плошай.

Поэтому на следующий день я пришел в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного из них насчет задачи, оказалось, что и он ее не решил. Совесть моя окончательно успокоилась. Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

— Ну как задача?

— Ничего, — говорит он, — решил.

При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, но мы их одолели.

— Как так решил, ведь ответ неправильный?

— Правильный, — кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие. Я еще хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих — хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харламий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чем дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харлампий Диогенович прошел на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харлампий Диогенович, наверное, заметил мое волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал «Алик», потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Все равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался еще тише. У него была такая дурацкая привычка — держать руки на промокашке, от которой я его никак не мог отучить.

— Гитлер капут, — шепнул я в его сторону.

Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харлампий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка задернул рукава пиджака, медленно протер нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрее.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

— Кто дежурный? — вдруг спросил он.

Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харлампий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока тот стирал,

Харламий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен и он ждал, чтобы староста скорей кончил свое нудное протирание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь, и в дверях появилась докторша с медсестрой.

— Извините, это пятый «А»? — спросила доктор.

— Нет, — сказал Харламий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто между нами ничего общего не было и не могло быть.

— Извините, — сказала докторша еще раз и, почему-то помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа. В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существующих уколов.

И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

— Можно, я им покажу, где пятый — сказал я, обнаглев от страха.

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или еще чем-нибудь. А потом пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

— Покажите, — сказал Харламбий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса.

Я догнал докторшу и медсестру еще в коридоре нашего этажа и пошел с ними.

— Я покажу вам, где пятый «А», — сказал я.

Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

— А нам что, не будете делать? — спросил я.

— Вам на следующем уроке, — сказала докторша, все так же улыбаясь.

— А мы уходим в музей на следующий урок, — сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека. Но учительница истории все время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один пацан из нашей школы стащил оттуда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что все получилось так потому, что класс пошел в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот пацан все заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта хижина дореволюционного бедняка. А потом через несколько месяцев, когда все успокоилось, он пришел туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унес кинжал.

— А мы вас не пустим, — сказала докторша шутливо.

— Что вы, — сказал я, начиная волноваться, — мы собираемся во дворе и организованно пойдем в музей.

— Значит, организованно?

— Да, организованно, — повторил я серьезно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

— А что, Галочка, пойдем в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут, — сказала она и остановилась. Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

— Но ведь нам сказали сначала в пятый «А» — заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в ее сторону, показывая, что никто и не думает считать ее взрослой.

— Какая разница, — сказала докторша и решительно повернулась.

— Мальчику не терпится испытать мужество, да?

— Я малярник, — сказал я, отстраняя личную заинтересованность, — мне уколы делали тыщу раз.

— Ну, малярник, веди нас, — сказала докторша, и мы пошли.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперед, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошел в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко и, хотя решение задачи в трех действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не может припомнить своей мысли.

«Не бойся, Шурик, — думал я, — ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

— Молодец, Алик, — сказал я тихо Комарову, — такую трудную задачу решил.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато еще реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять аккуратно наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промочку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать уколы.

— Если это необходимо именно сейчас, — сказал Харламбий Диогенович, мельком взглянул на меня, — я не могу возражать. Авдеенко, на место, — кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошел на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харламбий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

— Ну, кто из вас самый смелый? — сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу острием кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

— Будем вызывать по списку, — сказал Харламбий Диогенович, — потому что здесь сплошные герои.

Он раскрыл журнал.

— Авдеенко, — сказал Харламбий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеемся.

Авдеенко подошел к столу длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше: получить двойку или идти первым на укол.

Он поднял рубаху и теперь стоял спиной к докторше, все такой же нескладный и не решивший, что лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров все больше и больше бледнел. Подходила его очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало.

Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался все строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

— Отвернись и не смотри, — говорил я ему.

— Я не могу отвернуться, — отвечал он затравленным шепотом.

— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, — подготавливал я его.

— Я худой, — шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, — мне будет очень больно.

— Ничего, — отвечал я, — лишь бы в кость не попала иголка.

— У меня одни кости, — отчаянно шептал он, — обязательно попадут.

— А ты расслабься, — говорил я ему, похлопывая его по спине, — тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твердая как доска.

— Я и так слабый, — отвечал он, ничего не понимая, — я малокровный.

— Худые не бывают малокровными, — строго возразил я ему. — Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосет кровь.

У меня была хроническая малярия, и сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделать с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идет и зачем. Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и, когда ему сделали укол, он внезапно побелел как смерть, хотя казалось, дальше бледнеть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

— Скорую помощь! — закричал я. — Побегу позвоню.

Харламий Диогенович гневно посмотрел на меня, а докторша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампию Диогеновичу, а Алику.

Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошел на свое место, как будто не он только что умирал.

— Даже не почувствовал, — сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно все почувствовал.

— Молодец, малярник, — сказала докторша.

Помощница ее быстро и небрежно протерла мне спину после укола. Видно было, что она все еще злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

— Еще потрите, — сказал я, — надо, чтобы лекарство разошлось.

Она с ненавистью дотерла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было приятно, а то, что она злится на меня и все-таки вынуждена протирать мне спину, было еще приятнее.

Наконец все кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный — лекарства. Ученики сидели, поеживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

— Откройте окно, — сказал Харламий Диогенович, занимая свое место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы.

Он вынул четки и задумчиво перебирал желтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В такие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

— Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, — сказал и остановился. Щелк, щелк — перебрал он две бусины справа налево. —

Один молодой человек хотел исправить греческую мифологию, — добавил он и опять остановился. Щелк, щелк.

«Смотри, чего захотел», — подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую завалящую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно все исправлено и никаких ошибок быть не может.

— Он хотел совершить тринадцатый подвиг Геракла, — продолжал Харлампий Диогенович, — и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

— Геракл совершил свои подвиги, как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости... — Харлампий Диогенович задумался и прибавил: — Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Щелк. На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он ее резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая.

Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина щелкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харлампия Диогеновича.

— ...Мне кажется, я догадываюсь, — проговорил он и посмотрел на меня.

Я почувствовал, как от его взгляда сердце мое с размаху влепилось в спину.

— Прошу вас, — сказал он и жестом пригласил меня к доске.

— Меня? — переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

— Да, именно вас, бесстрашный малярик, — сказал он.

Я поплелся к доске.

— Расскажите, как вы решили задачу, — спросил он спокойно, и — щелк, щелк — две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Я смотрел краем глаза на доску, пытаюсь по записанным действиям восстановить причину этих действий, но ничего сообразить не мог. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало меня и мешало сосредоточиться. Я еще надеялся, что вот-вот прозвенит звонок — и казнь придется отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

— Мы вас слушаем, — сказал Харламий Диогенович, не глядя на меня.

— Артиллерийский снаряд, — сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

— Дальше, — проговорил Харламий Диогенович, вежливо выждав.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я упрямо, надеясь по инерции этих правильных слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова. Я сосредоточился изо всех сил, пытаюсь представить ход задачи, и еще раз рванулся, чтобы оборвать эту невидимую привязь.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздались сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

— Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? — спросил Харламий Диогенович с доброжелательным любопытством. Он спросил это так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

— Да, — быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчеты.

— Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал, — сказал Харламий Диогенович, но класс уже и так смеялся.

Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко, самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой двойки. Смеялся Комаров, который, хоть и зовется теперь Алик, а как был, так и остался Адольфом.

Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошел бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как свое настоящее имя, обнаружались во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И еще я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями.

Звонок, как погребальный колокол, продрался сквозь хохот класса. Харламбий Диогенович поставил мне отметку в журнал и еще что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьезней относиться к домашним заданиям и с нерешенными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому свое.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда выглядят смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться этого.

Мне кажется, что древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться еще некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом нисколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Сметом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора. По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда.

1978

ЮРИЙ МАРКОВИЧ НАГИБИН

(1920—1994)

Юрий Маркович Нагибин родился 3 апреля 1920 года в Москве. В 1938 Нагибин окончил школу с отличием и поступил в Московский медицинский институт. Интересы к врачебному делу у него не возникают, и он переходит учиться на сценарный факультет ВГИКа. Окончить институт не удалось. В начале войны институт эвакуировали в Алма-Ату, а Нагибин был призван в армию и осенью 1941 отправлен на Волховский фронт в отдел политуправления. Незадолго до войны успел опубликовать в журнале свои первые рассказы «Двойная ошибка» («Огонек», 1940, № 11) и «Кнут» («Московский альманах», 1941, № 2). В 1942 Нагибин — в должности «инструктора-литератора» на Воронежском фронте. В том же году вступил в Союз писателей СССР. В его фронтовые обязанности входит разбор вражеских документов, выпуск пропагандистских листовок, ведение радиопередач. На фронте был дважды контужен, по выздоровлению комиссован по состоянию здоровья. Работал военным корреспондентом газеты «Труд». Фронтовой опыт воплощен в рассказах, собранных в сборники «Человек с фронта» (1943), «Большое сердце», «Две силы» (оба — 1944), «Зерно жизни» (1948). В конце 1940-х — начале 1950-х подружился с Андреем Платоновым (1899—1951).

Авторская известность приходит к Нагибину в начале 1950-х. Рассказы «Трубка» (1952), «Зимний дуб» и «Комаров» (1953), «Чегунов» (1954), «Ночной гость» (1955) оказались «быстро замеченными читателями». Рассказы «Хазарский орнамент» и «Свет в окне», опубликованные в рожденном «оттепелью» альманахе «Литературная Москва» (1956, № 2), вызвали гневный окрик в партийной печати. Однако буквально год спустя в «Библиотечке „Огонька“» появились рассказы, препарированные по законам соцреализма, и Нагибина «реабилитировали». Большинство рассказов Нагибина, объединенные общей темой, «сквозными» ге-

роями и образом повествующего, складываются в циклы: военный, «охотничий», историко-биографический, цикл путевых рассказов. Долгие годы автор рассматривался преимущественно как новеллист, стремящийся «сказать в малом о большом».

Ю. Нагибин — известный сценарист. В его сценарном активе более 30 фильмов: «Бабье царство», «Девочка и эхо», «Самый медленный поезд», «Чайковский», «Красная палатка», «Загадка Кальмана», знаменитая трилогия о гардемаринах и др.

Писатель не ограничивается «деревенской» и «производственной» темами. Появляются «городские» автобиографические циклы, составившие книги «Чистые пруды» (1962), «Книгу детства» (1968—1975) и «Переулки моего детства» (1971). Он обращается к истокам формирования духовного облика своего лирического героя Сережи Ракитина и его поколения.

Ю. Н. Нагибин награжден многими орденами и медалями. Ему были присуждены Чеховская премия (1987), премии журналов «НС» (1973, 1975), «Октябрь» (1994, посмертно). Умер Юрий Нагибин в Москве 17 июня 1994 года.

ЗЕЛЕНАЯ ПТИЦА С КРАСНОЙ ГОЛОВОЙ

Еще недавно Павлов умел жить так, чтобы одни обязанности не были в ущерб другим, чтобы любовь к семье не мешала работе, а увлеченность работой — он работал тогда на строительстве гигантской гостиницы в Зарядье — не вредила семье. После юности, растерзанной войной, потерей близких, жестокой болезнью и нуждой, Павлов стремился к размеренному, стройному бытию. Но все полетело к черту в тот день, когда, выслушав и выстукав близнецов, дотошно высмотрев темные пленки рентгеновских снимков, врач сказал: «У них слабые легкие, им лучше жить за городом». Душа Павлова рухнула под нестерпимым чувством вины. Вот когда отозвалось то, что впервые обнаружило себя поздней осенью сорок второго года в болотах Волховского фронта. Умываясь под висячим рукомойником возле блиндажа, младший лейтенант Павлов отхаркнул на белый иней, присоливший и жестко связавший болотные травы, густой комок крови.

Жена все приняла на себя. С непостижимой быстротой и неприметной затратой сил отыскала она в тридцати кило-

метрах от Москвы поселок с краю молодого сосняка, над чистой, светлой речкой, где по божеской цене продавался щитовой домик. Возле поселка находился санаторий, там шло строительство и была нужда в главном инженерере; под боком располагалась отличная школа-десятилетка, где как раз нужен был преподаватель английского языка, а жена Павлова занималась техническими переводами с английского.

Близнецы восприняли переход к новому бытию без удивления и огорчения. Они уверенно и бодро вписались в загородную жизнь, словно давно уже исподволь к ней готовились.

Ребята чувствовали себя отлично, они раз и навсегда покрылись красивым, не сходящим и зимой загаром, будто поменяли кожу, мускульно окрепли, а в походке их появилась какая-то зверьева грация.

Сейчас Павлов шел за молоком, размахивая бидоном, а вокруг него был синий и солнечный день позднего октября, и его длинная, худая тень покорно бежала сбоку.

Он вышел из поселка на обширную луговину, сбегавшую к реке. Слева, за каменной оградой санатория, проглядывало недостроенное здание столовой, справа, куда и направил свои шаги Павлов, простирался сосняк. Он начинался молодой рощицей искусственной посадки, а дальше синевато вздымались в небо мачтовые сосны старого бора.

Едва Павлов шагнул в рощицу, как им привычно овладело странно-тревожное чувство. Именно в этой рощице, по уверению близнецов, обитала удивительная зеленая птица с красной головой. Павлов считал эту птицу назойливым порождением нездоровой детской фантазии, и мысль о ней всякий раз вызывала в нем беспокойство.

Все началось, как и обычно начинаются человеческие невзгоды, с чего-то совсем незначительного, что пропускаешь мимо себя, а потом с досадой, сожалением и болью думаешь: почему был я так беспечен, почему не разгадал врага в его первом смутном обличье? Павлов не мог простить себе, что поначалу не придал значения болтовне де-

тей о большой зеленой птице, якобы виденной ими в соняке. Ну видели — что с того? Но однажды он прислушался к их разговору.

— Как ты думаешь, она больше галки? — спросил младший из близнецов.

Он был моложе всего на шесть минут, но трогательно хранил верность образу младшего брата.

— Ясно, больше, — уверенно сказал. — Она с ворону, только чуть худее.

— А голова у нее красная-красная, так и горит! — пылко вскричал младший. — Это самая красивая птица на свете!

— Да уж красивше не бывает, — подтвердил старший.

Павлов усмехнулся. Такой птицы не водилось в здешних местах. Он хорошо знал всех пернатых обитателей Подмоскovie: галки, вороны, сороки, воробьи, скворцы, синицы, чижи, щеглы, поползни, дятлы, кукушки, да их разве увидишь! Ребята что-то путают, или это просто игра света от сочетания солнечных лучей с лесной зеленью...

— А ты заметил синее у нее на груди? — спросил младший.

— Нет у ней ни пятнышка синего, — твердо сказал старший. — Она вся зеленая, до последнего перышка, и с красной головкой!

Павлов решил, что они придумали птицу, и подивился, почему это дети никогда не довольствуются реальностью. Казалось бы, мир так нов для них, так полон неразгаданных тайн, а они спешат населить его всякой небывальщиной: домовыми, лешими, русалками, упырями, оборотнями, карликами, ведьмами, великанами, большими зелеными птицами с красной головой. Еще недавно, когда они только переехали сюда, детей приводили в трепет и восторг скромные, невыдуманые летуны здешних мест: их маленький сад навещали многие пернатые лесов и полей. Дети часами могли следить за дятлом, который с таким неистовством долбил клювом сосну, что казалось, вот-вот отвалится его остренькая головка.

Павлов прикрепил в развилке веток фанерную дощечку, и дети, насыпав на нее зерна, стали кормить птиц. Вскоре

они до тонкости узнали птичьи вкусы: так, синицы не любят пшена, но очень любят подсолнухи; если кинуть на досочку мясные обрезки, то красивые пугливые сойки изменяют обычной своей осторожности. Близнецы заразили отца интересом к птичьим делам, Павлову нравилось смотреть, как дерзко и отважно маленькие воробьи отгоняют от корма розовых надутых снегирей. Воробьи, как настоящие парни, были с окружающим миром в жестко-враждебных отношениях. Они знали, что им не приходится ждать милости от людей, что не для них выставлена кормушка, и брали свое с бою. Налетая на фанерку стаей, они расталкивали птичью мелюзгу, в коротких ожесточенных схватках прогоняли снегирей и расклевывали корм прежде, чем кто-либо успевал им помешать.

Но почему же так быстро исчерпан для ребят окружающий их мир? Почему надумали они населить его зелеными птицами с красными головами? Павлов думал об этом с той же серьезностью, с какой относился ко всему, что касалось детей, но ответа не нашел. Порой его поражало и огорчало, что он так плохо разбирается в детях. Был же у него опыт собственного детства, был же он сам ребенком!

Павлов почти забыл о подслушанном разговоре, когда зеленая птица снова обнаружила свое призрачное существование. На этот раз ребята открыто, при взрослых, заговорили о ней друг с другом во время обеда.

— Я видел ее сегодня утром, — говорил старший. — Она пролетела над моей головой и села на сосну.

— На лисичкину? — спросил младший.

— Нет, на горелую. И до того здорово ее видно было! Я целый час на нее глядел.

Младший согнул указательный палец.

— Ну, не час, — у старшего заалели скулы, — а долго, долго! Я ее всю рассмотрел. Глаз у нее, как новая копейка, желтый и блестит, а клюв лиловый. Она меня тоже видела, а не улетела.

— Может, она вовсе людей не боится.

— Боится, — вздохнул старший.— Я сам подумал: вдруг она приученная, и тихонечко пошел к ней. Она глядела, глядела, а потом взмахнула крыльями и сразу пропала.

— А ты близко подошел?

— Сиди она пониже, я мог бы дотронуться до нее.

— Довольно болтать, ешьте! — непривычно резко сказала мать, и Павлов понял, что она тоже не в первый раз слышит о зеленой птице с красной головой, и эта назойливая выдумка раздражает ее, как заботит и огорчает его, Павлова.

Дальше пошло хуже и хуже: ребята совсем помешались на зеленой птице. С утра до вечера носились они со своей выдумкой, гордились ею, будто и в самом деле открыли в природе неизвестное доселе прекрасное существо. В их разговорах не чувствовалось желания заинтриговать родителей, вызвать их на какую-то игру. Они не заботились, слушают их или нет. Они говорили единственно друг для друга, просто и серьезно, и Павлова удручала серьезность этого взаимного розыгрыша с открытыми картами. Ему виделось в этом что-то опасное, болезненное.

Постепенно зеленая птица подчинила себе всю жизнь близнецов. Едва вернувшись из школы, они мчались в соняк и пропадали там допоздна. Птица, как понял Павлов, отличалась непостоянством привычек: то заставляла близнецов долго ждать себя и показывалась мельком, то надолго дарила им свое общество, неспешно перелетая с ветки на ветку. Появлялась она всегда со стороны поля и затем кружилась в пространстве между горелой сосной и той, под которой ребята видели однажды лисицу, отчего и называли ее «лисицкиной». Сюда будто бы и прилетала необыкновенная птица, зеленая с красной головой. Она была доверчивой и доброй птицей, в ней чувствовался прекрасный характер: широкий, беспечный, дерзкий. Она никого не боялась: ни ворон, ни сорок, ни лисиц. Такая соблазнительная в ярком своем наряде, она отважно подпускала людей на вытянутую руку. Но для Павлова это была ужасная птица: порождение болезненной мечты.

Здоровый практицизм, идущий, как считал Павлов, от матери, побудил ребят придать этой возне с призраком нечто вещественное. Они решили подкармливать птицу. Осень, сухая, бездождная, вступала в свою последнюю пору. Давно сошли все ягоды, кроме рябины, истончившиеся золотые листья ждали лишь порыва ветра, чтобы покинуть деревья. Утренники обожгли землю, всякие мелкие существа забились в кору деревьев, и природа оскудела съестным. У зеленой птицы не было сильного клюва, чтобы, подобно дятлу, выколачивать пропитание из древесных стволов, не было у нее и всеядности воробья, не умела она, подобно другим пернатым старожилам здешних мест, отыскать и в бескорнице червяка, съезжившуюся ягоду рябины, не была она и попрошайкой, вроде синицы, вечно клянчащей корм у жителей поселка. Она была гордой птицей, к тому же, видимо, чужеземкой. Ребята стали кормить ее, не жалея ни труда, ни терпения. Прежде надо было дознаться, какому корму отдает предпочтение зеленая птица. В лес поочередно таскали гречу, пшено, подсолнухи, хлебные крошки, горох, овсяную крупу. Вскоре выяснилось, что зеленый призрак более всего любит семечки. На беду тонкими ценителями семечек были и сороки, и воробьи, и синицы. Близнецы установили дежурство, чтобы отгонять мародеров. Это было не так-то просто! Криком, свистом, дикими прыжками пытались они отгонять прочь расхитителей, а неслышно подлетевшая зеленая птица принимала это неистовство на свой счет и обходила место кормежки стороной.

Привычно размеренная, многообразная жизнь близнецов теперь рухнула вконец. У них уже не хватало времени ни на чтение, ни на шахматы, ни на возню со старым радиоприемником. Школа, уроки, зеленая птица — к этому свелась их жизнь, причем школа и уроки принадлежали кругу мучительных обязанностей, а душевному выбору — зеленая птица с красной головой. Павлов готов был восторгаться рыцарственным служением близнецов своей мечте, будь эта мечта достижимой. Но вся их самоотверженность тратилась на пустоту, выдумку, бред...

— Вы бы хоть показали отцу вашу птицу, — сказала однажды мать из глубины невозмутимого спокойствия, но Павлов обостренным чутьем угадал ее озабоченность.

— Пожалуйста, — просто отозвался старший из братьев.

В это мгновение Павлов почти поверил в реальное существование зеленой птицы с красной головой. Но когда они гуськом брели по лесной тропинке, когда занимали наблюдательный пост под соснами, он уже твердо знал, что ничего не будет. И все же пролет каждой сороки, оповещавшей лес о чужаках, шорох палой листвы, потревоженной ветром, сухо звенящий пролет дроздов к запозднившейся рябине — все это заставляло его вздрагивать от нетерпения и надежды.

Так бесцельно прождали они несколько часов. Близнецы были озадачены, огорчены, но ничуть не смущены. Обычно деликатные и чуткие, они заигрались до грубости в свою неприятную игру.

— Ну что же, вы добились своего, — жестко сказал Павлов, — заставили и меня поверить в эту птицу. Но теперь хватит, шутка перешла в ложь, бесцельную и глупую.

— Ты дурак! — побледнев, сказал старший из близнецов.

— Ты дурак, папа, — повторил младший и заплакал.

Еще и сейчас, вспоминая об этом, Павлов чувствовал боль. Эта боль усугублялась тем, что он шел по той же тропинке, на которой потерял своих детей. Вот та самая полянка, вот горелая сосна, вот муравейник, вот другая сосна, вот рябина. Иней поплыл на ярком солнце, все стало блестящим и влажным — иглы сосен, подножья стволов, зеленая неживая трава.

Павлов достал молоко в Курынове и пошел назад. Миновав высоковольтную линию, уже в виду сосняка, он почувствовал, что ему мучительно идти прежней дорогой, и направился в обход березовым перелеском. Влажная кора берез почему-то припахивала свежестираным бельем, ни один лист не кружился в тихом воздухе, и все же роцца была толсто устлана желтой листвой. Возле трухлявого пня что-то

ярко зеленело. Павлов подошел и носиком ботинка пошевелил мягкую грудку перьев, пронзительно зеленых и таких легких, что от его прикосновения несколько перышек взлетело в воздух. В этой неправдоподобно яркой грудке каплями крови алели чуть удлинненные, узкие перышки. Хищник, настигший зеленую птицу с красной головой, не оставил от нее ни косточки, ни лоскутка плоти, лишь весь ее непригодный в пищу наряд содрал он с нее и сложил возле пня, а быть может, это ветром смело к пню набросанные на лиственную прель перья...

И радостью и страданием наполнилось сердце Павлова. Впервые поверил он сейчас, что близнецы здоровые ребята, они без труда осияют малую непрочность в грудной клетке и вырастут крепкими, надежными и добрыми людьми. Но почему ни он сам, ни жена не смогли подняться до простой веры в чудо, открывшееся их детям? Почему мать просто устранилась, а он, из бедной неспособности проникнуться их верой, измучил себя и обидел детей?

Близнецы в поисках птицы могли забрести и в эту часть леса. Павлов отыскал заостренный сук, выкопал неглубокую ямку в закисшей поверху, а внутри твердой от заморозков земле и захоронил там перья, набросав наверх прелые листья. Одно красное перышко Павлов взял с собой: он уже научил близнецов грубости недоверия и потому нуждался в вещественном доказательстве.

— Я видел вашу птицу, — сказал он ребятам, придя домой. — Она летела на юг и обронила перышко. Вот оно.

Старший из близнецов осторожно взял перышко, провел им по щеке и передал брату, тот повторил его жест.

— А долетит она? — задумчиво спросил младший.

— Она летела высоко, сильно, плавно, она обязательно долетит.

1955

ЗАБРОШЕННАЯ ДОРОГА

Был ли в яви или только приснился мне этот странный мальчик, овеянный нежностью и печалью нездешности, как маленький принц Антуана Сент-Экзюпери? Я знаю, что он был, как было булыжное шоссе, заросшее ромашкой, но даже если б этот мальчик принадлежал сну, он затронул мою душу неизмеримо сильнее многих других людей, чья грубая очевидность не вызывает сомнения.

Часто бывает, что чудеса находятся возле нас — протяни руку и возьми, а мы и не подозреваем об этом! Тот день начался с маленького чуда: оказалось, низинный, сыроватый ольшаник, примыкавший с севера к дачной ограде, сказочно богат грибами-свинушками. Грибы сливались в сплошные изжелта-бурые поля. Маленькие соседствовали с гигантами, похожими на вывернутые ветром зонтики. Я набивал свинушками рубаху, бегом относил их домой и возвращался в лес.

Как и всегда бывает во время счастливого грибного промысла, я становился все разборчивее: меня уже не радовали большие грибы, я срывал лишь маленькие, резиново-твердые. Эти разборчивые поиски завели меня в глубь леса. Грибов вскоре стало куда меньше, затем они и вовсе исчезли. Меня увлекло странствие по незнакомому лесу, менявшему свой облик по мере удаления от дачи. Низина сменилась возвышенностью, почва под ногами окрепла, ольшаник сошел, светло, молочно забелели березы.

Я вытряхнул грибы из рубашки, надел ее на себя и двинулся дальше. Радостно-тревожное чувство владело мною: я знал, что ушел не так уж далеко, и все же куда сильнее оторвался от дома, чем если бы забрел вдаль по знакомой, проторенной тропке. Загадочен был этот светлый, чистый березовый и осиновый лесок, выкроивший себе немалую площадь посреди ольшаника.

Чем дальше я шел, тем плотнее росли деревья, все труднее было пробираться вперед. И тут я набрел на этого мальчика, и свершилось главное чудо дня.

Небольшой, худенький, с узким лицом, загороженным круглыми очками в толстой черепаховой оправе, он полол, словно огородную грядку, невесть откуда взявшееся тут густо заросшее булыжное шоссе. Он уже расчистил довольно широкую полосу, и там плотно, крепко круглились сероватые булыжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков. Мальчик не только полол шоссе, он укреплял его по краям.

— Здравствуй, — сказал он, обернувшись и доброжелательно глядя на меня большими коричневыми глазами из-за круглых плоских стекол оконной прозрачности.

— Здравствуй, — отозвался я. — Зачем ты носишь очки, у тебя простые стекла?

— От пыли. Когда ветрено, дорога пылит, а у меня конъюнктивит, — пояснил он с гордостью.

— А что это за дорога? Я никогда ее раньше не видел.

— Не знаю... Ты не хочешь мне помочь?

Я пожал плечами и, нагнувшись, выдрал какое-то длинное растение. Растение не поддавалось. Я изрезал ладони, пока, наконец, вырвал его из земли. Да, это была работка! Недаром же у очкастого мальчика руки были в кровавых садинах. Мой пыл разом угас.

— Слушай, а зачем тебе это нужно? — спросил я.

— Ты же видишь, дорога заросла, — он говорил, стоя на коленях, и выкапывал из земли какой-то корень. — Надо ее расчистить.

— А зачем? — упорствовал я.

— Ну как же!.. — у него был вежливый, мягкий и терпеливый голос. — Цветы и трава своими корнями разрушают дорогу. Раньше булыжник лежал к булыжнику, а теперь, видишь, какие щели!..

— Я не о том!.. Зачем надо, чтобы она не разрушалась?

Он осторожно снял очки, ему хотелось получше рассмотреть человека, задающего такие несуразные вопросы.

— Если дорога разрушится, она исчезнет, и никто не узнает даже, что тут была дорога.

— Ну и черт с ней! — сказал я раздраженно. — Она все равно никуда не ведет!

— Все дороги куда-нибудь ведут, — сказал он с кроткой убежденностью и принялся за дорогу. — Посуди сам, разве стали бы ее строить, если бы она никуда не вела?

— Но раз ее забросили, значит, она не нужна!

Он задумался и даже перестал выдергивать цветы и травинки, в его коричневых глазах появилась боль — так трудно вложить в чужую душу самые простые и очевидные истины!

— Разве мы знаем, почему дорогу забросили?.. А может быть, кто-то на другом конце тоже попробует ее расчистить? Кто-то идет мне навстречу, и мы встретимся. Нельзя дорогам зарастать, — сказал он твердо. — Я обязательно ее расчищу.

— У тебя не хватит сил.

— У меня одного — нет. Но кто-то идет мне навстречу и, может быть, прошел полпути...

— Далась тебе эта дорога!

— Дороги — это очень важно. Без дорог никто никогда не будет вместе.

Смутная догадка шевельнулась во мне.

— У тебя кто-нибудь уехал далеко?

Он не ответил и отвернулся.

— Я буду тебе помогать! — неожиданно для себя самого вскричал я.

— Спасибо, — сказал он искренне, но без излишней горячности.

— Приходи сюда завтра утром, сегодня уже поздно, пора домой.

— А где ты живешь?

— Там!.. — махнул он на чашу, поднялся, вытер ладони пучком травы, спрятал очки в карман и пошел прочь, перепачканный, усталый, тщедушный, непреклонный дорожный строитель, и вскоре скрылся за кустами жимолости.

На другой день ни свет ни заря я устремился в лес.

Я мчался сквозь ольшаник, охваченный жгучим нетерпением и умиленный предвкушением встречи с маль-

чиком на заросшем булыжном шоссе, — его вера уже стала моей верой. Я был уверен, что без труда отыщу шоссе, ведь это так просто: все прямо и прямо, сквозь ольшаник, в березовый лесок, и там обнаружится чистая полоска синеватого и розового булыжника...

Я так и не нашел заброшенного шоссе. Все было похоже на вчерашнее: и деревья, и травы, и розовые свечи высоких цветов, но не было ни шоссе, ни мальчика с коричневыми глазами. До заката мыкался я по лесу, измученный, голодный, но все было тщетно...

Мне никогда уж не попадалось ни заброшенное шоссе, ни даже стежка, что нуждались бы в моем спасающем труде. Но с годами я по-иному понял наставление мальчика. В моем сердце начиналось много дорог, ведущих к разным людям: и близким, и далеким, и к тем, о ком ни минуты нельзя забыть, и к почти забытым. Вот этим дорогам был я нужен, и я встал на вахту. Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополох и крапиву и всю прочую нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их, превращать в ничто. Но если я преуспевал в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение. Лишь одну, самую важную дорогу не дано мне было спасти, быть может, потому, что никто не шельнулся мне навстречу.

1960

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ САЛОМАТОВ

(р. 1953)

Андрей Васильевич Саломатов родился в Москве в 1953 году. Он получил образование в Московском художественном училище имени 1905 года, где занимался на факультете станковой живописи. В своей жизни Андрей Саломатов сменил немало профессий: ловил змей в Средней Азии, валил лес на Севере, работал художником в Крыму, был теат-

ральным бутафором, в московских издательствах трудился литературным консультантом и редактором. В литературу писатель пришел в начале 1980-х годов, участвовал в знаменитых Малеевских семинарах. Известность Саломатов приобрел как детский писатель, автор сказочно-фантастических повестей о подростках. Активно стал печататься с начала 1990-х годов, неоднократно публиковался в ведущих отечественных изданиях, в том числе в журнале «Знамя», альманахе «День и ночь». В 1994 году свет увидела первая авторская книга Андрея Саломатова «Наш необыкновенный Гоша», и в том же году повесть «Синдром Кандинского» была удостоена премии журнала «Знамя» «за установление приоритета художественности в литературе». Им опубликовано более тридцати рассказов в сборниках, газетах и журналах: «Если», «Огонек», «Юный техник», «Мальчик», «Трамвай», «Книжное обозрение», «Юный натуралист», «Наука и жизнь», «Энергия». Печатался также в изданиях «Совершенно секретно», «Литературная газета», «Наука и религия», «Спутник», «Пионер», «Советский школьник», «Перспективы», «Почемучка». В 1999 году книга «Синдром Кандинского» была переведена на французский язык и вышла во Франции. За серию детских книг «Цицерон — гроза тимиуков» (1996), «Цицерон и боги Зеленой планеты» (1997), «Сумасшедшая деревня» (1998), «Возвращение Цицерона» (2000), «Сыщик из космоса» (2000) писатель получил премию «Алиса» за лучшее фантастическое произведение для детей. В 2003 году была опубликована книга «Проделки Джинна» — первый сборник «взрослой» фантастики Андрея Саломатова.

ДЕВУШКА В БЕЛОМ С ОГРОМНОЙ СОБАКОЙ

Время Великих потрясений еще не началось. Всего около года прошло с тех пор, как отыграли траурные марши в честь веселого президента, в одночасье ставшего маршалом. Все еще делали вид, что работают, и средства массовой информации всячески поддерживали в людях это заблуждение. ОВИРЫ были завалены заявлениями о выезде. Те, кому позволял пятый пункт, спешили воспользоваться своим призрачным правом, боясь, что завтра будет еще хуже. Не имеющие такой возможности придумывали новые религии, занимались спиритизмом, йогой, каббалой. Всенародные праздники выливались во всенародные попойки, и вытрезвители работали на пределе.

По Москве начали распространяться слухи один другого удивительнее. Чего только не придумывал напуганный горожанин! Поговаривали, что собираются эксгумировать имя великого кормчего. Предсказывали введение военного положения и, как следствие, комендантского часа. И действительно, в кинотеатрах во время сеанса у зрителей проверяли документы, трясли очереди в магазинах и пивных. И никто ничего не знал. Гайки потихоньку закручивались, а в воздухе повисло ожидание: что там, кто, какая еще участь уготована этому циклопическому государству? Но кто-то ждал, а кто-то продолжал жить своей привычной жизнью.

1

Ах, какой плохой была погода в тот ноябрьский день. Мелкий ледяной дождь, насморочный ветер и небо, от одного вида которого хочется плюнуть и зажмуриться. В такую погоду хорошо только под теплым верблужьим одеялом, но никак не на мосту. Здесь ветер с изнуряющим постоянством рвал с прохожих пальто и шляпы, и не дай бог в руках у кого-нибудь оказывалась картина или еще какой широкоформатный предмет. Начнет швырять по всему тротуару, только успевай прижимать этот предмет к груди. Именно этим и занимался Зуев на Киевском мосту. Уже пятнадцать минут он ждал здесь Шувалова, совершенно измучился и вымок. В руках у него были два больших холста, натянутых когда-то очень давно на подрамники. Холсты, словно живые, вырывались из рук Зуева, выталкивали его на проезжую часть, в общем, вели себя подло, если не сказать хуже.

Наконец Зуев увидел Шувалова. Тот шел со стороны Киевского вокзала и как-то не очень торопился. Зуев еще издали начал отчитывать своего друга, больше для себя, чем для него, и к тому времени, как Шувалов подошел, он выговорился. Зуев знал, что ругать Шувалова нет никакого смысла. Тот редко опаздывал на полчаса или сорок минут. Час, полтора были для него нормой. Поэтому и Зуев, договорившись встретиться с ним в десять утра, пришел к одиннадцати.

Шувалов выглядел неважно. На черном фоне воротника пальто лицо его было похоже на вареную картофелину. Кожа посерела и сделалась прозрачной, как умирающая жемчужина. Тонкие губы отдавали синевой, а воспаленные глаза смотрели на жизнь совершенно незаинтересованно.

— Ты что это такой серый? — вместо приветствия поинтересовался Зуев.

Шувалов потрогал лицо, будто на ощупь можно было определить цвет, и мрачно ответил:

— Погода дрянь, и башка трещит. Пойдем скорее.

Друзья торопливо спустились с моста на Смоленскую набережную и перешли на другую сторону улицы под защиту голых деревьев. Здесь ветер был потише, и не так хлестало в лицо противным дождем.

В антикварный комиссионный друзья ввалились с громким топотом, отдуваясь и отплеываясь. В магазине было тепло и тихо, как в музее. На вошедших со всех стен писаными глазами укоризненно смотрели зафраченные мужчины, декольтированные красавицы, сытые жизнерадостные дети и герои античных мифов. У самого входа в скупку Зуев встретился глазами с Иисусом Христом и, не выдержав его печального взгляда, отвернулся.

Очередь была маленькой, всего три человека. Двое мужчин сидели рядышком и говорили о деньгах и Рембрандте. Третий посетитель — сухощавая надменная женщина держала руку на голове бронзового Гоголя. Во взгляде ее читался неуместный в магазине пафос и полное презрение к торгашеской атмосфере комиссионки. Бюст был сильно побит патиной, напоминающей трупную зелень, и хозяйка больше походила на вдову великого писателя.

Зуев и Шувалов молча ожидали своей очереди. Зуев все время протирал влажные холсты несвежим носовым платком, а его друг, положив ногу на ногу, невнимательно рассматривал свой раскисший грязный ботинок. Он, видимо, думал. И думать ему было о чем.

Как и его друг, Шувалов прошел путь от студента МИФИ до грузчика мебельного магазина, побыв при этом и младшим научным сотрудником, и суточным сторожем, и фарцовщиком. Правда, Зуев продолжал трудиться, а Шувалов уже около трех месяцев размышлял, чем бы еще таким заняться. Чтобы было на что существовать, Шувалову пришлось продать из дома кое-какие вещи. Дотошные соседи болтали о нем на кухне всякую ерунду, и с их легкой руки Шуваловым пару раз интересовался участковый. А он все никак не мог изобрести себе подходящее занятие, потому что всякую работу считал либо недостойной, либо слишком обременительной.

Наконец очередь подошла. В тесном кабинете у искусствоведа Зуев резво расставил картины вдоль боковой стены, так, чтобы свет из окна равномерно освещал холсты. Искусствовед покрутился перед картинами, поприседал, выискивая наиболее удобную точку для осмотра, а затем доброжелательно сообщил:

— Немецкий лубок, конец девятнадцатого.

— Ну, само собой, — откликнулся Шувалов.

Искусствовед внимательно посмотрел на него и ответил:

— Да нет, не само собой. В общем, извините, молодые люди, сейчас взять не могу. Приходите через неделю. Будет специалист из Третьяковки, а я, честное слово, не могу.

— Ну, может... — начал было Зуев.

— Нет, не может, — резко перебил его искусствовед и мягче добавил: — Неделя — ерунда.

— Для кого ерунда, — мрачно ответил Зуев. От одной мысли, что ему придется везти картины назад, он мученически застонал. — Витя, — обратился он к Шувалову, когда они выбрались из кабинета, — понеси ты... хотя бы до метро.

— Возьми такси, — посоветовал Шувалов.

— У меня нет денег. Дома тоже ни гроша. Вчера Лариса последние истратила на зубную пасту. Зачем ей столько зубной пасты — ума не приложу. Целую сумку притащила.

Они вышли из магазина и направились к метро. Зуев, чертыхаясь, прижимал к себе картины, а Шувалов изучающе посматривал на него и о чем-то соображал. Наконец он предложил:

— Хочешь, я куплю их у тебя?

— Купи, — не раздумывая, охотно согласился Зуев, но тут же добавил: — Только не как самовар.

— По пять рублей за штуку, — сказал Шувалов.

— Ты паук, Витя, — обиделся Зуев. — Пять рублей за немецкий лубок прошлого века! Это же не побитый самовар, который ты, кстати, продал за сорок.

— А пропили мы в тот вечер сто.

— Сто?! — искренне удивился Зуев. — Пили портвейн и пропили сто рублей? Что ж мы, два ящика выпили?

— А ты не помнишь, как мы под конец поехали на Ордынку? Сколько там было человек?

— Не помню. Ей-богу, не помню. Это что ж, мы брали выпить?

— Я, — поправил его Шувалов.

Некоторое время друзья шли молча. Затем Зуев громко вздохнул и выдал из себя:

— Ладно, бери по пять. Не домой же мне их тащить.

Шувалов остановился, деловито достал бумажник и расплатился с Зуевым. Затем он ухватил покрепче картины, и они продолжили путь.

Зуев повеселел. На обратном пути ветер дул в спину, свободные руки можно было засунуть в карманы, в одном из которых лежали две непечатые пятерки, а впереди был целый день.

— Может, на Ордынку заглянем? — предложил Зуев, и глаза его блеснули тем живым огоньком, который часенько предвещал начало бесшабашного загула.

— Давай, — согласился Шувалов. — Оставлю пока там это барахло. Не хочется домой ехать.

— Мне бы только на работу заскочить, на пять минут, — сказал Зуев и посмотрел на друга. — Два дня уже не был, — словно оправдываясь, пояснил он.

— Потом заскочишь, — ответил Шувалов.

Они вышли на перекресток и почти сразу остановили такси. В машине было тепло, пахло дерматином и нагретым маслом, а после вселения двух пассажиров к скромному букету добавился аромат мокрой одежды. Все вместе это напоминало запах псины.

Дверь им открыла Галя — хозяйка квартиры, одинокая женщина лет сорока. Когда-то, видно, она была красавицей, но последние несколько лет вела неправильный образ жизни и сильно сдала. Кожа ее сделалась дряблой, глаза и волосы потускнели, а формы опустились вниз и при ходьбе как-то развязно подпрыгивали.

Галя ответила на приветствие, брезгливо осмотрела гостей с ног до головы и важно промолвила:

— Ну, входите, коль пришли. Только вытирайте ноги.

Зуев и Шувалов старательно вытерли обувь о грязную тряпку и прошли в комнату. Здесь их встретили дружным «ну-у-у-у». За столом, между наглухо зашторенным окном и чудной изразцовой печью, сидели трое: молодой художник Кука — студент Суриковского института и две его смазливые подружки. Обе работали натурщицами в стенах того же Суриковского.

Кука широким жестом пригласил вошедших за стол, на котором в аппетитном, слегка свинском беспорядке лежали чуть тронутые закуски в прозрачных промасленных бумагах, стояли большие бутылки с красным вином урожая надвигающейся зимы и граненые стаканы.

Не вставая, девочки начали двигать стулья поближе к Куке, освобождая застольное пространство для гостей. Зуев сел на стул, ловко подставленный ему сзади Галей, взял в руку наполовину наполненный стакан вина, извинился перед владелицей стакана и лихо выпил. Ему нестройно похлопали. Кука передал через стол рассыпчатого окушка горячего копчения, а одна из девиц, та, что сидела ближе к Зуеву, положила ему в рот кусочек ветчины. А Шувалов тем временем как неприкаянный бродил по комнате, не зная,

куда пристроить приобретенные произведения живописи. Он слышал, как Зуев булькнул горлом, глотая вино, и сам мечтал поскорее принять участие в празднике души, но бросить картины где попало значило лишиться их. Шувалов был опытным человеком и завсегдаем этого гостеприимного дома. Он знал, что через час-другой сюда нагрянут друзья Куки, а с ними и подружки. Еще через час комната превратится в танцплощадку... Да какую там танцплощадку! На танцплощадках девушки не танцуют в таком виде, не топчут картины каблуками, а юноши не ломают мебель и не швыряют под хорошенькие топающие ножки все, что оказалось под руками.

— Чего это ты там никак не можешь спрятать? — наконец обратился Кука к Шувалову.

— Да, — отмахнулся Шувалов, — лубок. Вон, у Сашки купил.

— Ну, так покажи, оценим. — Кука важно поднялся со стула, но остался стоять на месте.

— Да лубок немецкий, ерунда, — ответил Шувалов. Правда, картины все же расставил у стены и в нетерпении затоптался на месте.

— М-м-м, — восхищенно промычал Кука, разглядывая холсты. Он многозначительно поцокал языком, закрыл один глаз, затем козырьком приложил ладонь к другому и, вполне удовлетворившись, сел.

— И за сколько? — равнодушно поинтересовался Кука.

— Паук, — ответил за друга Зуев, — по пять рублей за штуку.

— Не продавал бы, — огрызнулся Шувалов.

— По четвертному хочешь? — предложил Кука, пережевывая кусок рыбы. — Или да, или нет. Торговаться не буду.

— Давай, — тут же согласился Шувалов, а Зуев обиженно заморгал, посмотрел на своего друга и сказал:

— И не стыдно тебе — при мне, на мне же наживаешься?

Шувалов промолчал. Он лишь замотал головой, будто уронил что-то на пол, а Кука, порывшись в карманах, эф-

фектно бросил на стол две фиолетовые купюры. Забрав одну из них, Шувалов потребовал у Зуева пятерку. Сообразив в чем дело, Зуев охотно отдал ему одну из тех, что совсем недавно получил от него же.

Все повеселели как-то разом. Зуев от того, что получил солидную добавку. Шувалов — что заработал и избавился от громоздких картин. Кука чувствовал себя и лихим купцом, и в перспективе владельцем бесценной коллекции картин, но, что самое главное, тонким знатоком живописи. А девочки радовались тому, что скучное отступление закончилось и можно опять выпить и поболтать о чем-нибудь земном. Радовалась и хозяйка дома. Она убедилась, что у всех присутствующих в данный момент есть деньги.

Справедливости ради надо заметить, что Галя никогда не выворачивала карманов у пьяных гостей и не выпрашивала на жизнь, которая дорожала год от году. Ей давали и так. Сказать, что Галя прирабатывала проституцией, значило бы оклеветать хозяйку дома. Спать она, конечно же, спала с желающими, но денег за это не требовала. Галя брала их как единовременную помощь. Кто даст. И давали, и любили ее, несмотря на то, что она была много старше некоторых своих любовников. Это обстоятельство мало кого смущало. Как однажды выразился Кука: «Старых и страшных женщин не бывает. Бывает мало водки». Именно на справедливости этого экзистенциального афоризма и необыкновенном Галином гостеприимстве и держалось благосостояние дома.

Как и полагается, сделку сейчас же обмыли.

Третий час длилось застолье. Все уже порядочно захмелели. Шувалов пересказывал Гале какой-то немислимый эпизод из своей многострадальной жизни. Одна из девочек по-птичьи вертела головой, а другая героически боролась со сном. Кука с Зуевым спорили о политике, и делали это так, как умеют делать только пьяные или сильно скучающие люди. Собственно, спорили они о том, нужны ли государственные правители, а если нужны, то какие. Кука, положив

два кулака на стол, очень твердо внушал Зуеву, что нужны, и лучше, если это будет не президент, а царь-батюшка.

— Нет! Нет-нет-нет! — нервно вскрикивал Зуев. Затем хватался за пустой стакан, недоумевающе заглядывал в него и ставил на место. — Нет! — кричал он. — К черту всех этих дармоедов. Есть один закон: захотел поесть — поработай. И не важно, чем ты работал: головой, руками или... — Зуев мельком взглянул на Галю и добавил: — Еще чем-нибудь... Важно, что твой товар имеет спрос. И никакие цари и президенты людям не нужны!

Этот незамысловатый и старый как мир спор был прерван настойчивым звонком в дверь. Хозяйка дома с презрительной миной встала и пошла открывать. Сидевшие за столом в ожидании замолчали. Открыла глаза и девочка, боровшаяся со сном, а когда в комнату вошли два молодых человека, все одновременно выдохнули: «Ну-у-у».

— Вот, я тебе говорил, — сразу затараторил один из молодых людей. — Я тебе говорил, что здесь давно уже пьют, а ты не верил. — Он бросил красивую широкополую шляпу на кровать, а плащ повесил на руку хозяйке, которая для устойчивости вцепилась рукой в вешалку. — А мы идем мимо винного, — продолжил гость, — народу — никого. Ну, думаю, коль никого, надо взять. Ну, взяли, стоим, соображаем, где выпить. Ну, думаю, здесь-то пьют небось. И точно, не ошибся. — Говоря все это, гость пожимал руки старым знакомым. Затем он по-гусарски представился девочкам, назвавшись Леней. После этого Леня приподнял одну из девочек над стулом, сел, а ее усадил к себе на колени.

— Ну, наливай, наливай, — торопил он Куку. — На улице-то, видишь, что делается? И не пьешь — захочется.

Опять задвигали стульями. Галя принесла маленькую скамеечку для друга Лени, а тот, не торопясь, как бы желая произвести на собравшихся приятное впечатление, одну за другой выставил на стол восемь здоровенных бутылок с блеклыми розовыми этикетками.

Разговор за столом сразу оживился. Леня очень забавно и непринужденно нес какую-то околесицу. При этом он все время хватал девочек за колени и обеих звал Нюшками.

Кука к тому времени уже начал терять свою чопорность. Она слетала с него, как луковая шелуха. Вначале изменилось выражение лица, затем поза, в разговоре появились непривычные для него обертоны и интонации. Кука простел на глазах, внутренне эксгибиционировал, но оценить это было некому. Вместе с ним преобразались и все остальные. Щуплый Шувалов сделался могучим как баобаб. Глядя на него, можно было подумать, что он пьет не вино, а живую воду и готовится выйти на помост к штанге. Девочки вконец поглупели, хозяйка дома выглядела царственно надменной, а Зуев, истерически выпрыгнув из-за стола, вдруг обмяк и проямлил:

— Кто понял, что скорбь проистекает от привязанности, удаляется в пустыню, подобно носорогу.

После этого, держась за печку, он добрался до кровати и рухнул на нее обутый и одетый, как солдат на передовой.

Зуев не сразу уснул. Лежа с закрытыми глазами, он прислушивался к разговору, но ровным счетом ничего не понимал. Далекие голоса сливались и наподобие шума прибоя убаюкивали Зуева. А редкие вскрики и громко сказанные отдельные слова ничего не говорили Зуеву. Смысл их был таинствен и неузнаваем, как арабское письмо.

Через некоторое время в доме появился еще один гость. Зуев открыл глаза и попытался разглядеть вошедшего, но вместо человека увидел темное расплывчатое пятно.

Затем поднялся гвалт, и непрошеного гостя вытолкали за дверь. Кто-то крикнул: «Бросьте ему его рыбу» — и после этого действительно раздался скрип открываемой форточки и дружный хохот.

Очнулся Зуев от того, что кто-то повалился рядом с ним. Вслед за этим он услышал шепот:

— Сашка, хватит дрыхнуть. Поехали в Симферополь.

— Почему в Симферополь? — ошалело прошептал Зуев.

— Там тепло. Ну, хочешь, на Кавказ? Вставай, поехали.

— А сколько времени? — с трудом сев на кровати, спросил Зуев и застонал. Глазам его предстала фигурная композиция с картины Кукрыниксов «В бункере». За столом в неудобных позах, кто как, почивали гости.

— Время то самое, — настойчиво бубнил Шувалов. — Идем. — Он поднялся и потащил Зуева за руку.

— Надо жене позвонить, — вспомнил Зуев, — она же ничего не знает.

— Узнает, — ответил Шувалов, — из газет.

По случаю глубокой ночи на улице не было ни души. Казалось, что люди навсегда оставили этот город, и лишь редкие «Волги» с зелеными огоньками хипно пронеслись мимо. Одна из них притормозила, и Шувалов рыкнул в открывшуюся узкую щель:

— На вокзал.

В машине Зуев уснул. Затем, не помня как, сонный очутился в купе на второй полке. Напротив на такой же полке лежал Шувалов в пальто и ботинках. Он положил под голову какой-то мерцающий предмет и, видимо, уже спал.

Зуев закрыл глаза, а открыл их, когда уже совсем рассветло. Охая, он свесил с верхней полки ноги, наступил грязным ботинком на белоснежную постель соседа снизу и извинился. Сосед посмотрел на него ясными трезвыми глазами и безразлично произнес:

— Вы бы еще на... мне на голову.

— Ну, я же сказал: извините, — морщась от головной боли, ответил Зуев. Он толкнул в бок спящего Шувалова и неожиданно визгливо крикнул: — Подъем!

Шувалов заворчал, словно дворový пес, начал подтягивать колени к подбородку, а затем, не открывая глаз, поинтересовался:

— Где я?

— А ты что, не слышишь? Тук-тук, тук-тук? — ответил Зуев.

— Едем, что ли? — спросил Шувалов. Он открыл глаза, кряхтя сел и таким же грязным, как у Зуева, ботинком за-

ехал соседке снизу в ухо. Женщина, видимо, была женой пассажира с трезвыми ясными глазами, потому что тот вдруг вскочил со своего места, выпрыгнул из купе и заорал:

— Ну, что это такое?! Что это такое?! Какие-то два рыла все утро терроризируют нас своими грязными ботинками! Проводник!

— Да ладно вам, — примирительно сказал Зуев. — Нечаянно же.

Шувалов тем временем спрыгнул с полки, извинился перед женщиной и даже помог ей стряхнуть с волос и коленей кусочки засохшей глины. Женщина все время говорила: «Да не надо, спасибо. Я сама». А Шувалов знай бубнил свое: «Ну, бывает. Не по злобе же». При этом он старательно тер грязной ладонью колено женщины, на котором и сразу-то не было никакой глины. А муж женщины вызвал проводницу и в сердцах наговорил ей всякой всячины: и про отравленный перегаром воздух, и про ночные вопли и храп, и про ботинки, которые культурные люди снимают, а всякая пьяная сволочь спит прямо в них. В общем, поднялся скандал. Проводница тут же потребовала у Зуева с Шуваловым билеты. Зуев посмотрел на Шувалова, а Шувалов на Зуева, и вскоре выяснилось, что билетов у них нет, а может, и не было вовсе. Это известие вконец разъярило обиженного пассажира.

— Так это они без билетов нас своими ботинками пачкали? — задыхаясь от гнева, закричал он. — Ну, свиньи! Ну, гады! Ну, сволочи! — Возмущение пассажира было таким неистовым, что даже жена его, до сих пор не принимавшая в склоке участия, заговорила:

— Не надо, Степ. Ну, зачем ты так?

— А тебя вообще не спрашивают, дура! — заорал на нее муж. — По-твоему, всякая пьяная сволота без билета может...

В общем, Зуева с Шуваловым попросили сойти с поезда, и чем скорее, тем лучше. Зуев сразу согласился. Он отвел проводницу в сторону и миролюбиво объяснил ей, что билеты должны быть, но, видно, из-за этого дела, — Зуев

щелкнул себя пальцем по горлу, — они или потеряли их, или забыли взять. Зуев прижал обе ладони к левой стороне груди и проникновенно произнес:

— Не помню ничего. Честное слово.

Сошли горе-путешественники на какой-то маленькой станции с неинтересным названием Тулепово. Здесь было заметно теплее, чем в Москве, но по дорожной грязи столлица сильно уступала своему младшему собрату. Шувалов с тоской окинул взглядом небольшой двухэтажный поселок, растянувшийся вдоль железнодорожных путей, и смачно сплюнул.

— Черт тебя принес в это Тулепово, — зло проговорил он.

— Меня? — удивился Зуев.

— А кого же еще? Ладно, пойдем посмотрим, что такое это Тулепово. Не здесь же стоять.

Друзья спустились с платформы и, увязая в жидком черномезе, отправились в поселок.

Если мерить величину населенного пункта затраченной на дорогу физической силой, то Тулепово было где-то размером с Люксембург или Сан-Марино. Были здесь и своя баня, и книжный магазинчик, и две пивные — одна напротив другой. Начинали работать пивные в восемь утра, и к тому времени, как наши герои попали в этот поселок, злачные заведения давно уже работали, а может, и выручили рублей по сто двадцать. Одна за счет того, что пиво там стоило дешево — двадцать копеек. Зато во второй не очень брезгливый посетитель мог посидеть на стуле, а кружку поставить на стол, и это вполне оправдывало то, что пиво здесь стоило вдвое дороже. Правда, клиенты второй забегаловки состояли в основном из посетителей первой. Пиво они покупали по двадцать копеек, а выпить его приходили в «бар», как было написано на дверях этого заведения. Хозяйка бара ругалась, но не очень. Право посидеть получали только те, кто взял хотя бы одну кружку дорогого пива. Кроме того, тулеповцы оставляли после себя пустую винную посуду, за которой внимательно следила грязная

старуха в кружевном от пивных подтеков халате. Она, как хороший главнокомандующий, видела сразу все поле боя и очень точно определяла, где требуется ее присутствие. С бесстрастным лицом мягкой шаркающей походкой старуха маневрировала между столиками, запуская руку именно туда, куда нужно, и именно тогда, когда там появлялась пустая посуда. Видно, не первый год она занималась этим пивным биатлоном, и не мешали ей уже ни старческая слепота, ни пьяная разболтанность суставов. Профессионализм сидел в каждой клетке ее прокопченного, проспиртованного тела, и даже потеряй она мозжечок, этот координатор движения всякой более или менее высокоорганизованной твари, то и тогда рука не подвела бы ее.

Зуев с Шуваловым сразу направились в бар. Выбрав столик поближе к окну, они взяли по две кружки дорогого пива, по бутерброду с фиолетовой селедкой и заняли свои места. С довольной миной, деловито, Шувалов достал из кармана захваченную в дорогу бутылку портвейна, которую он ночью использовал в качестве подушки, залихватски сорвал с нее пробку и налил вино в матовый от ежесекундного пользования стакан.

— Ну, что ж, Тулепово так Тулепово, — без радости и сожаления сказал он. — Слава богу, наше с тобой дело не требует каких-то особых условий. Портвейн, он и в Африке, и в Тулепове портвейн. — Шувалов выпил, налил Зуеву и подвинул ему стакан.

После того как друзья «поправились», они уселись на своих колченогих стульях поудобнее, оба распахнули пальто, и потекла беседа, неторопливая, как жизнь лесного отшельника.

— Я бы не смог здесь жить, — сказал Зуев, поставив кружку на стол. — И пиво плохое — кислое.

— Да, — через минуту откликнулся Шувалов, — городишко дрянь. Что с того, что страна такая огромная? Везде одно и то же: грязь до колен да кислое пиво. Две недели можно поездом ехать, чтобы перебраться из одного Тулепова в другое. Неужели во всем мире так живут?

— Нет, я слышал, в Индии никто не носит пальто, — прыснул Зуев, но сразу как-то поскуучнел и добавил: — Дрянь городишко. И люди страшные какие-то. Понапяливали телогрейки. Тоже мне, национальный костюм. Не отличишь, где мужик, а где баба.

— Интересно, куда подевались хорошенькие пастушки и пастушки-очаровашки, — поддержал Шувалов друга. — Откуда взялись все эти двухъяйцовые близнецы? Вроде живут на природе, пьют молоко, едят хлеб, выращенный своими руками...

— Ну, о молоке — это ты загнул, — перебил его Зуев.

— Но по идее-то так, — ответил Шувалов. — Откуда эти бугаи с апоплексическими лицами и глазами убийц? Они же не здоровые, они опухшие.

— Вон та вроде ничего, — кивнул Зуев в сторону прилавка. — В ватных штанах которая. Плечи узкие, бедра толстые, и волосы ничего... грязноватые малость.

— Ты уже сбрендил, — приглядевшись к фигуре у прилавка, сказал Шувалов. — Это мужик. Хипует.

В этот момент приглянувшаяся Зуеву селянка повернулась к друзьям лицом и выяснилось, что это действительно мужик.

— Фу, ну и рожа, — с отвращением проговорил Зуев и усмехнулся: — Молоко!

— Да они здесь все на одно лицо, — сказал Шувалов. — И бабы такие же. Лошади, а не бабы. С ними только вагоны с гирями разгружать.

— Ну, летом они, может, и ничего, — предположил Зуев, — без телогреек.

— Без телогреек, — вздохнул Шувалов и неожиданно поинтересовался: — Слушай, Саша, а ты-то почему женился? Ты что, без нее жить не мог? Или потому, что это у нас пока не запрещено?

— Отстань, — отмахнулся Зуев. Он уже порядочно захмелел, и попытка залезть к нему в душу напомнила о неприятностях, которые ожидали его дома.

— Ну, не жадничай, колись, — не унимался Шувалов. — Я никому не скажу, не бойся. Может быть, и сам во второй раз женюсь.

— Я уже засыпать начал, — капризно проговорил Зуев, — а ты с ерундой... — Он потер кулаком глаз и куда-то в воротник пробурчал: — Почему, почему. Да ну тебя к черту! Наливай давай. Великий вселенский запой продолжается.

И он действительно продолжался. Посетителей в пивной прибывало и прибывало, воздух густел и становился все менее прозрачным от табачного дыма. Соответственно все громче надо было говорить, чтобы тебя услышали, и все труднее было услышать, что тебе говорят. В конце концов, утомившись от постоянного необязательного напряжения, друзья задремали и проснулись уже в полдень. Разбудил их крик, на октаву ниже чем у чайки, но такой же резкий и противный:

— Закрываю! На обед закрываю. Давай, давай, выматывайтесь!

Шувалов открыл глаза, бестолково оглядел ограниченное стенами пространство, в котором как в тумане бродили какие-то черно-белые тени с большими прозрачными сосудами в руках. Сосуды эти были наполнены то ли медом, то ли ядом, но...

— Пивная, — вслух удивленно произнес Шувалов. Он окончательно проснулся, и то, что открылось ему после забытья, только расстроило его. Всего несколько секунд назад во сне он видел юную, удивительно милую девушку в длинном белом платье. Из всего сна Шувалов запомнил только платье и лицо, да осталось щемящее чувство тоски по всему ушедшему или не пришедшему, по упущенному или отобранному. В общем, по чему-то такому нематериальному и расплывчатому, как любовь к человечеству.

Обратный путь до станции оказался и короче и веселее. Облака разошлись над Тулеповым и седым венчиком легли на горизонт. Ветер и ноябрьское солнце слегка подсушили дорогу. А когда наши герои очутились на платформе, вдалеке показался пассажирский поезд.

— Если это московский, я поеду домой, — заявил Шувалов. — Ну тебя к черту с твоим Симферополем.

Зуев только удивленно посмотрел на друга и ничего не сказал.

2002

АЛЬБЕРТ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛИХАНОВ

(р. 1935)

Лиханов Альберт Анатольевич родился 13 сентября 1935 года в городе Кирове. В 1958 году окончил отделение журналистики филологического факультета Уральского государственного университета им. М. Горького (г. Свердловск).

Лиханов раскрывает проблемы становления характера и нравственного воспитания подростка в повестях «Звезды в сентябре» (1967), «Крутые горы» (1971), в трилогии «Семейные обстоятельства» (1970—1973), в повести «Высшая мера» (1982), в книге «Драматическая педагогика» (1983). А. А. Лиханов — председатель Российского фонда с 1991 года.

Это известный человек в мире науки: академик Российской академии образования (2001), академик Российской академии естественных наук (1993), почетный профессор Вятского государственного педагогического университета (1995), почетный доктор Белгородского государственного университета (2001), почетный доктор Тюменского государственного университета (2007), почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (2007).

Основными литературными произведениями писателя являются повести: «Чистые камушки», «Обман», «Лабиринт», трилогия «Семейные обстоятельства», «Благие намерения», «Голгофа», «Невинные тайны», «Высшая мера», «Паводок», «Никто», «Сломанная кукла». Роман в повестях «Русские мальчишки» и роман «Мужская школа» составляют дилогию о военных действиях. В 2005 году вышло в свет уникально изданное собрание сочинений Альберта Лиханова в виде библиотеки из 20 книг. Более 100 его книг вышли за рубежом. Семь произведений писателя экранизированы, три — инсценированы.

Награжден двумя медалями СССР, медалью К. Д. Ушинского, Н. К. Крупской, Л. Толстого, орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, грузинским «Орденом Чести», медалями Белоруссии и Армении.

Сфера научных интересов А. А. Лиханова — права ребенка, защита отечественного обездоленного детства. Основные публикации по данной

тематике: «Права ребенка», «Социальный портрет детства в России», «Охрана детей-сирот». Им изданы словарь-справочник «Детство», «Белая книга детства в России», «Недетские заботы Детского фонда», «Драматическая педагогика», «Письма в защиту детства», «Страна детства: диалоги», «Философия детства».

ЧИСТЫЕ КАМУШКИ

Часть первая

Такой длинный день

Михаська перемахнул через борт грузовика, и каблучки звонко цокнули об асфальт. Все! Лето позади, и скоро в школу.

— Ну ладно, — сказал ему Сашка, — до завтра!

Михаська тряхнул головой и хлопнул Сашку по плечу. Да, скоро в школу, немного осталось, каждый денек на вес золота. Вот завтра они и собрались порыбалить. Михаська представил, как стоят они, закатав штанины, по колено в воде и поплавки мельтешат, пляшут, сливаются с колеблющейся водой.

— Не опаздывай! — сказал Сашка. — Мух я наловлю...

Сашка побежал через дорогу. Михаська посмотрел ему вслед и улыбнулся: «Все-таки трудяга этот Сашка!» Даже в День Победы всем дела нашел. Михаська вспомнил, как это было. В тот день, когда все уже наорались, наговорились, натолкались на радостях, в класс пришла Юлия Николаевна, в шелковом платье с белым воротничком, с двумя орденами Ленина, и спросила, как они собираются отметить такой день.

Ребята запереглядывались, все даже растерялись немного — никто об этом не думал, все с ума прямо походили от счастья. И вдруг Сашка Свиридов сказал, что надо посадить деревья возле дороги, которая идет на Москву.

Когда они ехали сюда в эвакуацию, дорога была совсем голая, ни одного деревца.

Еще Сашка сказал, что деревья надо посадить до самой Москвы, но это он, конечно, загнул. Один их класс до Москвы деревья посадить не мог, для этого им надо было бы, наверное, сто лет сажать деревья.

Обидно, конечно: они посадили целую тысячу деревьев, но Михаська сам, собственными руками так ни одного и не посадил. Он копал ямы, а ставили туда саженцы и засыпали корни землей девчонки или те, кто послабее.

Михаська пошевелил лопатками: будто по спине кто ногами ходил. Накопался досыта. Ну да ладно... Зато завтра!.. Он снова представил поплавок, пляшущий на волнах.

Мимо ехала лошадь с сеном. Она шла понуриив голову, а на огромном возу, свесив босые ноги, сидела девчонка. Она смотрела по сторонам и совсем забыла про свою лошадь. Михаська подумал, что сегодня какой-то длинный день. Тащится, словно эта лошадь с сеном. И сколько в жизни вот таких дней!

Будто серые, пасмурные облака. Но все-таки бывают в жизни у человека дни, которые по пальцам можно пересчитать. Потому что они будто только что увиденное кино: помнятся от самого начала до самого конца и со всеми подробностями. Сколько бы человек ни жил потом — десять... двадцать, а может быть, и сто лет, — все равно такие дни он помнит так, как будто это было вчера.

Лично у Михаськи был пока что один такой день.

Конечно, каждому человеку хочется, чтобы такие дни, которые в памяти, как зарубки на дереве, помнились бы потому, что они с утра и до самого вечера состояли из одного только счастья.

Например, такой день мог бы начаться с того, что по дороге в школу Михаська нашел бы сотенную. Лежит себе этакый кусок бумаги, сложенный вчетверо, лежит, на людей смотрит. Ждет, кто его подберет. И вот идет Михаська и находит эту деньжищу — именно он, а не кто-нибудь. А потом бы вдруг отменили уроки; и, конечно, он кинулся бы на улицу Ленина, к магазину с высокими ступеньками.

Мама рассказывала, что раньше, при царе Николае Втором, когда она была совсем маленькой, в этом магазине торговал какой-то купец по фамилии Кардаков. Купца уже давно не было, да и магазина тут не было — его закрыли, когда началась война, и сделали в нем фабрику, где усталые женщины шили солдатское белье. Фабрика считалась оборонным объектом, но Михаська-то знал точно, что там шьют кальсоны. У Сашки Свиридова там мать работает. Но хотя шили в бывшем магазине купца Кардакова теперь кальсоны для солдат, здание это с крутыми каменными ступеньками и с перилами в виде железных лир все в городе называли по-старому, как при Николае Втором, — «кардаковским».

А нынешней весной «кардаковский» стал самым известным местом среди мальчишек и девчонок. Городской молокозавод освоил производство мороженого, и продавалось оно не где-нибудь, а у «кардаковского», под крутыми ступеньками с железными лирами в качестве перил.

Так вот, в свой самый счастливый день Михаська кинулся бы, конечно, с Сашкой к «кардаковскому» и купил бы сразу четыре порции мороженого, потому что на сто рублей как раз выходило ровно четыре порции. Он прошелся бы по улице от нечего делать, ну а потом можно было бы совершить какой-нибудь подвиг.

Скажем, вдруг солдаты бегут с автоматами за пустыней, а тот мчится с красным, злым лицом, без ремня, с пистолетом в руке, и все боятся к нему подступиться. А Михаська кинулся бы ему под ноги — не жалко и пальто, хотя оно еще почти новое, во втором классе по ордеру купили, — и дезертир бы хряпнулся на землю, и пистолет бы у него выпал, стукнулся о камень и выстрелил бы. И пуля бы пролетела над самым ухом Михаськи. И пусть бы даже ранило. Только чуть-чуть. Ну, за ухо бы зацепило. За самую мочку. Это совсем не больно. Михаська пробовал однажды сквозь мочку иголку пропускать.

Свирид где-то этот фокус разузнал.

Михаська вздохнул и оглянулся. Улица была пустая и пыльная. На плече он нес, как ружье, лопату черенком вниз. Михаська подтянул и без того тощий живот и стал печатать шаг, оттягивая носочки и взмахивая до пояса свободной рукой. Как отец на Параде Победы.

Конечно, отец не был на Параде Победы, он бы уж обязательно написал, если бы был, но все равно.

Эх, отец!.. Когда только он приедет?

Много солдат уже вернулось домой. Каждый вечер к московскому поезду шли женщины. Они ходили потому, что солдаты не любили давать телеграммы.

Они почему-то приезжали вдруг, неожиданно, как снег на голову. И женщины ходили к поезду посмотреть, не вернулся ли муж. Или отец. Или брат.

Михаська тоже ходил несколько раз. Но отец не приезжал. Только присылал треугольнички. Однажды он написал, что осенью, видимо, его отпустят и тогда они с Михаськой пойдут на охоту.

Вот здорово! На охоту!.. Михаська сразу решил, что обязательно попросит отца взять и Сашку, ему же не с кем ходить на охоту. И пойдут они с Сашкой по лесу — ружья наперевес.

Но до осени было еще далеко... А осень тоже длинная — когда он приедет?

Михаська вздохнул, подумав, что ему надо идти мимо «кардаковского», а значит, и мимо мороженого.

Что там мечтать о каком-то счастливом дне! Про отца ничего не известно, а сотенные разве валяются на дороге? Чуть, это можно только придумывать.

А у Михаськи, если уж говорить о дне, который запомнился навсегда, он был совсем другой.

1990

АНАТОЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ПРИСТАВКИН

(1931—2008)

Анатолий Игнатьевич Приставкин родился 17 октября 1931 года в г. Люберцы Московской области. Когда началась война, Приставкину шел десятый год. Отец ушел на фронт, а мать вскоре умерла от туберкулеза. Мальчик всю войну бродяжничал, оказывался в разных частях огромной страны — в Подмоскowie, Сибири, на Северном Кавказе. Трудиться начал с 12 лет. В 15 лет устроился работать на аэродром в Жуковском.

В 1952 году окончил Московский авиационный техникум, работал электриком, радистом. После службы в армии поступил в Литературный институт имени М. Горького (закончил в 1959 году), занимался в семинаре поэта Льва Ошанина.

В послевоенные годы Анатолий начал читать стихи с самодеятельной сцены, играть в любительских спектаклях, и это увлечение осталось на долгие годы. Тогда же ему захотелось самому попробовать силы в сочинительстве — он написал пьесу, потом пошел стихи. Сначала он читал их с эстрады, позже решил предложить для печати, и несколько стихотворений действительно опубликовали. В 1958 году напечатал цикл рассказов «Военное детство» в журнале «Юность», которые впоследствии были переведены на многие языки.

Вскоре Анатолий Приставкин едет на строительство Братской ГЭС и на долгие годы связывает свою судьбу и творчество с Сибирью. Работает в бригаде бетонщиков, одновременно являясь корреспондентом «Литературной газеты». В эти годы пишет документальные повести: «Мои современники (1959)», «Костры в тайге» (1964), роман «Голубка» (1967). Вернувшись в Москву, Приставкин продолжает «сибирскую» тему, пишет очерки о строительстве БАМа. За повесть «Ангара-река» ему присвоили премию Союза писателей СССР. В 1961 году становится членом Союза писателей СССР. В начале 80-х написал повесть «Ночевала тучка золотая», за которую был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР (1988). Повесть получила и мировое признание — в течение нескольких лет после выхода она была переведена более чем на 30 языков. Вслед за этим вышла не менее трагичная и страшная по своей обнаженной правде повесть «Кукушата», ставшая последней частью трилогии, включающей в себя повести «Солдат и мальчик» и «Ночевала тучка золотая». За повесть «Кукушата» в 1992 году писатель получил общегерманскую национальную премию.

В 1991 году возглавил совет независимого писательского движения «Апрель» при Московской писательской организации Союза писателей РСФСР. В то же время вошел в руководящий комитет международного

движения за отмену смертной казни «Руки прочь от Каина». Являлся секретарем Союза писателей РФ, членом Союза кинематографистов России. В 2002 году Анатолий Приставкин стал лауреатом международной премии имени А. Меня за вклад в развитие культурного сотрудничества между Россией и Германией в интересах мирного строительства Европейского дома.

Приставкин занимался большой общественной работой: в 1992—2001 годах возглавлял комиссию по вопросам помилования при президенте РФ, а затем до последнего времени являлся советником президента РФ, подготавливал аналитические, справочные, информационные материалы и рекомендации по вопросам принятия актов амнистии и помилования.

Последними работами писателя были повести «Судный день», «Первый день — последний день творенья», «Вагончик мой дальний». Анатолий Приставкин является автором около 30 книг.

А. И. Приставкин скончался 11 июля 2008 года в Москве. Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы.

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ

Посвящаю эту повесть всем ее друзьям, кто принял как свое личное это беспризорное дитя литературы и не дал ее автору впасть в отчаяние.

1

Это слово возникло само по себе, как рождается в поле ветер. Возникло, прошелестело, пронеслось по ближним и дальним закоулкам детдома: «Кавказ! Кавказ!» Что за Кавказ? Откуда он взялся? Право, никто не мог бы толком объяснить.

Да и что за странная фантазия в грязненьком Подмоскowie говорить о каком-то Кавказе, о котором лишь по школьным чтениям вслух (учебников-то не было!) известно детдомовской шантрапе, что он существует, верней, существовал в какие-то отдаленные непонятные времена, когда палил во врагов чернородый, взбалмошный горец Хаджи Мурат, когда предводитель мюридов имам Шамиль оборонялся в осажденной крепости, а русские солдаты Жилин и Костылин томились в глубокой яме.

Был еще Печорин, из лишних людей, тоже ездил по Кавказу.

Да вот еще папиросы! Один из Кузьменышей их углядел у раненого подполковника из санитарного поезда, застрывшего на станции в Томилине.

На фоне изломанных белоснежных гор скачет, скачет в черной бурке всадник на диком коне. Да нет, не скачет, а летит по воздуху. А под ним неровным, угловатым шрифтом — название: «КАЗБЕК».

Усатый подполковник с перевязанной головой, молодой красавец, поглядывал на прехорошенькую медсестричку, выскочившую посмотреть станцию, и постукивал многозначительно ногтем по картонной крышечке папирос, не заметив, что рядом, открыв от изумления рот и затаив дыхание, воззрился на драгоценную коробочку маленький оборвыш Колька.

Искал корочку хлебную, от раненых, чтобы подобрать, а увидел: «КАЗБЕК»!

Ну а при чем тут Кавказ? Слух о нем?

Вовсе ни при чем.

И непонятно, как родилось это остроконечное, сверкнувшее блестящей ледяной гранью словцо там, где ему невозможно родиться: среди детдомовских будней, холодных, без дровинки, вечно голодных. Вся напряженная жизнь ребят складывалась вокруг мерзлой картофелинки, картофельных очистков и, как верха желания и мечты, — корочки хлеба, чтобы просуществовать, чтобы выжить один только лишний военный день.

Самой заветной, да и несбыточной мечтой любого из них было хоть раз проникнуть в святая святых детдома: в ХЛЕБОРЕЗКУ, — вот так и выделим шрифтом, ибо это стояло перед глазами детей выше и недостижимей, чем какой-то там КАЗБЕК!

А назначали туда, как Господь Бог назначал бы, скажем, в рай! Самых избранных, самых удачливых, а можно определить и так: счастливейших на земле!

В их число Кузьменыши не входили.

И не было в мыслях, что доведется войти. Это был удел блатяг, тех из них, кто, сбежав от милиции, царствовал в этот период в детдоме, а то и во всем поселке.

Проникнуть в хлеборезку, но не как те, избранные, — хозяевами, а мышкой, на секундочку, мгновеньице, вот о чем мечталось! Глазком, чтобы наяву поглядеть на все пре- великое богатство мира в виде нагроможденных на столе корявых буханок.

И — вдохнуть, не грудью, животом вдохнуть опьяняю- щий, дурманящий хлебный запах...

И все. Все!

Ни о каких там крошечках, которые не могут не оста- ваться после сваленных, после хрупко трещащих шерша- выми боками бухариков, не мечталось.

Пусть их соберут, пусть наслаются избранные! Это по праву принадлежит им!

Но как ни притирайся к обитым железом дверям хлебо- резки, это не могло заменить той фантазмагорической кар- тины, которая возникала в головах братьев Кузьминых, — запах через железо не проникал.

Проскочить же законным путем за эту дверь им и вовсе не светило. Это было из области отвлеченной фантастики, братья же были реалисты. Хотя конкретная мечта им не была чужда.

И вот до чего эта мечта зимой сорок четвертого года до- вела Кольку и Сашку: проникнуть в хлеборезку, в царство хлеба любым путем... Любым.

В эти, особенно тоскливые, месяцы, когда мерзлой картофелины добыть невозможно, не то что крошки хлеба, ходить мимо домика, мимо железных дверей не было сил. Ходить и знать, почти картинно представлять, как там, за серыми стенами, за грязненьким, но тоже зарешеченным окном вороват избранные, с ножом и весами. И кромсают, и режут, и мнут отвалистый сыроватый хлебушек, ссыпая теплые солоноватые крошки горстью в рот, а жирные от- ломки приберегая пахану.

Слюна накипала во рту. Схватывало живот. В голове мутнело. Хотелось завывать, закричать и бить, бить в ту железную дверь, чтобы отперли, открыли, чтобы поняли, наконец; мы ведь тоже хотим! Пусть потом в карцер, куда угодно... Накажут, избыют, убьют... Но пусть сперва покажут, хоть от дверей, как он, хлеб, грудой, горой, Казбеком возвышается на искромсанном ножами столе... Как он пахнет!

Вот тогда и жить снова станет возможным. Тогда вера будет. Раз хлебушко горой лежит, значит, мир существует... И можно терпеть, и молчать, и жить дальше.

От маленькой же паечки, даже с добавком, приколотым к ней щепкой, голод не убывал. Он становился сильнее.

Однажды глупая учительница стала читать вслух отрывок из Толстого, а там стареющий Кутузов во время войны ест цыпленка, с неохотой ест, чуть ли не с отвращением разжевывая жесткое крылышко...

Ребятам такая сцена показалась уж очень фантастической! Напридумывают тоже! Крылышко не пошло! Да они бы тотчас за косточку обглоданную от того крылышка побежали бегом куда угодно! После такого громкого чтения вслух еще больше животы скрутило, и они навсегда потеряли веру в писателей; если у них цыпленка не жрут, значит, писатели сами зажрались!

С тех пор как прогнали главного детдомовского урку Сыча, много разных крупных и мелких блатяг прошло через Томилино, через детдом, свивая вдаль от родимой милиции тут на зиму свою полумалину.

В неизменности оставалось одно: сильные пожирали все, оставляя слабым крохи, мечты о крохах, забирая мелкосню в надежные сети рабства.

За корочку попадали в рабство на месяц, на два.

Передняя корочка, та, что поджаристей, черней, толще, слаще, — стояла двух месяцев, на буханке она была бы верхней, да ведь речь идет о пайке, крохотном кусочке, что глядится плашмя прозрачным листиком на столе; задняя побледней, победней, потоньше — месяца рабства.

А кто не помнил, что Васька Сморок, ровесник Кузьменьшей, тоже лет одиннадцати, до приезда родственника-солдата как-то за заднюю корочку прислуживал полгода. Отдавал все съестное, а питался почками с деревьев, чтобы не загнуться совсем.

Кузьменьши в тяжкие времена тоже продавались. Но продавались всегда вдвоем.

Если бы, конечно, сложить двух Кузьменьшей в одного человека, то не было бы во всем Томилинском детдоме им равных по возрасту, да и, возможно, по силе.

Но знали Кузьменьши и так свое преимущество.

В четыре руки тащить легче, чем в две; в четыре ноги удирать быстрее. А уж четыре глаза куда вострей видят, когда надо ухватить, где что плохо лежит!

Пока два глаза заняты делом, другие два сторожат за обоих. Да успевают еще следить, чтобы у самого не тяпнули бы чего, одежду, матрац исподнизу, когда спишь да видишь свои картинки из жизни хлебoreзки! Говорили же: чего, мол, хлебoreзку разъявил, если у тебя у самого потянули!

А уж комбинаций всяких из двух Кузьменьшей не счесть! Попался, скажем, кто-то из них на рынке, тащат в кутузку. Один из братьев ноет, вопит, на жалость бьет, а другой отвлекает. Глядишь, пока обернулись на второго, первый — шмыг, и нет его. И второй следом! Оба брата, как вьюны, верткие, скользкие, раз упустил, в руки обратно уже не возьмешь.

Глаза увидят, руки захвапют, ноги унесут...

Но ведь где-то, в каком-то котелке все это должно заранее свариться...

Без надежного плана: как, где и что стырить, — трудно прожить!

Две головы Кузьменьшей варили по-разному.

Сашка как человек миросозерцательный, спокойный, тихий извлекал из себя идеи. Как, каким образом они возникали в нем, он и сам не знал.

Колька, оборотистый, хваткий, практичный, со скоростью молнии соображал, как эти идеи воплотить в жизнь. Извлечь, то бишь, доход. А что еще точнее: взять жратье.

Если бы Сашка, к примеру, произнес, почесывая белобрысую макушку, а не слетать ли им, скажем, на Луну, там жмыху полно, Колька не сказал бы сразу: «Нет». Он сперва обмозговал бы это дельце с Луной, на каком дирижабле туда слетать, а потом бы спросил: «А зачем? Можно спереть и поближе...» Но, бывало, Сашка мечтательно посмотрит на Кольку, а тот, как радио, выловит в эфире Сашкину мысль. И тут же скумекает, как ее осуществить.

Золотая у Сашки башка, не башка, а Дворец Советов! Видели братья такой на картинке. Всякие там американские небоскребы в сто этажей ниже под рукой стелются. Мы-то самые первые, самые высокие!

А Кузьменьши первые в другом. Они первые поняли, как прожить им зиму сорок четвертого года и не околеть.

Когда революцию в Питере делали, небось, кроме почты и телеграфа, да вокзала, и хлеборезку не забыли приступом взять!

Шли мимо хлеборезки братья, не первый раз, кстати. Но уж больно невтерпез в этот день было! Хотя такие прогулки свои мученья добавляли.

«Ох, как жрать-то охота... Хоть дверь грызи! Хоть землю мерзлую под порогом ешь!» — так вслух произнеслось. Сашка произнес, и вдруг его осенило.

Зачем ее есть, если... Если ее... Да, да! Вот именно! Если ее копать надо!

Копать! Ну, конечно, копать!

Он не сказал, он лишь посмотрел на Кольку. А тот в мгновение принял сигнал, и, вертанув головой, все оценил, и прокрутил варианты. Но опять же ничего не произнес вслух, только глаза хищно блеснули.

Кто испытал, тот поверит: нет на свете изобретательней и нацеленней человека, чем голодный человек, тем паче, если он детдомовец, отрастивший за войну мозги на том, где и что достать.

Не молвив ни слова (кругом живоглоты, услышат, разнесут, и кранты тогда любой, самой гениальной Сашкиной идее), братья направились напрямиком к ближайшему сарайчику, отстоящему от детдома метров на сто, а от хлеборезки метров на двадцать. Сарайчик находился у хлеборезки как раз за спиной.

В сарае братья огляделись. Одновременно посмотрели в самый дальний угол, где за железным никчемным ломом, за битым кирпичом находилась заначка Васьки Сморчка. В бытность, когда хранились дрова, никто не знал, лишь Кузьменыши знали: тут прятался солдат дядя Андрей, у которого оружие стянули.

Сашка спросил шепотом:

— А не далеко?

— А откуда ближе? — в свою очередь спросил Колька.

Оба понимали, что ближе неоткуда. Сломать замок куда проще. Меньше труда, меньше времени надо. Сил-то оставались крохи. Но было уже, пытались сбивать замок с хлеборезки, не одним Кузьменьшам приходила такая светлая отгадка в голову! И дирекция повесила на дверях замок амбарный! Полпуда весом!

Его разве что гранатой сорвать можно. Впереди танка повесь — ни один вражеский снаряд тот танк не прошибет.

Окошко же после того неудачного случая зарешетили да такой толстенный прут приварили, что его ни зубилом, ни ломом не взять — автогеном если только!

И насчет автогена Колька соображал, он карбид приметил в одном месте.

Да ведь не подтащишь, не зажжешь, глаз кругом много.

Только под землей чужих глаз нет! Другой же вариант — совсем отказаться от хлеборезки — Кузьменьшей никак не устраивал.

Ни магазин, ни рынок, ни тем более частные дома не годились сейчас для добычи съестного. Хотя такие варианты носились роем в голове Сашки. Беда, что Колька не видел путей их реального воплощения.

В магазинчике сторож всю ночь, злой старикашка. Не пьет, не спит, ему дня хватает. Не сторож — собака на сене.

В домах же вокруг, которых не счесть, беженцев полно. А жрать как раз наоборот. Сами смотрят, где бы что урвать.

Был у Кузьменьшей на примете домик, так его в бытность Сыча старшие почистили.

Правда, стянули невесть чего: тряпки да швейную машинку. Ее долго потом крутила по очереди вот тут, в сарае, шантрапа, пока не отлетела ручка да и все остальное не рассыпалось по частям.

Не о машинке речь. О хлеборезке. Где не весы, не гири, а лишь хлеб — он один заставлял яростно в две головы работать братьев.

И выходило: «В наше время все дороги ведут к хлеборезке».

Крепость, не хлеборезка. Так известно же, что нет таких крепостей, то есть хлеборезок, которые бы не мог взять голодный детдомовец.

В глухую пору зимы, когда вся шпана, отчаявшись подобрать на станции или на рынке хоть что-нибудь съестное, стыла вокруг печей, притираясь к ним задницей, спиной, затылком, впитывая доли градусов и вроде бы согреваясь — известь была вытерта до кирпича, — Кузьменьши приступили к реализации своего невероятного плана, в этой невероятности и таился залог успеха.

От дальней зачатки в сарае они начали вскрышные работы, как определил бы опытный строитель, при помощи кривого лома и фанерки.

Вцепившись в лом (вот они — четыре руки!), они поднимали его и опускали с тупым звуком на мерзлую землю. Первые сантиметры были самыми тяжелыми.

Земля гудела.

На фанерке они относили ее в противоположный угол сарая, пока там не образовалась целая горка.

Целый день, такой пуржистый, что снег наискось несло, залепляя глаза, оттаскивали Кузьменьши землю подалее в лес. В карманы клали, за пазуху, не в руках же

нести. Пока не догадались: сумку холщовую от школы приспособить.

В школу ходили теперь по очереди и копали по очереди: один день долбил Колька и один день — Сашка.

Тот, кому подходила очередь учиться, два урока отсиживал за себя (Кузьмин? Это какой Кузьмин пришел? Николай? А где же второй, где Александр?), а потом выдавал себя за своего брата. Получалось, что оба были хотя бы наполовину. Ну, а полного посещения никто с них и не требовал! Жирно хотите жить! Главное, чтобы в детдоме без обеда не оставили!

А вот обед там или ужин, тут по очереди не дадут съесть, схавают моментально шакалы и следа не оставят. Тут уж они бросали копать и вдвоем в столовку как на приступ шли.

Никто не спросит, никто не поинтересуется: Сашка шакает или Колька. Тут они едины: Кузьменьши. Если вдруг один, то вроде бы половинка. Но поодиночке их видели редко, да можно сказать, что совсем не видели!

Вместе ходят, вместе едят, вместе спать ложатся.

А если бить, то бьют обоих, начиная с того, кто в эту нескладную минуту раньше попадет.

1981

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Детская поэзия — зеркало духовного состояния общества и часть нашей культуры. Делая детей соавторами, поэт черпает идеи и сюжеты для себя, а читателя обогащает новыми знаниями и понятиями о родном языке (М. Яснов, В. Лунин, Т. Собакин).

Современная детская поэзия многообразна по жанрам, стилевым направлениям, тематике. Одни и те же поэты создают произведения в разных жанрах (М. Яснов, М. Бородицкая, Н. Матвеева, И. Резник и др.). Детская поэзия представлена разными поэтическими направлениями. В основном это игровые (Э. Успенский, О. Григорьев, Т. Собакин, М. Яснов, В. Орлов, А. Усачев, В. Лунин) и лиро-эпические стихи (М. Бородицкая, Н. Матвеева, Т. Белозеров, Н. Рубцов, М. Плещинский).

«И сделать вновь поэзию игрой» — такова эстетическая позиция и оценка поэтами игровой поэзии, которая «впитала» в себя обэриутские традиции развлекательных, беззаботно-веселых, безназидательных стихов, обращенных к интеллекту и фантазии ребенка. В основе их творчества — жанры народной детской поэзии: считалки, скороговорки, небылицы, игровые припевки, перевертыши. Новыми являются средства выразительности: рифма, ритм, сравнения. Поэты общаются таким образом с ребенком на равных. Событие и игра со словом не формальная, а педагогически оправданная, развивающая различные представления о вещах у ребят. Игровая поэзия включает ребенка в игру с рифмой, словом, ритмом, арифметическим счетом. Иногда такие стихи напоминают пародию или анекдот. Идеальный смысл стихотворений — пробиться к свету идеала, по-детски чистого и несокрушимого (Г. Остер, Э. Успенский, А. Усачев, О. Григорьев).

Главный герой в игровых стихах — часто двоечник, хулиган, неудачник. Поэты мастерски обыгрывают штампы, стереотипы поведения и мышления. Так возникают сатирические стихи. Включить ребенка в игру, рассмешить, оживить мир привычных вещей — цель таких произведений.

Есть и другие задачи у детских поэтов современности: воспитать способность видеть чудесное, необыкновенное вокруг себя, в природе, повернуть знакомое таким образом, чтобы оно светилось новым светом. Это находит отражение в лиро-эпической поэзии с элементами романтики.

Такие стихи удивляют нас многообразием и неожиданностью рифмовки, требуют от читателя работы ума и сердца. Таковыми являются благородные, рыцарские стихи М. Бородицкой, проникающие в глубь души и вызывающие возвышенные чувства. Лирический герой такой поэзии романтичен, любознателен, как маленький кораблик Н. Матвеевой, который еще не побывал в «штормах» жизни.

Четкость и ясность мысли, графичность, необычность метафор (муравейник как «закипающий кофейник») — все это свойственно многогранной лиро-эпической поэзии. Сохранились в современной детской поэзии народно-поэтические черты: напевность, размер стиха, повествовательная интонация. Это прослеживается в творчестве Н. Рубцова, Н. Матвеевой, И. Резника. Т. Белозерова, но каждый выразил свое понимание привычного. Так, Н. Рубцов внес элемент «поэтического анимализма», где нет превосходства человека над «братьями меньшими»: все равны в этом мире. Стихи учат сопереживать горю медведя, «бедному зайцу», «ласточке родной», галчихе, потерявшей галчонка.

Таким образом, современная детская поэзия, опираясь на известные традиции, учит ребенка находить и ценить красоту во всем, что окружает человека, пробуждает у детей «чувства добрые», развивает интеллект и фантазию.

МАРИНА ЯКОВЛЕВНА БОРОДИЦКАЯ

(р. 1954)

Марина Бородицкая — переводчик, поэт. Родилась 26 августа 1954 года в Москве. Окончила Московский институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Автор 3 лирических сборников, 12 книг стихов для детей, книги сказок и многочисленных переводов. Печаталась в журналах «Новый мир», «Арион» и др. Ведет радиопередачу «Литературная аптека». Преподает английский язык в МГУ.

Среди переводов М. Я. Бородицкой поэма Дж. Чосера «Троил и Кресида», поэзия Р. Кипплинга, А. Милна, Дж. Донна, Т. Кэрью, Р. Бернса, Л. Кэролла и др. Она является обладателем диплома Британского Совета за двухтомник А. Гарнера (1997).

СТИРКА

Мам! Надоело мне играть
Без дела, просто так.
Дай мне немножко постирать,
А ты пока приляг.

Вот пена пышная дрожит,
Как теплый снег, в тазу!
А под сугробом кто лежит?
Кто спрятался внизу?

Колготки, платье... что? змея?!!
Нет, это поясок.
Ух, сколько всякого белья!
Носок, еще носок.

И мну, и тру, и колочу:
Сгинь, пропади, пятно!
И так, и сяк кручу-верчу.
Привет! Опять оно!

Открою кран. Большой струи
Веселый шум и бег:
Весна, прозрачные ручьи
Смывают грязный снег.

Какая вышла красота!
Вот все развешу в ряд —
И не надену никогда,
Чтобы не пачкать зря!

1985

ПРО ПЕТРОВА

Я сидел, писал крючки —
А Петров играл в снежки.
На уроки я бежал —
А Петров еще лежал.
Я в метро бросал пятак —
А Петров проехал так.
Потому что мне семь лет!
А Петрову — еще нет.

1985

КОТЕНОК

Котенок был такой прекрасный!
Котенок был такой несчастный!
На лапках он едва стоял
И так смотрел, и так дрожал
От мягких ушек до хвоста...
Он был, конечно, сирота.
Он мне мяукнул: «Выручай!»
Сказала мама: «Не мечтай».
Он промяукал мне: «Спаси!»
Сказала мама: «Не проси».
Он всхлипнул, заморгал глазами
И перелез на туфлю к маме.
Вздыхнула мама: «Как тут быть?»
Я закричал: «Усыновить!»

1988

ЛЕСНОЕ БОЛОТЦЕ

Лужица!
Скажи на милость,
Как в ней столько

Уместилось?
Головастиков три штучки.
Небо,
Половина тучки,
Ветка ивы,
Птица зяблик,
И корявый
Мой кораблик!

1989

ОТКРЫТИЕ

Вынул соску любимую брат изо рта —
И дает мне: попробуй, мол, вот вкуснота!..
Сам еще не встает, не садится —
А уже научился делиться!

1989

В ГОСТЯХ У ЛЕСНИКА

Здесь опускаются птицы
в наш огород,
Здесь поднимается небо
прямо с земли.
Если бы только мы жили здесь
круглый год —
Медленней бы говорили,
быстрее росли.
Здесь деловитый ежик
пыхтит в углу,
Старый колодезь цепочкою
стук да бряк...
Глянешь в окошко —
прижмется луна к стеклу,

Двери откроешь —
и солнце стоит в дверях!

1989

ХУДОЖНИК

Художник, смотрите, художник!
Пришел и сидит на пеньке.
При нем голенастый треножник
И кисточка в правой руке.

За ним — гаражи и помойка,
А прямо — огромный закат,
Два стройных жирафа на стройке
Как черные тени стоят...

Художник, смотрите, художник!
Сидит посреди пустыря...
Зачем-то сорвал подорожник,
Задумался — видно, не зря!

И кто-то в квартире двухсотой
Соседу в окно помахал:
«У нас тут такие красоты —
Художники ходят, слыхал?»

1989

ОРЕХОВЫЙ ГНОМ

В орехе одном,
В орехе лесном
Вчера поселился
Ореховый гном.
В ореховый домик
Он скрылся от всех,

Но ветку пригнули,
Сорвали орех.
И вот он плывет
В лукошке моем:
Качается дом,
Кувыркается гном.
Гадает — куда принесут?
Съедят или впрок запасут?

1990

НА СТАРОМ МЕСТЕ

Я лег на теплый бережок
В излучине речной,
И надо мной, как стрекоза,
Повис прозрачный зной...
И шмель жужжал, и я лежал,
И все соображал:
«Неужто правда я зимой
На лыжах тут съезжал?»

1990

ФЕИ

Я зеркальце ручное
Оставила в саду,
Чтоб феи под луною
Катались, как на льду.

... На зеркальце
Хвоинки да сучки.
Лентяйки! Накатались —
И бросили коньки.

1990

БУЛОЧНАЯ ПЕСЕНКА

Были два приятеля:
Бублик и батон.
Ждали покупателя
Бублик и Батон.

Бублику понравился
Школьник в колпачке,
А Батону — бабушка
В бежевом платке.

Бублик в конце бухнулся
И понесся вскачь,

А Батон тихонечко
В сетке кач да кач...

Бублик познакомился
С горкой ледяной,
С четырьмя мальчишками,
С девочкой одной.

А Батон — с кастрюльками,
С теплым молоком,
С бородатым дедушкой,
С рыженьким щенком.

1990

РЫБКИН ТЕЛЕВИЗОР

Пруд замерз. Каток открыт!
Вальс гремит. Фонарь горит.
Подо льдом вздыхает рыбка
И подругам говорит:

«Поздний час, пора в кровать,
Я детей устала звать,
От фигурного катанья
Их никак не оторвать!»

1990

ВОТ ТАКОЙ ВОРОБЕЙ

Уселся воробышек
Рядом со мной.
— Не трусишь? — спросил я. —
Ты что же, ручной?

— Я дикий! — сказал он,
Взлетев на скамью. —
Бросай бутерброд,
А не то заклюю!

1990

ПЕРЕЛЕТНЫЙ ШТУКАТУР

Перелетный штукатур
Не боится верхотур:
Прилетает к нам весной
В старой люльке подвесной.

1991

ЕГОР

Все кричат Егорке:
— Скатывайся с горки!
— Да уж больно высока,
Не отбить бы мне бока!

1991

ЩИ-ТАЛОЧКА

Чищу овощи для щей.
Сколько нужно овощей?

Три картошки, три морковки,
Луку полторы головки,

Да петрушки корешок,
Да капустный кочешок.

Потеснись-ка ты, капуста,
От тебя в кастрюле густо!

Раз-два-три, огонь зажжен —
Кочерыжка, выйди вон!

1991

В ШКОЛУ

Темно. Декабрь. Семь утра.
Кричит будильник: «Эй! Пора!»

... Декабрьским утром, в семь часов,
Я дверь закрою на засов,

Чтоб в этот час, почти ночной,
Мой сон побыл еще со мной.

Я сон подушкой придавлю:
Я так, я так его люблю!

Запрусь, закроюсь — не найдут,
Сожмусь, зарююсь — обойдут,

Хоть ты тут разорвись, звоня,
Хоть мир обрушья — нет меня!!!

... Но через час, как через год,
Я выбегаю из ворот:

Мне этот день уже знаком,
Он у меня под каблуком.

Морозным голосом поет
И стелет быстрый, длинный лед, —

И я скольжу, и я скачу,
И этот день прожить хочу!

1991

КОЛДУНЬЕ НЕ КОЛДУЕТСЯ

Сидит колдунья, дуется
На целый белый свет:
Колдунье не колдуется:
И вдохновенья нет.

Наколдовала к завтраку
Из Африки банан,
А появился — здрастье вам! —
Из Арктики буран.

Наколдовала к ужину
В стаканчике пломбир,
Но убедилась с ужасом:
В стаканчике — кефир!

Ну что за невезение,
Ну что за наказание —
И даже вместо пения
Выходит рисование,

И даже вместо курицы
Выходит пистолет...
Сидит колдунья, дуется
На целый белый свет.

А может быть, кто дуется —
Тому и не колдуется?

1991

* * *

Двенадцатилистовая тетрадь
Еще лишь начата, и все возможно:
Случится ли страничку измарать —
Ты скрепы отгибаете осторожно
И грязь — долой. Затем листок двойной
Вставляешь из тетрадки запасной
И пишешь вновь. Учитель не заметит.
Ай, молодец! Тебе пятерка светит.

И так — до середины. А уж там —
Все набело, и строгий счет листам.

1991

НА ПОСТУ

На посту, в краю пустынном,
Мерзну с верным карабином
В кем-то выданном пальто.
Я чего-то сочиняю
И, наверно, охраняю
Что-то нужное — но что?

Тут кругом глухая местность,
Где-то верная словесность
Мчит в грядущей мгле ночной.
Ты ль, небесный разводящий,
Посмеялся надо мной?

Не сменили, не убили,
Может, просто позабыли
И не взяли даже слова,
Как с мальчишки в том саду.
Видно, знали: не уйду.

1992

* * *

Вот и брошены через плечо
Гребешок и нашейный платочек:
Гребешок, приземляясь на бочок,
Чашей встал, где и зверь не проскочит.

А платок расстелился и лег
Снежным полем, сплошной целиною,
Чтобы даже конек-горбунок
Не сумел бы угнаться за мною.

Вот и зеркальце брошено вслед —
И раскинулось море широко:
Ни скалы в нем, ни острова нет,
Даже птица устанет до срока.

... Надо опытным стать беглецом,
Чтоб, еще не достигнув предела,
Обернуться к погоне лицом
И спросить — в чем же, собственно, дело.

1992

ВЕТЕР

Ветер, верный спутник дней ненастных,
Мечется вдоль улиц взад-вперед,
Ребятишек в куртках желтых, красных,
Как листву осеннюю, несет!

Вот он у порога в кучку смел их,
В дверь загнал — и переводит дух:
В городе — порядок, дети — в школах,
Можно и вздремнуть часов до двух.

1992

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ОТРАЩИВАНИЮ ДЛИННЫХ ВОЛОС

Эх, мальчишкам не понять,
Что за наслажденье —
Косы длинные растить
Чуть ли не с рожденья!

Косы холить и беречь,
Пестовать — трудиться
Крупнозубым гребешком,
Дождевой водицей.

Детским мылом промывать
Или земляничным,
То настоем диких трав,
То желтком яичным.

Ах, как сладко поутру,
Сидя на постели,
Туго-туго их плести
Или еле-еле,

Чтобы этаким торчком
Встали над плечами
Или плавным ручейком
По спине журчали...

Как приятно выбирать
Шелковые ленты
И от бабушек чужих
Слушать комплименты!

Нет, мальчишкам не понять
Счастья непростого —
Косы длинные носить
Класса до шестого,

А потом пойти, занять
Очередь на стрижку
И решительно сказать:
«Режьте под мальчишку!»

1992

ГОРОЖАНЕ

Где-то солнце встает из-за гор,
Где-то солнце встает из-за моря,
Наше солнце встает по утрам
Из-за крыши соседнего дома.

Длинным пальцем в окно погрозит:
«Эй вы там! Где вы там, горожане?
Днем проглянешь — вы небо коптите,
Утром встанешь — вы спите да спите...»

Где-то солнце садится за лес,
Где-то солнце садится за горы,
Наше солнышко ловко съезжает
Вниз по крыше соседнего дома.

Ноги свесит, присядет на край:
«Эй вы там, горожане! До завтра!»
Нас не балует солнце, но любит:
Пристрожит — а потом приголубит.

1992

* * *

Обернуты книги,
Готовы закладки,
Бумагою гладкой
Сияют тетрадки.

Вот новенький ранец
С защелкой тугою:
Его никогда
Не ударят ногою,

В них будут отныне
Писать аккуратно —
Прощайте навеки,
Помарки и пятна!

На нем ни за что
Не прокатятся с горки,
В нем станут селиться
Сплошные пятерки!

Простой карандаш,
Карандаш красно-синий
И три запасных —
Так и будет отныне.

А утро начнется
С холодного душа;
На завтрак завернута
Желтая груша,

Взамен деревянной
Линейки невзрачной
Вчера еще куплен
Угольник прозрачный.

И вкус ее сладок,
И вид ее ярок,
Как свет новой жизни
Без клякс и помарок!

1992

* * *

Как быстро сумерки пришли!
Во всех квартирах свет зажгли,
И разноцветные квадраты
Легли на снег сиреневатый.
Хожу с квадрата на квадрат,
Из света в свет, за рядом ряд,
На черточки не наступаю,
Из дома в дом переступаю:
Я обхожу микрорайон,
Как доктор или почтальон...
Нет! Я гроссмейстер над доскою:
Скачу конем! Скольжу ладьею!
... Никак домой не попаду.
Ключи посеял. Маму жду.

1992

НОВЕЛЛА НИКОЛАЕВНА МАТВЕЕВА (р. 1934)

Новелла Матвеева родилась 7 октября 1934 года в Царском Селе (ныне — город Пушкин) Ленинградской области. Отец Матвеев-Бодрый Николай Николаевич был историком-краеведом Дальнего Востока, действительным членом Всесоюзного географического общества. Мать Матвеева-Орленева Надежда Тимофеевна — поэтесса. Супруг Киуру Иван Семенович (1934—1992) — поэт. С 1950 по 1957 годы Новелла Матвеева работала в детском доме в Щелковском районе Московской области.

Писать она стала под влиянием матери. Именно из ее уст, в ее удивительной декламации впервые Новелла услышала стихи Пушкина. Свои первые стихотворения Новелла Матвеева сочинила еще ребенком, во время войны. Это было в Монинском госпитале, где она лечилась от острого авитаминоза, подействовавшего ей на глаза. В детстве же пыталась сочинять музыку на свои стихи, а также на стихи А. Гладкова, В. Агнивцева, У. Шекспира, М. Лермонтова, А. Фета.

Первой ее публикацией в 1957 году стала пародия на песенку «Пять минут» из кинофильма «Карнавальная ночь». Вскоре последовали

публикации стихов в газете «Советская Чукотка» (1958) и журнале «Енисей». С 1959 года ее стихи стали регулярно печататься в центральных газетах и журналах. В продвижении первых больших подборок стихов Новелле Матвеевой помогли поэты Игорь Грудев и Давид Кутультинов, а также работники ЦК комсомола Виктор Бушин и Лен Карпинский.

У Новеллы Матвеевой счастливая творческая судьба. Ее вовремя заметили и сразу полюбили. Ее песни, зазвучавшие на любительских магнитофонах, довольно быстро воплотились в пластинку «Песни» (М.: Мелодия, 1966). То была первая бардовская пластинка в Советском Союзе, впоследствии неоднократно выпускавшаяся, но так и оставшаяся раритетом.

С 1972 года Новелла Матвеева стала сочинять песни также и на стихи поэта Ивана Киуру. Наиболее известными и популярными песнями Новеллы Матвеевой стали: «Песня погонщика мула» («Ах, как долго, долго едем...»), «Ветер» («Какой большой ветер...»), «Водосточные трубы» («Дождь, дождь вечерний...»), «Девушка из харчевни» («Любви моей ты боялся зря...»), «Окраина» («Летняя ночь была...»), «Капитаны без усов» («Вот передо мною море голубое...»), «Страна Дельфиния» («Набегают волны синие...»), «Фокусник» («Ах ты, фокусник...»), «Цыганка» («Развеселые цыгане по Молдавии гуляли...»), «Шарманщик» («На землю падал снег...») и др. В 1962 году Новелла Матвеева окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького и стала профессиональным литератором. В 1961 году ее приняли в Союз писателей СССР.

Всего ее перу принадлежит более 30 книг стихов, прозы и переводов. Среди них: «Лирика» (1961), «Кораблик» (1963), «Душа вещей» (1966), «Солнечный зайчик» (1966), «Ласточкина школа» (1973), «Река» (1978), «Закон песен» (1983), «Страна прибой» (1983), «Кроличья деревня» (1984), «Избранное» (1986), «Хвала работе» (1987), «Нерасторжимый круг» (1991), «Мелодия для гитары» (1998), «Кассета снов» (1998), «Сонеты» (1998), «Караван» (2000), «Жасмин» (2001).

Как автор-исполнитель Н. Матвеева записала большое количество пластинок. В 1984 году в Центральном детском театре в Москве была поставлена пьеса Н. Матвеевой «Предсказание Эглы» — свободная фантазия по мотивам А. Грина, содержащая 33 ее авторские песни.

Перу Новеллы Матвеевой принадлежат сотни публикаций в периодической печати. Ее творчеству посвящено более сотни статей известных поэтов, литераторов, критиков и литературоведов. Среди их авторов Е. Евтушенко, Л. Аннинский, Е. Винокуров, В. Огнев, З. Паперный, В. Лакшин, С. Маршак, С. Чупринин, Г. Красников, Б. Окуджава, Е. Камбурова, Д. Гранин, Я. Смеляков, В. Цыбин, Б. Слуцкий, В. Берестов, А. Урбан, Ю. Смелков и др.

В 1998 году Н. Н. Матвеева удостоена звания лауреата Пушкинской премии в области поэзии. Живет и работает в Москве.

КОРАБЛИК

Жил кораблик веселый и стройный.
Над волнами, как сокол, парил.
Сам себя, говорят, он построил.
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб, и в металл.
Сам повел себя в рейс —
Сам свой лоцман,

Сам свой боцман,
Матрос,
Капитан.

Шел кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего.
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его...

Шел кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,
Все ли страны в цвету,
Все ль на месте —
Все записывал, все проверял.

Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку
И опять побегут кто куда.

Шел кораблик, о чем-то мечтал,
Все, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы сам —

Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Матрос,
Капитан.

1963

ПУТАНИЦА

Вот бутон.
А вот — батон.
Вот бидон,
А вот — питон.
Ну, а вот — бетон.
В печке выпечен
Батон,
А в петлицу вдет
Бутон,
По траве ползет
Питон,
Молоко течет в
Бидон.
А на стройке есть
Бетон.
Повтори и ты мне в тон:
Где бутон,
А где батон.
— Ну, тогда вот так:
В печке выпечен
Бидон,
А в петлицу вдет
Питон,
По траве ползет
Бетон,
Молоко течет в

Батон,
А на стройке есть
Бутон.
Где бидон,
А где питон.
Ну, а где — бетон.
Раз, два, три, четыре, пять,
Начинаю повторять:
В печке выпечен
Бутон,
А в петлицу вдет
Батон,
По траве ползет
Бидон,
Молоко течет в
Бетон,
А на стройке есть
Питон.
— Нет, не так!

Нет, не так!
— Нет, не так!
Нет, не так!
Подскажите сами: как?
Разберитесь сами в том,
Где бутон,

А где батон,
Где бидон,

А где питон,
Ну, и где — бетон.

1962

* * *

Потеряла галчиха галчонка —
Колчежонку, плюгашку, чернушку.
А подкинули галке скворчонка —
Прямоножку, милашку, пеструшку.

Стала плакать она и рыдати,
Стала грудью к земле припадати,
И слетелись на крик ее птицы
И расселись по краю криницы.

— Что ты, глупая, плачешь, рыдаешь,
Что рыдаешь, к земле припадаешь?
Уж твое ли дитя не резвушка,
Прямоножка, милашка, пеструшка?

— Не мое это чадо, а ваше,
А мое-то дитя было краше:
Мутно перышко, тускла макушка,
Колченожка, плюгашка, чернушка!

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

(1936—1971)

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 года в поселке Емецк Архангельской области; сын погибшего в войну политработника, с 6 лет потерял мать, воспитывался в детских домах. Учился в лесотехническом техникуме г. Тотьма. С 16 лет скитался по стране, был библиотекарем, кочегаром на рыболовном судне, нес срочную службу на Северном флоте, работал в Ленинграде на Кировском заводе (кочегаром, слесарем). В 1962—1969 годах учился в Литературном институте им. М. Горького.

Печатался с 1962 года. Опубликовал сборники «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970), «Зеленые цветы» (1971). Посмертно издан его последний сборник «Подорожники» (1976). В сложной, тонко разработанной структуре поэзии Рубцова, многообразной ритмически и лексически, привлекают свежесть и острота восприятия, сопоставимая с художественным видением раннего В. В. Маяковского, философичность, заставляющая вспоминать о лирике Ф. И. Тютчева, фольклорная образность в духе поэтики С. А. Есенина, субъективно-эмоциональное ощущение постоянной связи с природой, родственное фетовскому. Национальный характер творчества Рубцова проявляется не только в том, что в его стихах звучат мотивы русской природы и русской истории (стихотворения «Видение на холме», «О Московском Кремле» и др.), встают образы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, А. А. Фета и С. А. Есенина, современных отечественных поэтов (стихотворения «О Пушкине», «Последняя осень» — о Есенине, «Последняя ночь» — о Д. Б. Кедрине и др.). Национален сам лирический герой Рубцова, с его исповедальностью и мужественной самопронией, удалью и нежностью, жизнелюбием и тоской, с всеохватностью восприятия мира и катастрофическим ощущением непонятости и внутреннего одиночества, с неизменным при этом осознанием «корневой» связи своей судьбы с судьбой России. Поэт занимался также художественными переводами.

Умер Рубцов в Вологде 19 января 1971 года.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Оставшись, смотрит в поляню.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1967

* * *

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывет по каналу в лес.

И холодно так и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист,

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...

1969

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
— Как не стыдно тебе, егоза! —

И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.

1970

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
будет хлопотливый день!

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

1969

* * *

Осень! Летит по дорогам
Осени стужа и стон!
Каркает около стога
Стая озябших ворон.
Скользкой неровной тропой
В зарослях пасмурных ив
Лошадь идет с водопоя,
Голову вниз опустив.
Мелкий, дремотный, без меры,
Словно из множества сит,
Дождик знобящий и серый
Все моросит, моросит...
Жнивы, деревья и стены
В мокрых сетях полутьмы

Словно бы ждут перемены —
Чистой, веселой зимы!

1969

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

1970

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУНИН

(р. 1945)

Виктор Владимирович Лунин родился в Москве 6 мая 1945 года. В доме было много книг. Папа был заядлым собирателем. Читать научился в три с половиной года. Первыми самостоятельно прочитанными книжками, по словам папы, были русские народные сказки «Журочка Ряба», «Репка», «Теремок», а также пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке».

В пять лет зачитывался сказками Корнея Чуковского. Особенно любил «Крокодила» с чудесными иллюстрациями Реми. В семь лет любимой книжкой стали сказки Андерсена. Учился в обычной школе. Любил школу только один год, в первом классе, и то потому, что успел походить в нее только первые две недели сентября. Потом попал в больницу и, вернувшись из нее, до конца учебного года занимался со своей классной руководительницей дома. В седьмом классе вновь попал в больницу и там стал писать стихи. Они были нескладными и «корявыми», как вспоминает сам поэт.

После школы хотел поступать на филфак или в Литературный институт. Но по настоянию родителей поступил в технический вуз (МИИТ). После института три года поработал инженером, затем окончил аспирантуру в Институте космических исследований и еще несколько лет проработал в лаборатории у своего научного руководителя. Во время ученья в аспирантуре стал писать детские стихи, видимо, в ожидании будущей дочки.

Первой публикацией Лунина являются детские стихи «Баран» и «Крокодил». Сие событие произошло в декабре 1972 года. После первой публикации через месяц состоялась вторая в журнале «Мурзилка».

На сегодняшний день издано довольно много книг, в числе которых «Я видела чудо», «Весь дом — волшебный», «Аз-бу-ка», «Детский альбом» — стихи на музыку П. И. Чайковского. Выпущены книги сказок «Приключения Сдобной Лизы» и «Волшебная мелодия». Затем появился том «Любимые стихи», куда вошли как собственные стихи поэта, так и переводы из английской детской поэзии. Последней чрезвычайно важной для него книгой стал перевод поэмы Альфреда Теннисона «Королевские идиллии» — свода легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

Кроме книг, он сочинял песни для мультфильмов. Но первый же фильм «Слоненок и письмо» вышел таким неудачным, что Лунин отказался от дальнейших попыток. Правда, позднее появился мультипликационный сериал на видеокассетах «Незнайка на луне», для которого им были написаны тексты семи песен. Виктор Лунин написал слова песен к пластинке по сказкам Дональда Бисета «Летающий поросенок» и «Приключения дядюшки Тик-так», а также к спектаклю по сказке К. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф».

ЗАБЫТЫЙ КОРАБЛИК

Кружится
В лужице
Кораблик забытый,
Ветром исхлестанный,
Ливнем побитый.
Но упрямо кружится
Кораблик забытый,
С парусом разорванным,
С мачтой разбитой.
И хотя волнение
Стало сильней,
Заливает палубу

Грязь и вода.
Не уплыть из лужицы
Ему никогда.

Верит он, что кончится
Время дождей,
Что еще дождетя он
Лучшей поры...
Кружится
В лужице
Кораблик из коры.

1994

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть, где-то там —
В небесах, в вышине,
На далекой планете одной,
Тоже мальчик живет,
Наяву и во сне
Ожидающий встречи со мной.

1994

Я ВИДЕЛА ЧУДО!

Я видела чудо!
Я чудо видала!
У нашего дома
Лошадка стояла.

С копытами, с гривой,
С косматым хвостом!
С телегой, оглоблями
И хомутом!

Я быстро к лошадке —
К живой —
Подбежала.
И, к ней прикоснувшись

Несмело, сказала:
— Ах, как хорошо,
Что пришла ты сюда.
Останься, лошадка,
У нас навсегда!

Стояла лошадка,
Стояла живая!
Стояла тихонько
И сено жевала,
И сонно смотрела
Она на меня...
Счастливее не было
этого дня!

1995

СТРАННЫЙ ВОВА

— Знаю я странного мальчика Вову.
Вы никогда не встречали такого?
У этого странного мальчика Вовы
Найдется для каждого доброе слово.

Если случайно встретит он вас,
Заулыбается Вова тотчас
И «Здравствуйте!» скажет,
Зачем — не пойму!
И не противно это ему.

Если вы ловите рыбу в реке.
И окунь огромный висит на крючке,
Вова поможет вам вытянуть рыбу
И сам же за это вам скажет «Спасибо!»

Если же Вова о чем-нибудь спросит,
Слово «Пожалуйста» он произносит.
И в гости приходит без опоздания,
И, уходя, говорит: «До свиданья!»

Знаю я странного мальчика Вову...
— Да он просто вежливый. Честное слово!

1995

СПИ, МОЙ МАЛЬЧИК!

Спи, мой мальчик,
Спи, мой милый!
Закрывай глаза, мой сладкий!
Спит в твоей коляске зайчик,
Прилегла в углу лошадка.

На диване дремлет мишка,
Подложив под ухо лапу.
Кошка спит, заснули мышки,
Видит сон десятый папа.

Спит подушка на постели,
Засыпает одеяло.
Не качаются качели,
Солнце спит — оно устало.

Все уснуло на планете —
Реки, горы, звери, птицы...
Спят и взрослые, и дети...
Почему ж тебе не спится?

1995

СЪЕДОБНАЯ СЧИТАЛКА

Я считаю очень ловко:
Вот — петрушка, вот — морковка,
Вот — былинка, вот — листок,
Вот — травинка, вот — цветок,
Вот — колючка, вот — бутон...
Кто все съел, тот вышел вон.

1996

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УСАЧЕВ

(р. 1958)

* * *

Я землю сравнил бы с моей головой:
Как наша планета — лесами,
Покрыта местами она бородой,
Усами и волосами.
Мой взгляд называют бездонным не зря:
Глаза как озера и даже моря...
Бывают, что слезы щекою
Оттуда стекают рекою.
А гордый мой нос —
Он подобен хребту
И тянется горною цепью ко рту...
А эти чудесные уши,
Как часть неизвестная суши!
Все части лица моего не пусты.
Его поднесешь к микроскопу —
И Азии где-то заметишь черты,
А где-то увидишь Европу.
Ну, в общем, всем ясно, что наша планета

Сходство имеет с портретом поэта.
И чтобы как следует знать географию,
Вам следует знать мою фотографию.

1991

СНЕЖНАЯ РЕЧКА

Сделал однажды я снежную печку.
Вставил трубу и заслонку —
Веток подбросил в нее: раз, два, три.
Снежная, печка, гори!
Ветер взметнул над трубою дымок
И замерцал в очаге огонек.
Смогут теперь обогреться у печки
Снежные маленькие человечки.
Утром я печки своей не нашел.
Ночью буран ее снегом замел,
Хворост погас... А печеные льдышки
Съели, наверное, снежные мышки.

1995

НАТЮРМОРТ

Стол. Сервиз. Цветов букеты.
Торт, тарелка, бутерброд...
Называется все это
По-французски:

НАТЮРМОРТ.

Натюрморт красив, съедобен
И художнику удобен.
Ведь тарелку рисовать
Можно день, и два, и пять.
Рисовать людей живых —

Лучше сразу вешаться:
То зевают, то у них
Что-нибудь зачесется...
А еда себе лежит —
Никуда не убежит
(Если в центре
натюрморта
Не возникнет чья-то морда
И не схватит бутерброд,
Вам испортив натюрморт!).

1995

ЛЮБОПЫТНАЯ ВАРВАРА

Любопытная Варвара
Приходила на базар.
И во все свой нос совала –
В сапоги, в сметану, в сало,
В мед, горчицу, в скипидар...

— Что купили? Как продали?
— Где украли самовар?

— Сколько пару в самоваре?
— Для чего дыра в гитаре?
— Что нашли на тротуаре?
Три копейки или пять?

Пригрозили на базаре
Нос Варваре оторвать.

— Как? — Варвара подскочила. —
Где, скажите, рвут носы?
Я охотно бы купила
Пару штук для красы!
А почему у вас усы?

Взяли тут и нос Варваре
Оторвали на базаре.

— Ах, — Варвара с любопытством
Свой разглядывает нос. —
А скажите, за границей
На носы хороший спрос?

Подбежал народ с базара.
Все кричат: — Уймись, Варвара!

— Караул! — кричит народ.
Любопытная Варвара
И без носа — нос сует.

1998

ШУРШАЩАЯ ПЕСЕНКА

Шуршат осенние кусты.
Шуршат на дереве листья.
Шуршит камыш.
И дождь шуршит.
И мышь, шурша,
В нору спешит.
А там тихонечко шуршат
Шесть шустрых маленьких мышат...
Но все вокруг возмущены:
— Как расшуршались шалуны!

Шуршат на малышей кусты.
Шуршат им с дерева листья.
Шуршит рассерженный камыш.
И дождь шуршит, и мама-мышь.
Весь лес шуршит им: — Шалуны!
Не нарушайте тишины!

Но их не слышат шесть мышат!
Давно уже мышата спят...
Они легли пораньше спать,
Чтоб не мешать большим шуршать.

1998

ВЛАДИМИР НАТАНОВИЧ ОРЛОВ

(1928—1999)

ВЕСЕЛЫЕ ГРИБЫ

Удивляются дубы,
Сосны удивляются:
Непонятные грибы
К озеру спускаются.
Мчит веселая гурьба
Прямо по дорожке,
А у каждого гриба
Сразу по две ножки.

Как же так,
Как же так,
Прямо по дорожке?
Как же так?
Как же так?
Сразу по две ножки?

Удивляются дубы,
Сосны удивляются:
Непонятные грибы
В озере купаются.
Непонятные грибы
Плавают, ныряют,
Непонятные грибы
Песни расппевают.

Как же так,
Как же так,
Плавают, ныряют?
Как же так?
Как же так?
Песни расппевают?

Удивляются дубы,

Сосны удивляются:
Непонятные грибы
На песке валяются.
Сняли все до одного
Маленькие тапки.
Сняли все до одного
Маленькие шляпки.

Как же так,
Как же так,
Маленькие тапки?
Как же так?
Как же так?
Маленькие тапки?

Мы в семью вас принимаем, —
Молвят сосны и дубы, —
Мы ничуть не возражаем,
Подрастайте, как грибы!

— Что вы, сосны и дубы,
Мы ведь вовсе не грибы!
Не маслята, не опята,
Это просто мы — ребята!
Нас на лето привезли,
Чтобы здесь мы подросли!

И деревья зашептались:
— Неужели обознались?
До чего ж они похожи
На маслята и на опята!
Ну, почти одно и то же
От макушки и до пята!

ВОРОНА

— Кра!
Кричит ворона —
Кража!
Караул!
Грабеж!
Пропажа!
Вор прокрался
Утром рано!
Грош украл он
Из кармана!
Карандаш!
Картонку!
Пробку!
И красивую
Коробку!

— Стой, ворона.
Не кричи,
Не кричи ты,
Помолчи.
Жить не можешь
Без обмана.
У тебя ведь
Нет кармана!
— Как! —
Подпрыгнула ворона
И моргнула удивленно, —
Что ж вы раньше
Не сказали?
Кар-р-раул!
Кар-р-ман
Укр-р-али!

1988

ЧЕТЫРЕ КОНЯ

Верьте не верьте,
Но есть у меня
Ровно четыре
Чудесных коня.
Розовый конь —
Это утренний конь.
Красная грива,
Как будто огонь.

Следом за ним
Прилетает за мной
В солнечном пламени
Конь золотой.

Как хорошо мне
И весело мне
Мчатся на этом
Горячем коне!

В самом конце
Золотистого дня
Я голубого
Седлаю коня.
Синяя грива,
Как синий дымок,
Синий запутался
В ней ветерок.

К звездам, горящим
В ночной вышине,
Я улетаю
На черном коне.
Ночь опустилась
Над тихой землей.
Месяц подковой
Плывет золотой

Вот вдалеке
Разгорелся огонь —
Ждет меня розовый
Утренний конь.
Перелетаю с коня
На коня:
— Ну-ка, друзья,
Догоните меня!

1988

ШАРИК

Что машина,
Что фонарик,
Что мне новый
Паровоз?
На полу улегся
Шарик.
Папа мне его
Принес!
Он не желтый
И не синий,

И совсем не голубой!
Просто он
Такой красивый,
Трудно высказать
Какой!
Выхожу я
За калитку
И бегом лечу к реке.
Не держу его за нитку,
А держу на поводке.

1988

КОННИЦА ВЕСНЫ

Не капель весенняя
Пробивает лед —
Это в наступление
Конница идет.

И совсем не капельки
Капают кругом —
Маленькие сабельки
Блещут серебром.

Встреченная птицами
В ранние часы,
Цокает копытцами
Конница весны.

По снегам проворная
Конница летит,
Оставляя черные
Ямки от копыт.

1988

ЖАДНЫЙ ТУМАН

Шел по свету великан
Под названием
Туман.
Был он серым,
Непроглядным
И к тому же —
Очень жадным.
Съел он речку
С берегами,
Поле — вместе
Со стогами,
Пять избышек,
Пять старушек,
Двести сорок пять
Лягушек,
Съел дорогу
Целиком,
Закусил грузовиком.
Опять пустился
В путь,
Чтобы съесть
Чего-нибудь.
А внутри кричат
Старушки,
Громко квакают

Лягушки,
И шофер грузовика
Все гудит издалека.
А туман все ел и ел,
И толстел,
Толстел,
Толстел.
Раздувался, раздувался —
И внезапно
Разорвался.
Вот и речка
С берегами,
Поле — вместе
Со стогами.
Пять избышек,
Пять старушек,
Двести сорок пять
Лягушек,
И дорога целиком,
И шофер с грузовиком.
Только нет нигде тумана,
Нет его, пропал туман...
Плохо даже великану,
Если жадный великан!

1988

РАДУГА

Как цветное
Коромысло,
В небе радуга
Повисла.

Так она
Согнулась,
Что земли
Коснулась.

Справа
Радуга-дуга
На себе несет
Стога.

Слева — речку
И село!
Разогнуться
Тяжело!

1988

ТИМ СОБАКИН

(р. 1958)

Андрей Викторович Иванов (Тим Собакин — псевдоним) родился 2 января 1958 года в г. Желтые Воды Днепропетровской области в семье служащих. Окончил Московский инженерно-физический институт (1981), факультет журналистики МГУ (1987). Работал главным редактором журнала «Трамвай» (1989—1995), литературным редактором журнала «Куча мала» (1995—1998), шеф-редактором журнала «Куда пойти учиться» (2000—2001). Тим Собакин дебютировал как поэт в 1983 году в газете «Московский комсомолец». Он является автором многих книг для детей: «Дом для муравьев», «Из переписки с коровой», «Собака, которая была кошкой», «Мышиный поселок», «Таблица умножения», «Шалаш», «Без ботинка», «Песни бегемотов», «Игра в птиц. Сказки», «Песни бегемотов. Сказка». Тим Собакин публикует иронические и лирические стихи для взрослых в журналах «Магазин» (1996, № 22) и «Октябрь» (1997, № 12). По сценарию Собакина поставлен мультфильм «Кукиш с маслом» (2001), его произведения переведены на японский язык.

Тим Собакин являлся членом Союза писателей СССР (1991). Награждался премией издательства «Детская литература» (1995), специальной премией Фестиваля детской книги (1997).

ДВЕ КОРОВЫ И КОРОВКА

На траве
у леса густого
паслась луговая корова.
А в море,
водою плеская,
ныряла корова морская.

И где-то
на дереве ловко
карабкалась божья коровка...
Везде успевают коровы:
коровы —
они будь здоровы!

1991

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

В чистом поле
утром рано
шел Иван Кузьмич.
Вдруг на голову Ивана
шлепнулся Кирпич.

Молвил Ваня:
— Всяка рухлядь
так и норовит
на макушку
сверху рухнуть,
как метеорит!

А Кирпич вздохнул:
«Доколе
мне терпеть напасть,
если даже
в чистом поле
некуда упасть?
В океане,
в бане,
в ванне
(даже на печи) —
всюду попадутся Вани,
всюду Кузьмичи!..»

1991

ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

(1943—1992)

Олег Григорьев родился 6 декабря 1943 года в Вологодской области. Мать Олега с двумя детьми уехала в Ленинград, в котором и прошла вся жизнь будущего поэта, где он умер 30 апреля 1992 года. Олег рано начал рисовать. Он должен был стать художником, но, по его собственным словам, «не отстоял себя как живописца». В начале 1960-х годов Григорьева изгнали из художественной школы при Академии художеств. Изгнали за то, что рисовал не то и не так. В эти годы, не став живописцем, но сохранив дружбу и духовную связь со многими известными ныне художниками, он стал поэтом.

В 16 лет Олег Григорьев написал четверостишие (сейчас известное чуть ли не каждому) про электрика Петрова, который «намотал на шею провод». Многие удивляются, узнав, что у этого стихотворения есть автор. Давно и основательно оно вошло в фольклор, как и некоторые стихи из его первой детской книги «Чудаки», вышедшей в 1971 году. Едва появившись, эти стихи становились классикой, поскольку оказались написанными блестящим, афористичным эзоповым языком.

Взрослая обращенность детской поэзии Григорьева сделала его широко популярным прежде всего в родительской сфере, а парадоксальность поэтического мышления — в детской.

ГЛОБУС

— Дети, кто знает, что обозначает
Вот этот шар, посаженный на кол?
— Это чучело Земли.
— Тебе «кол».
— Нет, это не чучело.
А такая земляная голова.
— Тебе «два».
— Нет, это настоящая Земля.
Но картонная только.
— Тебе «тройка».
— Я знаю, синее — это вода.
А коричневое — это земная корка.
— «Четверка».
— Это модель Земли,
Только уменьшенная в сто раз.
Если посмотреть в микроскоп,
Можно увидеть себя
И весь наш класс.
Это круглая карта,
Внутри пустая.
Ее можно пальцем вращать.
— «Пять!»

1971

ПРОВОЛОКА

Купил я для садика новую
Проволоку терновую.
Полезут в мой садик девчонки —
Порвут о колючки юбочки,
А полезут мальчишки,
То раздерут штанишки.

1980

ВЕЛИКАНЫ

Давид хрупкий и очень хилый
В сравнении с волосатым великаном.
Давид слабый, зато хитрый —
Вложил незаметно в пращу камень.
Раскрутил ремешок и метко кинул —
В лоб попал, лежит Голиаф,
Рот раскрыл и руки раскинул,
Дремучую бороду к небу задрав.
Сел Давид, закрылся руками,
Плачет горько и причитает:
— Почему эти бедные великаны
Всегда от маленьких погибают.

1980

ИЛЬЯ РАХМИЭЛИЕВИЧ РЕЗНИК

(р. 1938)

Блокадное детство, эвакуация на Урал по Дороге жизни через Ладогу, смерть отца от ранений в госпитале, новое замужество матери по возвращении из эвакуации, ее отъезд в Ригу — так начиналась жизнь будущего поэта. Брошенного мальчика усыновляют престарелые прием-

ные родители его отца, по существу, чужие, но очень добрые люди. Затем умирает и кормилец-дед, который был замечательным сапожником и содержал всю семью. Полуголодные детство и юность не смогли вытеснить из сердца Ильи мечты о театре. С легкой руки благословившего его Ираклия Андроникова, хотя и не с первой попытки, в **1958** году он поступает в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кино.

С **1965** года Резник работает в труппе театра имени В. Ф. Комиссаржевской. Весь период студенчества и первые годы в театре — это постоянная работа над словом, написание песен к студенческим и театральным спектаклям, написание реприз, участие во всех театральных капустниках. А потом была песня «Золушка» (музыка И. Цветкова) — первая песня Ильи Резника. Облетев всю страну, она принесла поэту всесоюзную популярность и решила его дальнейшую судьбу. В **1972** году, почувствовав в себе силы, призвание и востребованность, Илья Резник уходит из театра и начинает профессионально заниматься песенной поэзией. В **1975** году к Илье Резнику приходит первый международный успех. Ему присуждается премия «Золотая лира» на конкурсе песни «Братиславская лира» (Чехословакия) за песню «Яблони в цвету». В следующем году — новые награды: за песню «Элегия» поэт удостоен премии «Серебряная лира».

Основные его песни, ставшие суперпопулярными: «Золушка», «Яблони в цвету», «Маэстро», «Еще не вечер», «Старинные часы», «Звездное лето», «Журавлик», «Чарли», «Эдит Пиаф», «Вероока», «Без меня тебе, любимый мой...», «Возвращение», «Кабриолет», «Карлсон», «Бабушка рядышком с дедушкой», «Странник»... Особняком в творческой биографии Ильи Резника стоит его многолетнее сотрудничество с Аллой Пугачевой. Начавшееся в **1979** году, оно продолжается и поныне. В **1980** году поэт написал авторскую программу «Монологи певицы». Илья Резник был также автором сценария к фильму «Пришла и говорю» (**1984**). В **1986** году началась совместная работа с композитором Раймондом Паулсом над созданием программы для Лаймы Вайкуле. В **1984** году И. Резник и композитор Р. Паулс выступают инициаторами проведения ежегодных конкурсов молодых исполнителей в Юрмале.

Песенное творчество Ильи Резника получило заслуженное признание не только в стране, но и за рубежом.

Помимо песен поэт написал множество стихов, несколько сценариев, пьесы. В **1978** году на сцене Камерного Еврейского музыкального театра состоялась премьера его оперы-мистерии на идише «Черная уздечка — белой кобылице». В **2001** и **2002** годах с большим успехом прошла премьера сказки-мюзикла «Маленькая страна» на Большой спортивной арене Дворца спорта «Лужники». В **1991** году Илья Резник создал свой театр, первой премьерой которого был музыкальный спектакль «Игра в Распутину, или Ностальгия по России» в ГЦКЗ «Россия».

Еще в **1969** году в Риге вышла первая книга поэта для детей «Тяпа не хочет быть клоуном». В последние годы увидели свет **5** книг из серии

«Кукушечка», а также книги «Непоседа по имени Лука», «Король Артур», «Почему на синем небе золотые облака?», сборник стихов и сказок «Вот!» Это веселые стихи и сказки, небылицы, поучительные истории, наполненные мягким юмором, любовью, нежностью к юным читателям. Его детская поэзия впитала в себя лучшие традиции классической детской литературы.

В серии «Маленькая страна», известной за пределами СНГ, вышли книжки «Лесные сказки», «Корова из Комарово», «Разноцветный алфавит», «Каша — Дуняша», «Кашалотик-кашалот», «Сага о датском пирожке». Это прекрасная страна сказок, песен, стихов и удивительных историй, где возможно любое чудо. Так, например, лягушка может называть предметы на «ква-кваязыке» (Брю-ква! Брю-ква-ква!), но он понятен всем, даже Квакиной Наташе. А Корова из Комарова — не простая буренка, а целый молочный комбинат, который «выдает детям сразу ряженку, кефир и простоквашу». К сожалению, И. Р. Резник мало известен в Беларуси как детский писатель.

Творчество для детей И. Р. Резника заслуживает высокой оценки, так как оно, по мнению С. Михалкова, «органически связано с музыкой и в то же время может существовать отдельно».

В 1999 году И. Р. Резник становится членом Союза писателей Москвы. Он является автором таких книг, как «Монологи певичцы», «Двое над городом», «Избранное», «Жизнь моя — карнавал», «Алла Пугачева и другие», «Мужик». В 2000 году Илья Резник открыл собственное издательство — «Библиотека Ильи Резника».

И. Р. Резник — народный артист России, заслуженный деятель искусств РСФСР, награжден орденом Почета, член Совета директоров ОАО «Первый канал», действительный член Академии социальных наук, действительный член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. В 1998 году на Площади Звезд у ГЦКЗ «Россия» за выдающийся вклад в отечественную культуру заложена именная плита-звезда Ильи Резника. Решением американского астрономического общества «**International Star Registry**» его именем названа звезда в созвездии Орион. В 2008 году награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

ЛЯГУШОНОК КВА-КВА-КВА

То ли сказка, то ль молва,
То ли что-то третье:
Лягушонок ква-ква-ква
Жил один на свете.
Он не ведал ничего,
Что творится в мире.

Жил совсем без никого
В ква-ква-квартире.
Он не знал кино, балет,
Где танцуют тети.
Даже видеокассет,
Даже видеокассет
Не было в болоте.
Он комариков ловил,
Он нырял и плавал.
Из кувшинок воду пил,
В хоре пел на славу.
А смолкал болотный хор —
Пла-пла-плакал звонко,
Что ни братьев, ни сестер
Нет у лягушонка.
Как-то утром, в **6.05**,
Он набрался силы
И отправился искать
Родственников милых.
Шел он рощицей, леском,
Прыгал по опушке.
Видит: что-то там тайком
Навострило ушки.
«Ой, открой мне свой секрет:
Кто ты? И чей друг ты?»
И послышалось в ответ:
«Я не друг. Я — Брюква».
«Брю-ква... Странные слова.
Ты не зверь, не птичка.
Брю-ква! Брю-ква-ква-ква-ква! —
Значит, мне сестричка?»
Та в ответ: «Нет, не похож
Ты на Брюкву вроде
И на грядке не растешь
В нашем огороде!»
«Извините... Не узнал...

Спутал я спросонок...»
И, простившись, поскакал
Дальше лягушонок.
Прыгал день и прыгал ночь
С бугорка на кочку.
Не смогли ему помочь
Ни петух, ни квочка.
Крот заметил: «Я — отец,
Но кротяттам-крошкам!..»
«Ты не наш!» — пропел Скворец.
«Брысь!» — сказала Кошка.
Крикнул с ветки прыткий Стриж:
«Экая потеха!..»
«Ква-а», — тоскливо звал мальш.
«Ква-а-а», — вздыхало эхо.
И пожухла вдруг трава,
Старец-гром загрохал.
Утка-кряква — ква-ква-ква
Прочь прогнала кроху!
«Все, — подумал он, — пропал!»
И зажмурил глазки.
Но! Не может же финал
Быть ТАКИМ у сказки!
Рано-рано поутру
Под ветвистым кленом
Он нашел свою сестру —
Девочку в зеленом.
КВА забыл свою беду:
Нету места краше!
Он живет теперь в пруду
Квакиной Наташи!

2001

КОРОВА ИЗ КОМАРОВО

В деревне Комарово
Жила-была корова,
Жила-была корова
С рогами и хвостом.

В деревне Комарово
Та самая корова,
Поесть была здорова.
Но... дело было в том,

Что в поле, на работе
Была она в заботе,
Ведь были рядом с нею
Две дочки, два сынка.

И дважды два ребенка
Ходили за буренкой:
Две телочки капризных,
Капризных два бычка.

В деревне Комарово
Там, где жила корова,
Где оводы гурьбою
Садились на бока,

Четыре ребятенка:
Две телки, два теленка,
Совсем, даю вам слово,
Не пили молока.

Две девочки-сестренки
Просили у буренки:
— Дай ряженки нам, мама,
Она — наш эликсир!

А братья в сказке нашей
Мычали на мамашу:
— Хочу я простоквашу!
— А я хочу кефир!

Ночь не спала корова:
— Как жизнь моя сурова!
Четыре есть задачи,
Но как их все решить?

Как быть, она не знала
И думала-гадала,
Как четверем телятам
Хоть чем-то угодить.

Она нашла решенье!
(Смотри изображенье.)
Здесь всем доволен каждый
Из четырех телят.

В деревне Комарово
Живет теперь корова
С названием очень важным —
«Молочный комбинат».

2001

ОХ ДА АХ

На зеленых на холмах
Жили-были Ох да Ах.

Ох в слезах ходил от горя.
Ах от счастья был в слезах.

Из-за синих-синих гор
Месяц вышел на простор.

Ох заохал: «Это плохо!»
Ах сказал: «Какой фурор!»

Вдруг раздался сильный гром.
Разразилась ночь дождем.
Ох воскликнул: «Мы утонем!»
Ах ответил: «Доплывем!»

Трудный выдался денек —
Приземлились на пенек.

Ох захныкал: «Как неудобно...»
Ах калачиком прилег.

Пел о скворушке скворец,
О союзе двух сердец.
Ох сказал: «Поет он плохо!»
Ах сказал: «Какой певец!»

Солнце. Вечняя пора.
Небо ясное с утра.
Ох сказал: «Я замерзаю!»
Ах открыл окно: «Жа-ра-а!»

Словно радость и беда,
Жили рядом «нет» и «да».
Оху все не так, все плохо,
Аху — здорово всегда!

2001

МИХАИЛ ДАВИДОВИЧ ЯСНОВ

(р. 1946)

Михаил Давидович Яснов родился 8 января 1946 года в Ленинграде. В 1970 году окончил филологический факультет Ленинградского университета. С 1982 года — член Союза писателей. В настоящее время — член Совета Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель секции художественного перевода Союза писателей, руководитель студии художественного перевода при Французском институте Санкт-Петербурга. В 2002 году стал лауреатом Почетного диплома Международного Совета по детской и юношеской книге (IBBY) за перевод книги Пьера Грипари «Сказки улицы Брока». В 2003 году получил литературную премию им. Мориса Ваксмахера, которую вручает французское правительство и посольство Франции в Москве за лучший перевод французской художественной литературы. В 2005 году получил премию им. С. Маршак за лучшие детские стихи.

Автор шести лирических книг: «В ритме прибоя», «Неправильные глаголы», «Подземный переход», «Алфавит разлуки», «Театр теней», «Замурованный амур». С конца 1970-х годов, когда начал заниматься детской литературой, вышло около сорока книг стихотворений и прозы для детей. Наиболее важные из них: «Лекарство от зевоты», «Праздник букваря», «Носомот с бегерогом», «Щенячья азбука», «В гостях у Свинозавра», «Чудетство», «Чучело-мяучело», «Когда я стану школьником...», «Задумчивый воробей», «Книжка про меня», «К нам приходит людоед», «Праздник букваря», «Лучшие стихи для детей».

Михаил Яснов занимается художественным переводом (преимущественно французской поэзии и прозы) и историей француско-русских литературных связей. Среди переводов для детей с французского переведены книги «Бретонские баллады» (1995), «Бретонские сказки» (1995), трехтомная антология французских стихов для детей «Поэзия вокруг нас» (1992—1993), книги французских литературных сказок «Сказки для горчичников» (1993) и «Попугай Дагобер и ржавый якорь» (1994), а также авторские книги сказок Веркора (1992), Мориса Карема (1999), Клода Руа (1999), Пьера Грипари (2000), Жана Люка Моро (2001). Яснов принял участие в переводе фундаментального свода французского фольклора «По дороге на Лувьер» (2001). В 2005 году вышла первая книга из серии «Стихи французских поэтов для детей». Значительная часть стихотворных переводов опубликована в учебниках французского языка и хрестоматиях по французской литературе. В журналах, альманахах и сборниках постоянно публикуются многочисленные переводы из французской поэзии XVI—XX веков, а также рецензии и статьи, посвященные изданиям французской поэзии на русском языке и русской поэзии, детской и взрослой. Оригинальные стихи переводились на ряд европейских языков. На сту-

диях звукозаписи записаны и вышли в свет пластинки, кассеты и компакт-диски со стихами и песнями для детей.

Основной круг интересов писателя составляет работа с одаренными детьми. В частности, в 1995—1997 годах совместно с Международным домом поэзии (Брюссель) в Санкт-Петербурге проводился конкурс детских стихов «Веселый селезень». В 1996—1998 годах в рамках культурного обмена между Санкт-Петербургом и Западным Мичиганом (США) осуществлялся проект «Дети переводят детей». В настоящее время идет работа над книжной серией «Поэтический букварь», в рамках которой переводятся и готовятся к публикации стихи европейских поэтов на тему «Поэты мира — детям».

С 1992 года М. Яснов — автор и ведущий программ петербургского радио, посвященных детскому творчеству.

ГОРОДСКАЯ ВНУЧКА

Жила черепаха в квартире
Одна,
Глубокой древней печали полна.
Была бабка —
Морская,
А внучка —
Давно городская.

Ни моря, ни солнца, ни камушка нет,
Куда ни взгляни —
Бесконечный паркет.
Ну, листик да капелька сока —
А все-таки так одиноко!

И вдруг появился в квартире щенок
И жизнь изменить черепахе помог.
Лохматый!
Большой!
И при этом
Он ползает с ней под буфетом!

Она семенит за щенком,
А потом

Двадцатый круг, тридцатый круг —
Но где он, лес? И где он, луг?
Как путь нелеп и тяжек
Вдоль гладких деревьяшек!

Мы распахнули дверь ежу —
И он ушел в свое «шу-шу»,
И в свой «фыр-фыр»,
И в свой «топ-топ» —
В огромный мир ежиных троп.

1991

МОЙ КОТЕНОК

Мой котенок — черноушка.
Как назвать?
Чернушка!
Мой котенок — рыжеспинка.
Как назвать его?
Рыжинка!
Хвост как белая кудряшка.
Мой котенок,
Ты — Беляшка!
Мой котенок отзывается,
Мой котенок так старается:
Имя учит —
И мяучит!

1992

БАБУШКА В АВТОБУСЕ

Бабушка села в автобус,
Села и стала стоять.
Бабушка встала в автобус —
Вот так точнее сказать!

Бабушка встала в автобус,
Смотрит — а место-то есть!
Бабушка встала в автобус,
Чтоб оглядеться и сесть.

Бабушка села в автобус —
Он ей сумел угодить.
Очень хороший автобус —
Жаль, что пора выходить.

1992

СКОРОГОВОРКИ

* * *

Супница,	Сахарница,
Сметанница,	Сырница,
Сухарница,	Конфетница,
Салатница,	Масленка,
Рыбница,	Перечница,
Горчичница,	Укусница,
Салфетница,	Хлебница,
Гусятница,	Солонка.

* * *

Скоро год, как у кухарки
Сковородки, сковарки,
Ростер, тостер, просто терка —
Вот и вся скороговорка!

* * *

— Вы за нами!
А мы — за блинами!
Вы не забыли, что мы за блинами?

— Мы не забыли! И мы за блинами!
— Мы за блинами,
А вы — за нами!

1992

Я ПОМОГАЮ НА КУХНЕ

Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку
Шагом ... марш!
Стой! Кто идет?
Фарш!

1992

ЦИРКОВЫЕ ЗАГАДКИ

Дополни строку, используя слова-подсказки: *медведь, лев, купол, гимнаст.*

Отсюда люди меньше кукол —
Залез гимнаст под самый...

Летающему другу он руку подаст
Под куполом цирка воздушный...

Приятно зрителям смотреть,
Как кланяется им...

В секунду сменит милость он на гнев —
Хотя и дрессированный, но...

1992

А ВОТ И НЕТ

Читая стихотворение, вставляйте нужные по смыслу слова: *волчица, медведь, лиса, кит, медведица, лошадка, свинки, медвежонок.*

Зимой, когда мороз и гололедь,
В большой берлоге спал большой

А вот и нет! В мороз и гололедицу
Спала в берлоге бурая

А вот и нет! Зато, урча спросонок,
Здесь нежился пушистый

А вот и нет! Он убежал в леса.
Спала в берлоге рыжая

А вот и нет! Лисе и в норке спится.
Здесь ночевала серая

А вот и нет! Волчица по тропинке
Пошла взглянуть, как спят в берлоге

А вот и нет! Им у хозяйки сладко.
Дремала здесь веселая

А вот и нет! Она в конюшне спит.
В берлоге зимовала рыба

А вот и нет!
Ее там нет как нет!
В большой берлоге спал большой поэт!

И впрямь, поэта было слишком.

1993

ОВСЕЙ ОВСЕЕВИЧ (ШИКЕ) ДРИЗ

(1908—1971)

Овсей Овсеевич Дриз родился 16 (29) марта 1908 года в д. Красное, ныне Винницкой области, в Украине; российский поэт, писавший на языке идиш.

Его стихи высоко ценили как простые читатели, так и известные мастера русского стихосложения. Стихи-сказки Овсея Дриза были включены в антологию сказок мира. На русский язык поэзию Дриза переводили первоклассные мастера: Б. Слуцкий, Г. Сапфир, Ю. Мориц. Книга переводов на украинский язык выпущена Валерией Богуславской. Некоторые стихотворения Дриза положены на музыку композитором М. Полянским.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

У дедушки Мороза
Снежинка на носу.
Собирались елки
Вечером в лесу.
Шестьдесят зеленых,
Сорок голубых,
Шестьдесят постарше,
Сорок молодых.
Закружились вместе
Елочки и ели
И лесную песню
Зимнюю запели:
— Падайте, снежинки,
Падайте скорей,
Белую дорогу
Тките для саней.
— Нравится мне песня, —
Дед Мороз сказал
И снежинкам с неба
Падать приказал.
Звездочки и звезды

Полетели с неба,
И дорога стала
Белую от снега.
Закружились снова
Елочки и ели
И другую песню
Зимнюю запели:
— Прилетай к нам, ветер,
Без иглы и нитки
Сшей ты нам, портняжка,
Белые накидки.
— Нравится мне песня, —
Дед Мороз сказал
И лететь скорее
Ветру приказал.
И примчался ветер,
Озорной и ловкий,
Без иглы и нитки
Мигом сшил обновки.
Снова закружились
елочки и ели

и другую песню
Радостно запели:
— Мы теперь готовы,
Мы теперь поедем!
На веселый праздник
Мы поедем к детям!
— Нравится мне песня, —
Дед Мороз сказал
И подать скорее
Сани приказал.
Волк Морозу тащит

Шубу меховую,
А Лисица — шапку
Рыжую, большую.
Зайцы рукавицы
Принесли к саням.
А мешок с подарками
Появился сам.
Семь коней горячих
Вихрем — под откос!
Едет-едет к детям
Дедушка Мороз.

1946

ФИОЛЕТОВЫЙ ДЕНЬ

(Пер. Г. Сангира)

Памяти Михоэлса

День был фиолетовый,
Облачное небо —
Рыбья чешуя.
Где-то шумели
Трамваи, машины.
А здесь, на Малой Бронной,
Стояла тишина.
И процессией странной,
Желто-красно-зеленой,
В тишине
Шли шуты.
Было хмуро и сыро.
Шуты несли
На своих плечах
Прах
Короля
Лира.

Шли осторожно,
Как по краю пропасти,
В своей торжественной нелепости
Великолепные шуты.
Молчанием его оплакивали.
Лишь позвякивали
Бубенчики,
Нашитые
На шутовские колпаки:
«Дзинь-дзинь,
Дзинь-дзинь...»
День был
Фиолетовый.
Плыло небо,
Как большая рыба.
Не рыдали трубы,
И не взвизгивали флейты.
Лишь бубенчики плакали,
Звякали:
«Дзинь-дзинь,
Дзинь-дзинь...»
День был как ночь.
Исказила мука
Маску комика!
Глядите,
Там на крыше домика
Появился седой скрипач.
...И взвилось
Синее пламя волос!
И запела скрипка —
Золотая рыбка!
Плачь,
Рыбка, плачь
Над лицом короля —
Тайной тайн...
Этот старый скрипач

Был великий Эйнштейн.
Но шуты не ведали этого.
Шуты
Несли
На своих
Плечах
Прах
Короля
Лира.
А день был фиолетовый.
Было сыро.

1947

МИХАИЛ СПАРТАКОВИЧ ПЛЯЦКОВСКИЙ

(1935—1991)

Михаил Спартакович Пляцковский родился 2 ноября 1935 года в Енакиеве. Окончил Литературный институт им. Горького (1961). Еще в студенческие годы начал сочинять песни — и стихи, и мелодии. Первая профессиональная песня «Марш космонавтов» была написана в 1961 году с С. Заславским.

В 1960—1970-е года М. Пляцковский становится одним из ведущих поэтов-песенников. Как правило, работу с композитором поэт начинал, имея уже готовые стихи. Некоторые песни рождались в совместных поездках. Так, в результате поездки с М. Фрадкиным на Север появились «Морзянка», «Ищи меня по карте», «Увезу тебя я в тундру»; с Шаинским по БАМу — «Дорога железная», «Есть поселок такой», «Сердце горячим останется». Много песен поэт написал для детей: «Улыбка», «Вместе весело шагать», «Детства крайний звонок», «Конопатая девчонка», «Девчонка из квартиры 45». Пляцковский — составитель нескольких поэтических сборников, музыкальных комедий: «Бабий бунт» с Е. Птичкиным и «Не бей девчонок» с С. Заславским. В 1986 году поэт стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Умер Михаил Спартакович 26 января 1991 года.

* * *

«Завтра, после уроков...» — так привычны слова.
Проплывают по небу облаков острова.
И прекрасна разлука, потому что опять
Завтра, после уроков, будем рядом шагать.
Завтра, после уроков, мы в кино завернем,
Замирая от счастья на сеансе дневном.
В кинобудке механик включит лучик живо —
И запляшут пылинки над твоей головой.
Содержание фильма понимая на треть,
Можно сколько угодно друг на друга смотреть.
К спинкам кресел удобно в темноте прислонясь,
Локтем локтя касаться можно целый сеанс...
Как давно это было! А быть может, вчера
Детство капелькой солнца соскользнуло с пера?
В давней школьной записке и осталось оно —
Неуклюжим, несмелым приглашением в кино.
Называем мы детство самой светлой порой,
«Завтра, после уроков...» — это детства пароль.

1978

ТИМОФЕЙ МАКСИМОВИЧ БЕЛОЗЕРОВ

(1929—1986)

Тимофей Максимович Белозеров родился в глухом таежном селе с уютным названием «Камыши». Семья Белозеровых была крестьянская, большая. Воспитывали детей в строгости, в любви к земле и работе. Не забывали и о книгах, читали Андерсена, Пушкина, Некрасова, Толстого.

Безмятежная жизнь в родных Камышах продолжалась всего лишь одиннадцать лет. В 1941 году, когда началась война, нужда заставила Тимофея переехать в Омск и устроиться на работу. Белозеров сапожничал, был учеником столяра и художника, расчищал от снега железнодорожные пути. А после войны, в 1952, окончив Омское речное училище, начал пла-

Вернусь
И в травах
Утону...

1979

ТРОПИНКА

Соскользнула с насыпи тропинка
И, у светофора за спиной,
По лесам, пригоркам и ложбинкам
Вьется в травах порванной струной.
У крыльца, у твоего порога,
За оградой в поле и в степи,
Ты услышишь, как поет дорога,
Только на тропинку наступи.

1979

В ПОЛЕ

Ветры клонят медуницу,
Спелой озимью горчат...
В поле выгнали волчицу
Вместе с выводком волчат.
По жаре трусит волчонок,
Неуклюжий, словно краб,
И кузнечики спросонок
Шумно брызжут из-под лап.
Впереди — овечьи тропы,
Солнце, травы да леса,
Позади — железный топот
И людские голоса...

1979

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

Тишина в саду и в доме,
Спит теленок у плетня.
Возле погребца в соломе
Воробьиная возня.
За оградой пыльной
Полог прогибают ветерки,
Воздух мягкий, словно щелок,
Наплывает от реки...

1979

ДРУГУ-ЧИТАТЕЛЮ

Если я
Писать стихи
Для тебя устану,
То подамся в пастухи
В Русскую Поляну*.
Выйду поутру с рожком,
Заломлю папаху,
Опояшу ремешком
Белую рубаху.
Уроню на лебеду
Кнутика шелковье,
Заиграю на ходу
Что-нибудь
Коровье.
И пробудится народ,
И начнет зариться,
И телята у ворот
Навострят
Копытца.

1983

* Русская Поляна — село на юге Омской области.

ДОЖДЬ

Дождь идет по городу вразвалку —
Шумный и высокий,
Как верста,
Залил синим светофор-мигалку,
Смыл зевак с чугунного моста,
Разогнал торговков на базарах
Выстрелом из огненной пращи,
На прохожих, молодых и старых,
Разукрасил бисером плащи.
В закоулках сумрачного парка
Растолкал седые тополя,
А потом под радужную арку
Зашагал
Окраиной
В поля!

1983

УТРО НА РЕКЕ

Хорошо здесь утром рано!
В предрассветной тишине
Грузам кланяются краны,
Чуть качаясь на волне.
Над водой кружатся птицы,
Просыпаются гудки.
Пахнет рыбой и пшеницей,
Пахнет лесом от реки.

1983

СЕМЬЯ

Мыла Марусенька белые ноги,
Звонко хрустела студеной водой.

Прочь разбегались жуки-недотроги,
Лен над обрывом качал бородой.
Мыла Марусенька белые ноги,
Пальчиком трогала сонный чебрец.
Возле телеги, на тихой дороге,
Ждали Марусеньку мать и отец.

1983

НОЧЛЕГ

Октябрь!.. Деревья ожидают снега,
Разливы рек притихли взаперти...
Себе стожок я выбрал для ночлега
Там, где застала ночь меня в пути.
Как светляки на дремлющем болоте,
Дрожали звезды в черной вышине;
Земля, продрогшая в своем ночном полете,
Во сне прижалась ласково ко мне.
А я, накрыв сухой соломой ноги
И подложив под голову ружье,
Согрелся сам и вскоре понемногу
Согрел собой огромную — ее...
Текла заря в разрывы туч свинцовых,
На целый день, на много-много лет
Земля мне солнце подарила снова,
Из ночи темной
Вынесла в рассвет!

1983

СОН

Спит медведь, мышей пугая храпом,
Толстый и седой от куржака.
Тянет замусоленную лапу

Цепкой горстью губ и языка.
Тянет и причмокивает: «Вкусно!»
Падает ленивая роса,
Вызрела до сахарного хруста
Полоса молочного овса.
Спит луна в предутреннем тумане,
Спят в селе ночные сторожа;
Лишь ручей по ягодной поляне
Катится, на камушках дрожа...
А над всем над этим, за туманом,
За стеной зеленою тайги —
Звон берез, шуршание бурана,
Волчье завывание пурги.

1983

БЕЗ МАМЫ

*Памяти моей матери
Арины Трифоновны*

Стала уже солнечная рама,
Лавки выше, а углы острей.
Без тебя, заботливая мама,
Сразу стало близко до дверей...
Самолет сверкал под облаками,
Жаворонок падал с высоты,
И твоими смуглыми руками
Пахли придорожные цветы.
Шел к реке я
в темную низину
На чужие, дымные костры.
Ветер дул мне то в лицо, то в спину,
Гнал меня из детства до поры.
Загонял в незапертые сени,
В погреба — за кринкой молока,

В паровозных трюмах
на колени
Становил под тяжестью мешка.
Ветер, ветер!..
Выбитые рамы,
Потолки в махорочном дыму...
Оказаться на земле без мамы
Я не пожелаю никому.

1983

НУ, ПРОЩАЙ!

— Ну, прощай! — скажу я важно другу,
Заходя в прицепленный вагон.
И, моргая словно с перенуту,
Из окна уставлюсь на перрон.
Буду я смотреть на саквояжи,
На затылки потные — в упор.
— Ну, прощай! — мне друг с перрона
Скажет. —
Вон уже зеленый светофор.
— Где зеленый? Вовсе не зеленый!
Ты, — скажу, — получше погляди! —
Но сердито дернутся вагоны,
Защемит, заекает в груди...
Поплывут расплывчатые лица,
Чемоданы,
белые лотки.
Западет надолго под ресницы
Дальний взмах
Приподнятой
Руки...

1983

ДУМА

Убегу из дома наудачу —
К рыбакам, к охотникам в тайгу!
Убегу и даже не заплачу...
А заплачу — тоже убегу!
Убегу от маминого крика,
От ее усталого лица,
От сестры, с ее прической дикой,
Убегу от пьяного отца.
Убегу от ласковых соседей,
От старух слезливых — навсегда
Убегу в тайгу стрелять медведей,
На озерах ставить невода!
Буду жить в палатке на приволье,
Зимней ночью мерзнуть у костра,
Буду сыт я черствым хлебом с солью,
Воду пить из черного ведра.
А потом, огромный, бородатый,
Я ружье поставлю у крыльца,
И отец с улыбкой виноватой
Расцелует
Сына-беглеца.

1983

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

Современная зарубежная поэзия представлена в пособии поэтическими сказками и стихотворениями в переводах известных поэтов. Эдвард Лир, Доктор Сьюз, Джон Чиарди, Алан Милн, Джанни Родари и другие подарили детям и взрослым незабываемые юмористические произведения, наполненные богатым воображением, заразительным смехом, озорством, фантазией, ценностными жизненными ориентирами.

Взаимоотношения людей, столкновение добра и зла, понятия справедливости, честности, товарищества и их антиподов волнуют ребенка с самого раннего возраста и составляют важную часть реального мира, его морально-этическую сторону.

Так, американский писатель Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гайзел) своими эксцентричными сказками о самых невероятных животных и героях приблизил ребенка к пониманию жизни больше, чем иные реалистические произведения. В сказке «Кот в котелке» главным героем является кот, который развлекает детей, пока мамы нет дома. В этом сказочном персонаже обобщаются понятия игры, богатого детского воображения, веселого озорства. Не менее интересной и известной у нас в стране стала уже экранизированная сказка о добром, доверчивом слоне Хортоне — «Слон Хортон высидивает яйцо» («Слон Хортон слышит кого-то» и др.). Сказки написаны лаконичным, звонким стихом, полны самых ярких сравнений и неожиданных ассоциаций, неиссякаемой выдумки, тонкого чувства юмора. Книги иллюстрированы самим автором в той же фантастической, чуть гротесковой манере.

Поэтические сказки, песенки, считалки Джона Чиарди, профессора Колумбийского университета, переведены на русский язык Р. Сефом. Произведения Джона Чиарди, в отличие от Сьюза, построены на раскрытии неожиданного, невероятного в самом обыденном, знакомом, жизненном. Обидели, к примеру, маленькую божью коровку из стихотворения «Кто жил в маленьком доме» — и она улетела. А на другой год в огороде хозяина зачахли все овощи, так как некому было уничтожать вредителей.

В поэтической сказке «Джон Джей Пленти и кузнечик Ден», явившей своего рода перепевом известной басни И. А. Крылова про стрекозу и муравья, приветствуется мир поэзии, любви и красоты.

Эдвард Лир, английский поэт, познакомил нас с лимериком, литературой «Нелепости и абсурда». Богатое воображение, фольклорные традиции английской классической литературы нашли отражение в его поэзии для детей.

Известными становятся стихи для детей Алана Александра Милна. Его сын Кристофер Робин и станет главным героем и первым читателем историй о себе самом и своих друзьях-игрушках.

Современная зарубежная поэзия богато представлена благодаря уникальной школе переводчиков, а также сложившимся традициям переложений для детей. Чтение зарубежных поэтических произведений вводит ребенка-читателя в пространство мировой культуры. Книги зарубежных поэтов обогащают мир детской поэзии, позволяют увидеть общее и различное в поэтическом взгляде на мир.

ЭДВАРД ЛИР

(1812—1888)

Эдвард Лир — английский художник и поэт, один из основоположников «поэзии бессмыслицы», автор многочисленных популярных абсурдистских лимериков.

Эдвард Лир родился 12 мая 1812 года в лондонском предместье Хайгейт. Он был двадцатым ребенком в семье, и его воспитанием занималась старшая сестра Энн. Когда Эдварду было 15 лет, он вместе с сестрой обосновался в отдельном доме. Будучи талантливым художником, Лир начал работать книжным иллюстратором.

С детства у Лира было слабое здоровье — он страдал эпилепсией, астмой, а в зрелом возрасте к этому добавилась еще и частичная потеря зрения.

В 1846 году Лир выпустил «Книгу нонсенса» (*A Book of Nonsense* — «Книга чепухи», или «Книга бессмыслиц»), включавшую забавные лимерики. Вскоре этот жанр приобрел значительную популярность.

Поэт скончался 29 января 1888 года.

* * *

(Пер. С. Я. Маршак)

Жила-была дама приятная,
На вид совершенно квадратная.
Кто бы с ней ни встречался,
От души восхищался:
«До чего ж эта дама приятная!»

1846

* * *

(Пер. С. Я. Маршака)

Один старикашка с косою
Гонялся полдня за осою.
Но в четвертом часу
Потерял он косу
И был крепко укушен осою.

1846

* * *

(Пер. С. Я. Маршака)

Жил-был человек в Амстердаме,
Не чистивший шляпу годами.
Он в ней невзначай
Заваривал чай
И в ней же гулял в Амстердаме.

1846

* * *

(Пер. С. Я. Маршака)

Жил-был старичок у причала,
Которого жизнь удручала.
Ему дали салату
И сыграли сонату —
И немного ему полегчало.

1846

* * *

(Пер. С. Я. Маршака)

Жил мальчик вблизи Фермопил,
Который так громко вопил,
Что глохли все тетки
И дохли селедки.

1846

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН (1882—1956)

Алан Милн родился 18 января 1882 года в Лондоне. Его родители содержали небольшие частные школы. Всего в семье Милнов было, как в сказке, трое сыновей. Младший, с локонами «а ля лорд Фаунтлерой», и был будущий автор «Винни-Пуха». Как принято у писателей, сочинять стихи, статьи он начал еще в детстве.

В 11 лет Алана отправили в старинную и знаменитую Вестминстерскую школу. Особые успехи Милн делал в физкультуре и математике. За школой последовал колледж в Кембридже. Первое произведение Милна, которое согласились напечатать, было пародией на приключения знаменитого сыщика Шерлока Холмса. А вскоре он стал редактором популярного юмористического журнала «Панч». Милн писал статьи, пьесы, сказки, детективы и... играл. Впрочем, играла вся семья писателя. А начало игре положил подарок — плюшевый медвежонок, поселившийся у своего хозяина — годовалого сына Милна. Потом у Кристофера Робина (так звали мальчика) появились новые игрушечные друзья: ослик Иа, поросенок Пятачок (все герои будущей книги). Но самым замечательным оставался все-таки Винни-Пух. Книжка, сделанная по заказу и написанная сразу, вдруг, за одиннадцать дней в маленьком летнем домике, имела оглушительный успех. В 1928 году появилось продолжение историй про Винни-Пуха («Дом в Уголке Пуха»).

МАННАЯ КАША

(Пер. Н. Слепакова)

Что случилось с нашей Мэри?
Я ушам своим не верю:
Слышен рев ее за дверью.
Что случилось с нашей Мэри?
Что случилось с нашей Мэри?
Позабыты куклы в сквере
И игрушечные звери.
Что случилось с нашей Мэри?
Что случилось с нашей Мэри?
Объясни, по крайней мере:
Ни простуды, ни потери.
Что случилось с нашей Мэри?
Что случилось с нашей Мэри?
Все в порядке с Мэри нашей:
Это значит нашу Мэри
Снова кормят МАННОЙ КАШЕЙ!

1924

ДЖОНАТАН ДЖО

(Пер. Н. Слепакова)

Друг наш Джонатан Джо,
Рот его буквой «О»,
А фургон его на загляденье!
Если нужен вам мяч,
Карандаш иль калач,
Вы найдете их тут без сомненья.
Захотите волчок,
Леденец и сачок
Или с боем часы для примера —
Никаких нет проблем,

Угодить сможет всем,
Хоть щегла закажи, хоть терьера.
Славный Джонатан Джо,
Рот его буквой «О».
Но не это в нем детям приятно:
Если даже за час
Улыбнешься хоть раз,
То получишь конфету БЕСПЛАТНО!

1924

ТРИ ЛИСЕНКА

(Пер. Н. Слепакова)

Три рыжих лисенка на этой картинке.
Они не носили носки и ботинки,
Но их носовые платочки в корзинке,
Поверьте мне, были нежней паутинки.

Лисята в лесном проживали домишке.
Они не носили пальто и штанишки,
Но бегать могли они без передышки
И с мышками часто играть в «кошки-мышки».

Они в магазины совсем не ходили,
Но все, что им нужно, в лесу находили:
То гусениц вместо гусей разводили,
То мух на лужайку гулять выводили.

На ярмарке славно они развлекались:
Орехами братья так метко кидались,
Что три пирожка им с повидлом достались,
И на каруселях с друзьями катались.

Вот что я увидел на этой картинке:
Лисят, не носивших носки и ботинки,

А также рубашки, пальто и штанишки,
Но весело живших в зеленом домишке,
О чем вы теперь прочитаете в книжке.

1926

ДОКТОР СЬЮЗ

(1904—1991)

Теодор Гейзель (Доктор Сьюз — псевдоним) родился в семье немецкого пивовара. Детство писателя прошло в непосредственной близости от зоопарка, и он целыми днями проводил за рисованием его обитателей — разнообразных животных, изменяя их до неузнаваемости. Доктор Сьюз закончил американский колледж и отправился учиться в Оксфорд. В своих дневниках Теодор Гейзель описывает пребывание в университете как бессмысленное времяпровождение, отвращавшее учеников от культуры. Теодору Гейзелю, как истинному американцу, претила чопорность Оксфорда, слепое поклонение бессмысленным фетишам. Проучившись чуть больше года, он бросает Оксфорд и отправляется в путешествие по Европе, а потом, вернувшись в Америку, начинает работать политическим карикатуристом и рекламным художником.

Однако именно в Оксфорде Теодор Гейзель встретил свою будущую жену — Хелен, которая стала его соавтором и верным другом.

По сценарию и по мотивам произведений Доктора Сьюза было поставлено множество мультфильмов. Мультфильм «Кот в шляпе» был сделан при участии самого Доктора Сьюза. По мотивам сказки Доктора Сьюза «**Horton hears Who**» **20th Century Fox** сняла мультфильм, вышедший в российский прокат **13 марта 2008** года под названием «Хортон».

Уже став модным и высокооплачиваемым автором, Сьюз написал свою первую книгу «На Тутовой улице». Он предлагал ее в **28** издательствах и везде получал отказ. Единственным согласившимся издательством стал Рандом Хаузт. История «На тутовой улице», картинки к которой нарисовал сам автор, имела большой успех. За ней последовали другие **40** книг Доктора Сьюза. По ним были поставлены мультфильмы, радиоспектакли, мюзиклы. В Америке существует настоящий большой парк по мотивам его рисунков.

На сегодняшний день Доктор Сьюз — самый продаваемый детский писатель на английском языке. Книги Сьюза смешные и яркие. Завоевав в середине века сердца американских детей, Доктор Сьюз продолжает пользоваться популярностью. По его книгам учатся читать, а книгу «Места, куда ты пойдешь» дарят почти каждому ребенку на школьный выпускной вечер.

КОТ В КОТЕЛКЕ

(Пер. Е. Лунатовой)

Шел дождь целый день,
Барабанил по крыше,
Стучался в окошко —
То громче, то тише.
Он лил на деревья,
Он лил на качели!..
А мы у окошка сидели...
Сидели!..
Мы с Салли сидели вдвоем
И скучали.
— Ну, что же нам делать?... —
Сказала мне Салли,
Вдруг
Хлопнула дверь!
Мы услышали:
БАМ!
И мы увидали его!
Это сам...
Сам КОТ В КОТЕЛКЕ!
Настоящий!
С усами!..
В дверях,
Улыбаясь,
Стоит перед нами!
— Привет! — он сказал,
Помахав котелком. —
Простите, я с вами еще
Незнаком...
Вам нечего делать?
На улице дождь... —
И Кот отряхнул котелок:
— Ну, так что ж?
Давайте играть!

Я скучать не люблю.
Хотите,
Я мигом вас
Развеселю?
Не стоит сидеть у окошка
Уныло!

И я могу ПРЫГАТЬ
С подносом на лапе,
С корабликом,
Рыбкой
И чашкой на шляпе!
Я рыбку держу
И две книжки держу!
Сейчас я вам что-то еще
Покажу.
Я мастер по трюкам,
Хотя и не маг,
Все любят играть,
Но не все знают, как.
Скачу на мяче
И держу высоко
Пирог со свечами,
Поднос,
Молоко!
ТРИ книжки и чашку!
Матроса!
Кораблик!
Я зонтик держу!
И бутылку!
И грабли!
Но это не все —
Поглядите сюда:
Я веер к хвосту прицепил —
Да-да-да!

Я веером красным машу —
АЛЛЕ-ОП!.. —

Тут Кот поскользнулся
И с грохотом —
ХЛОП!
Свалился с мяча
На передние лапы!
А следом ВСЕ вещи
Посыпались
На пол!
Три книжки!..
Кораблик!..
Пирог со свечами!..
И Рыбка упала —
Прямехонько
В чайник!
Сейчас мы откроем сундук —
АЛЛЕ-ОП!
Тут крышка откинулась
С грохотом —
ХЛОП!
И мы увидали их —
Ровно две штуки.
— Привет! — закричали нам
Радостно Трюки.
Что Трюкам ответить,
Мы с Салли не знали,
И руки гостям
Осторожно
Пожали,
И хором тихонько сказали:
— Привет...
Но Рыбка из чайника
Крикнула:
— Нет!

Что будет!.. Что будет!..
Увидите сами.
Вот мама вернется...
Что скажем мы маме?!.
— Не бойтесь, — сказал кот. —
Не бойтесь, глупышки:
Они безобидны,
Как малые мышки!
Они поиграют —
Вот тут, у окошка,
А в пасмурный день
Развлекут нас немножко.
Они лишь запустят
Воздушного змея!
А что? — муркнул кот. —
Неплохая идея.
Но Рыбка из чайника крикнула:
— Вздор!
Воздушные змеи?
С каких это пор?
Мне очень не нравится
Эта затея.
И наша квартира —
Не место для змея!
Подумайте сами:
Нельзя эти
Трюки
Показывать маме!
Их нужно поймать поскорее!
Поймите!
Ну, что вы стоите?
Ловите!
Ловите!
И я побежал,
Побежал со всех ног,
И я приволок

Рыболовный сачок!
Сейчас,
Вот сейчас я накрою их –
РАЗ!
Смотрите!
Они удирают от нас!
И я засмеялся:
— Ага! Испугались?!

Сачок опустился –
И Трюки попались!
— Готово! —
Сказал я Коту в котелке. –
Пускай ваши Трюки
Сидят в сундуке!
И пусть никогда
Не приходят в наш дом!
— Ну, что же... — вздохнул кот. —
Сейчас мы уйдем.
Хотели как лучше,
Да вот беда... —
Он запер сундук
И ушел, чуть не плача.
И Рыбка сказала,
Вертя головой:
— Смотрите, что он натворил!
Ой-ей-ей!
Все свалено в кучу:
Пирог и кораблик,
И книжки, и чашки,
И веер, и грабли!
И мамин халатик!.. —
Ну, просто беда!

И мама бы нам
Поиграть разрешила...
Но мамы нет дома...

Об этом мы знали.
— Давай поиграем... —
Шепнула мне Салли.
Но Рыбка сказала:
— Он нам незнаком!
Нельзя вам играть
С незнакомым Котом.
Он должен уйти!
Он не должен быть с нами!
И мамы нет дома...
Подумайте сами!
— Не бойтесь! — сказал нам
Наш гость в котелке. —
Мы лишь поиграем —
Вот тут, в уголке.
Все будет мур-мур, —
Продолжал он с улыбкой. —
Игра называется
ФОКУСЫ-С-РЫБКОЙ!
— Не трогайте!.. —
Крикнула Рыбка Коту. —
Держите меня!
Я сейчас упаду!!!
— Не бойтесь! — сказал Кот. —
Я крепко держу.
Сейчас я вам что-то еще
Покажу.
Смотрите:
Я с книжкой
И чашкой на шляпе
Кручусь на мяче
На одной задней лапе!
Смотрите!
Смотрите на мой котелок!

На чашку поставил я сверху

Пирог!

— Ну вот, доигрались!

Я вам говорила!.. —

Сказала из чайника рыбка. —

Как мило!

Я вам говорила:

Он нам незнаком!

Смотрите,

Во что превратил он

Наш дом!

Кораблик увяз в пироге —

Это раз!

Испорчены грабли у нас!

Он должен уйти!

Он не должен быть с нами! —

Заохала Рыбка,

Всплеснув плавниками.

—Но я не хочу уходить —

Это раз!

А в-третьих,

Мне нравится в доме у вас.

Я мастер по трюкам,

Хотя и не маг,

Я что-то еще покажу вам.

Итак..

Итак, —

Улыбнулся нам Кот в котелке, —

Игра называется ТРЮК-В-СУНДУКЕ!

И он убежал,

И послышался стук,

И мы увидали

Огромный сундук.

Сундук на спине

У Кота в котелке...

— Сейчас вы увидите,
ЧТО в сундуке!
Смотрите! — сказал кот,
Вскочив на сундук. —
Вам очень понравится
Новый мой трюк.
Мой трюк не один,
В сундуке их две штуки.
Не бойтесь их —
Это хорошие Трюки.
А дальше мы с Салли
Смотрели с испугом,
Как Трюки
Помчались
Вперед
Друг за другом,
И с гиком
И криком
Махали руками!
А змеи
Со свистом
Носились
Кругами!
И тыкались
В стены!..
И стучались
Лбами!..

И падали стулья,
И хлопали двери!
А Трюки скакали,
Как дикие звери,
По лестнице вверх
И по лестнице
Вниз!

И мамин халат

На веревке
Повис!
Да, мамин халат!
Он махал рукавами!..
И Салли шепнула:
— Что скажем мы маме?
— Ой! — пискнула Рыбка. —
Смотрите сюда!
Я вижу ее!
Вашу маму!
Да-да!
Ах, так я и знала!
Ах, вам говорили!..
Вот мама увидит,
Что мы натворили!
Что будет!
Что будет!
Мы ЭТО не сможем убрать
НИКОГДА!
И тут!..
Мы услышали стук:
Тук-тук-тук!
Кто там?
Ну, конечно же КОТ —
Тут как тут!
— Не бойтесь! — сказал кот. —
Хоть я и не маг,
Но что-то еще покажу вам.
Итак...
И он, как волшебник,
Проворно и ловко
Убрал и пирог,
И халат,
И веревку,
Три книжки и чашку,
Матроса,

Кораблик,
И чайник!
И веер!
И Рыбку!
И грабли!..
Все стулья расставил,
Сказал: «Хорошо», —
Кивнул на прощание нам
И ушел.

Тут мама вошла
И спросила с порога:
— Во что вы играли?
Скучали?
— Немного...

И мы не сказали
О том, что тут было...
А ТЫ бы сказал,
Если б мама спросила?

1957

ГЕРТРУДА МАК-ФОЗ

(Пер. Л. Зимана)

Жила-была птичка Гертруда Мак-Фоз.
У ней был, как перышко, маленький хвост.
В полете тот хвостик был виден едва.
А вот у подружки хвостов целых два!
Когда достигала она высоты,
То по небу плыли, как весла, хвосты!
Гертруда глядела на Лолу-Ли-Лью...
И дулась она на подружку свою!

От зависти даже лишилася сна.
— Нет, это нечестно, — пищала она.

Что ж делать? Гертруда чирикает:
— Дай-ка,
Спрошу я у дядюшки, доктора Дайка.
Дайк офис держал на вершине березы.
К нему прилетев, обратилась сквозь слезы Гертруда:
— Прости меня, доктор, прости!
Скажи только, где мне лекарство найти,
Чтоб хвостик мой смог хоть чуть-чуть подрасти.

— Вот новость! Твой хвост по законам природы
Дарован всем птицам из вашей породы.

Гертруда в ответ замахала хвостом,
И голос ее зазвучал, словно гром,
Захлопала крыльями что было сил —
И дядюшка Дайк ей тогда уступил,
Сказал:

— Коль достигнешь вершины холма,
Средь разных плодов распознаешь сама
Те ягоды, что на лозе — не по ветке.
Ягоды эти пиллюли-таблетки.

— Спасибо! — она пропищала ему
И тут же стремглав полетела к холму.
Гертруда пиллюли-таблетки клюет.

— Как горько!
Гримаса скривила ей рот.

— Фу, мерзость!
В отчаянье машет хвостом,
Как будто все тело сдавило хлыстом.
Страдает от боли Гертруда Мак-Фоз,
Но смотрит с надеждою:

Хвост не отрос?

И крепко сжимает свой клюв, как в бою.

Ан глядь: два хвоста!

Как у Лолы-Ли-Лью.

О боли Гертруда тотчас позабыла,
Пилюли-таблетки рвет с новой силой.
И холм огласил ее голос веселый:
— Мой хвост будет лучше, чем даже у Лолы.
Но после пилюли-таблетки второй
Раздался ее оглушительный вой.
Однако она овладела собой.
— Я не о-то-йду от лозы, хоть умри!
Ан глядь! А хвостов уж не два — целых три!
Вот это удача!
Такая, что слов нет,
А Лола, наверно, от зависти лопнет.
И так разыгрался у ней аппетит!
Она на лозу с вождельем глядит.
Противно!
Но надо еще постараться
Склевать восемь ягод... нет, десять... двенадцать.
Она ухитрилась все ягоды съесть:
Их было три дюжины: тридцать и шесть.
От ветра волнуются, мягко шуршат,
Блестят, как алмазы! Как шелк, шелестят!
Такие хвосты — королевский наряд!
Какие хвосты!
И все разной длины —
Такого еще не видала природа.
Расти и цвести продолжали они
До самого
Солнца
Захода!

Ну что же, пора возвращаться домой;
Гертруда взмахнула своими крылами.
И вдруг побледнела и вскрикнула:
— Ой!

— На помощь!
Пот лился с Гертруды ручьями.
Хвосты тяжелы. Их с земли не поднять.
Не может взлететь... ни пройтись... пробежать...
Весь холм помрачнел, стал соленым от слез.
Но кто же
Поможет
Гертруде Мак-Фоз?
Приклеена к месту... Но вдруг замечает:
Летит скорой помощи целая стая.
Ее добрый дядя — как ни был далек —
Услышал Гертруду и тут же помог.
И каждая птичка, взяв в клюв по хвосту,
В полет устремилась, набрав высоту.

Как долго до дома Гертруды летели!..
Неделя прошла... Десять дней... Две недели!
Но вот прилетел санитарный отряд.
Как крылья устали! И клювы болят!
Гертруде хвосты еще вытащить нужно...
Не два и не три, а почти что три дюжины.
Да, доктору Дайку пришлось постараться,
Чтоб сделать подряд тридцать пять операций!
Проворна, как прежде, Гертруда Мак-Фоз.
У ней, словно перышко, маленький хвост,

ДЖОН ЧИАРДИ

(р. 1916)

Джон Чиауди не только американский поэт, критик, переводчик, но и ученый: у него есть научные изыскания в области литературы и фольклора. Кроме того, он — профессор Колумбийского университета. Джоном Чиауди написано много сказок, стихов, песенок, считалок, загадок для детей. Начал писать «стихийно» — в процессе игры сначала с маленькими

племянниками, а потом и с собственными детьми. Он выпустил в серии для начинающих читать поэтическую книгу «Я встретил человека» (1963).

Чиарди умеет подметить в привычном необыкновенное, нелепое, смешное. Богата эмоциональная гамма его стихов: в них близко соседствуют грусть, ирония, язвительная сатира. Чиарди заметил однажды, что в поэзии для детей ему больше всего претят приторность и однообразие — когда стихи «написаны как будто губкой, которую окунули в теплое молоко да еще посыпали сахаром».

В сборнике поэта встречаются веселые и грустные стихи, иронические и насмешливо-критические — про хвастуна жука: «Все привык я делать сам: ползать сам и сам купаться, сам тонуть и сам спасаться», и про трусишек-мальчишек («О том, кого сажать в мешок»), стихи-загадки про слона («О том, кто получился из кляксы»), про того, у кого три глаза («Светофор»), про того, кто пел над соснами («Ветер»).

Советское издание этой книги Джона Чиарди называется «Еще одно эхо». В самом названии как бы заключена часть оценки творчества Чиарди: он пишет о вещах, знакомых даже детям, но по-своему, как бы обогащая этим уже накопленный детьми опыт, удивляя их многообразием одного и того же явления, предмета, свойств человеческого характера, будя их фантазию и незаметно воспитывая. Завершается книга поэтической сказкой «Джон Джей Пленти и кузнечик Дэн», являющейся своего рода переделом известной басни про стрекозу и муравья.

Для современных американцев такой вывод звучит как нельзя более актуально и выражает серьезный, искренний протест против угнетения духа, интеллекта, свободного творчества капиталом, делячеством, торгашеством. Все это дает право говорить о книге стихов Джона Чиарди как о ярком явлении современной американской поэзии.

На русский язык переведено большое количество стихотворений Джона Чиарди. Переводами занимались Р. Сеф и Г. Кружков.

ДЖОН ДЖЕЙ ПЛЕНТИ И КУЗНЕЧИК ДЭН

В лесу	Весь день
В одном из прелых пней	С утра и дотемна
Жил Джон Джей Пленти —	Личинки,
Муравей.	Щепки,
Работал Джон	Семена.
Что было сил,	На зорьке,
В свой муравейник	Утренней порой,
Он носил	Джон Джей

Вставал в неровный строй
Таких же
Рыжих муравьев.

И всем доволен был
Джон Джей,
И шел в поход
Без лишних слов
Весьма почтенный
Муравей.

Пускай работа
Тяжела,
Зато на лад
Идут дела,

И Пленти,
Волоча жука,
Кричал: — Вперед!

Зима близка!
Вокруг шумел
Дремучий бор,
Пел птиц лесных
Согласный хор,

Но был Джон Пленти
Не таков,
Чтоб слушать
Глухих соловьев.
Он жирных гусениц
Таскал,
Молочных тлей
В листве искал,

Готовил на зиму запас.
И каждый день,

И каждый час
Он повторял:

— Друзья, вперед! Не медлите!
Зима идет!

И жил бы он,
Не зная зла,
Но у него
Сестра была.
А каждый знает,
Что сестра
Не всех
Доводит до добра.

Так и случилось.
Вечерком
На ближнем поле,
Под цветком,
Ей повстречался
Дэн — кузнечик,
Смешной
Зеленый человечек,

Который только-то и мог,
Что дергать
Травяной смычок,
Пиликать
На зеленой скрипке
И вечно
Совершать ошибки.

И, неизвестно
Почему,
Сестра Жи-Джей
Ушла к нему,

А он с рассвета
до рассвета
Играл на скришке
Песню лета.

И пела скрипка
Вместе с ветром
О солнышке,
Большом и светлом;

О том, что дни
Бегут за днями;
О том, что мы
Взрослеем с вами.

Прямые сосны
На опушке
Склоняли песне в такт
Верхушки,

Качались
Синие дубравы,
Покачивались
В поле травы,

И, улыбаясь
Песне той,
Крутился важно
Шар земной.

Пришла на смену лету
Осень,
Лес золото
На землю бросил,

А скрипка пела:
«Все идет,

Всему приходит
Свой черед,

Листва летит,
Трава желтеет,
Одна лишь песня
Не стареет...»
Дубы столетние
В печали
Кривыми сучьями
Качали,

Молчали ели,
Но смола,
Как слезы,
По стволам текла.

А Пленти,
Волоча жука,
Кричал: — Вперед!
Зима близка!

Прожить без скрипки —
Ерунда,
Ведь скрипка —
Это не еда.

Зато без крова
И еды
Нам всем
Не миновать беды.

Он звал сестру:
— Вернись домой!
Замерзнет
Твой скрипач зимой,

А с музыкантом
Ни за грош
И ты сестрица,
Пропадешь.

Сестра сказала:
— Милый Джон,
Я не вернусь.
Родным — поклон.
— Ну хорошо! —
Вскричал Джон Джей.
— Посмотрим,
Кто из нас умней.
Беги скорее
К скрипачу,
Тебя я видеть
Не хочу!

Зато,
Когда придет зима,
Ищи себе приют
Сама.

Зимой зеленый
Мутный лед
Все реки и ручьи
Скует,
Поля покроет
Плотный снег,
И скрипка
Замолчит навек.

...И впрямь
(Как смог он угадать!)
Помалу
Стало холодать.

Сначала чуть,
Потом чуть-чуть
В термометре
Упала ртуть.

Еще чуть-чуть,
И сразу — хлоп! —
Мороз.
И на дворе — сугроб.

Но Джон Джей Пленти,
Прежде чем
Захлопнуть двери
Насовсем,

Взглянул вокруг.
Вокруг бело.
Все белым снегом
Замело,

И только на деревьях,
Синий
Сверкает звездочками
Иней.

Над мертвым полем
Тишина,
И скрипка больше
Не слышна.

И Джон,
Сдержав
Печальный вздох,
Сказал:
— Ну все, конец,

Скрипач наш больше
Не жилец,
Да будет смерть его
Уроком
Всем скрипачам
И лежебокам.

Пусть воет ветер,
Я тем часом
Отправлюсь вниз,
К моим запасам.

И он спустился вниз.
А там
Еда
Лежала
По углам.

Подумал Джон:
«Ну что бы съесть?
Припасов здесь
За год не счесть:

Вот ветчина
Из мотыльков,
Вот макароны
Из цветов...»

Он, было, сел
За свой обед,
Но вдруг
Воскликнул громко:
— Н-е-е-т!

Я, видимо,
Сошел с ума —

Ведь будет
До-о-олгая зима,

И есть я должен
Понемножку,
Раз в месяц —
Маленькую крошку.

Зато
На следующий год
Совсем не буду
Знать забот.

И правильно
(Скажи на милость!).
Зима
Почти до марта
длилась.

И как ни странно,
Но в апреле
Лучи
Замерзший лес
Прогрели.

Когда весна
Погнала стужу,
То выполз
Мудрый Джон
Наружу.

Голодный, бледный
И худой,
Он полз
За новою едой.

И, ковыляя
С бугорка,
Кричал: — Вперед!
Зима близка!

Но что это?!
За ближней чащей
Услышал он
Напев звенящий.

Звучала музыка весны,
И, солнышком
Озарены,
Прямые сосны
На опушке
Склоняли песне в такт
Верхушки.

Качались
Синие дубравы,
Покачивались
В поле травы,
И, улыбаясь
Песне той,
Крутился важно
Шар земной.

Кузнечик Дэн
Играл на скрипке,
Вокруг него
Цвели улыбки,

И Джон заметил
Слабым взглядом
Кого-то,
Кто стоял с ним рядом.

Но кто?
Ах, Джон,
Очки наденьте —
Ведь это
Бывшая Мисс Пленти!

И ослабевший Джон,
Бранясь,
Свалился носом
Прямо в грязь.

И вот что сообщу я вам
(Прислушайтесь
К моим словам):
Накопишь много
Или мало,
Накупишь соли
Или сала,
Сошьешь костюм
Иль три наряда —
Не в этом радость
И награда.

А вот
Без скрипачей
И песен
Наш мир
Совсем неинтересен.

Без песен
Липы не цветут,
Без песен
Реки не бегут,
И шар земной,
Как ни проси,
Не повернется
На оси.

Еще скажу о том,
Что тоже
Нам с вами
Забывать негоже:
Зимой,
Когда бушует вьюга,
Кузнечикам,
Конечно, туго.

А иногда и так бывает,
Что кое-кто
Не выживает.

Но песня вечная жива —
Весной,

Когда взойдет трава,
Весь лес огромный,
Все зверье
И все ручьи
Поют ее.

И третье,
То, что надо знать
Тому,
Кто хочет умным стать:

НЕТ НИЧЕГО НА СВЕТЕ
ХУЖЕ,
ЧЕМ СЛУШАТЬ ПЕСНЮ,
ЛЕЖА В ЛУЖЕ.

1957

ЯН БЖЕХВА

(1898—1966)

Ян Бжехва — польский поэт, писатель, переводчик. Настоящее имя и фамилия: Ян Виктор Лесман. «Бжехва» же означает «шутник», «болтун». Родился 15 августа 1898 года в Жмеринке (ныне в Украине).

Из-под пера Яна Бжехвы выходили как стихи и песни, так и сказки, фантастические повести и басни. Также Бжехва переводил на польский язык произведения русских авторов: Пушкина, Чехова, Ильфа и Петрова. Наибольшую популярность принесли сказки про пана Кляксу: «Академия пана Кляксы» (1946), «Путешествия пана Кляксы» (1961) и «Триумф пана Кляксы» (1965). Все сказки были экранизированы Кшиштофом Градовским в 1983, 1986 и 2001 годах. В 1989 году был снят фильм «Пан Клякса в космосе» по оригинальному сценарию.

ДЫРКИ В СЫРЕ

(Пер. Б. Заходера)

— Скажите,
Кто испортил сыр?
Кто в нем наделал
Столько дыр?

— Во всяком случае,
Не я! —
Поспешно хрюкнула
Свинья.

— Загадочно! —
Воскликнул Гусь. —
А га-гадать
Я не берусь!

Овца сказала, чуть не плача:
— Бе-е-зумно трудная задача!
Все непонятно, все туманно —
Спросите лучше
У Барана!

— Все зло от кошек! — произнес,
Обнюхав сыр,
Дворовый пес,
— Как дважды два — четыре,
От них и дырки в сыре!
А Кот сердито фыркнул с крыши:
— Кто точит дырки?
Ясно — мыши!

Но тут Ворону бог принес,
— Ура!
Она решит вопрос.

Ведь, как известно,
У нее
На сыр
Особое чутье!

И вот поручено
Вороне
Проверить дело
Всесторонне...

Спеша раскрыть загадку дыр,
Ворона
Углубилась

В сыр.
Вот
Дырки
Шире,
шире,
шире...
А где же сыр?
Забудь о сыре!

Заголосил весь скотный двор:
— Разбой! Грабеж! Разор! Позор!
Взлетела на забор
Ворона
И заявила
Оскорбленно:
— Ну, это, знаете, придирки!

Вас
Интересовали
Дырки?
Так в чем же дело?
Сыр я съела,

А дырки
Все
Остались целы!

На этом был окончен спор,
И потому-то
До сих пор,
Увы,
Никто не знает
В мире,
Откуда все же
Дырки в сыре!

ЮЛИАН ТУВИМ

(1894—1953)

Юлиан Тувим — польский поэт. Родился 13 сентября 1894 года в польской еврейской семье в городе Лодзь. Окончил там школу и в 1916—1918 годах изучал юриспруденцию и философию в Варшавском университете.

Дебютировал в 1913 году стихотворением «Просьба», опубликованном в «Варшавском курьере». В 1918 году выходит первый сборник его стихов «Подстерегаю Бога». На Тувима сильно повлияли такие поэты, как У. Уитмен и А. Рембо. В его поэзии часто использовался разговорный, повседневный язык. Для начального периода творчества Тувима характерны элегические и подчеркнuto интимные мотивы, однако постепенно поэт все больше открывает для себя многогранность жизни простых людей. В стихотворениях «Нужда», «Лето бедняков», «Стихи о погибшей надежде» выражено сочувствие поэта горю бедняков. В то же время Тувим зло издевается над ограниченностью буржуа, над обывателями («Мещане», «14 июля»). Оптимизм, отраженный в его ранних стихах, постепенно заменился горьким и опустошенным мировоззрением. Его поэма «Бал в опере», сатирически изображающая польское правительство, была запрещена цензурой.

Юлиан Тувим был одним из основателей экспериментальной литературной группы «Скамандр» в 1919 году. С 1924 года Тувим вел еженедельную колонку в газете «Литературные новости», много писал о задачах искусства и поэзии: «Поэзия», «Словом в кровь», «Лучше дробить булыжники». В 1930-е годы поэт вместе с другими польскими писателями протестовал против готовящейся войны; его протест особенно сильно

прозвучал в стихотворении «Простому человеку». Проведя в эмиграции 1939—1945 годы, он продолжал выступать против фашизма.

Тувим был не только замечательным лириком, но и сатириком, много писал для детей, талантливо переводил произведения Пушкина, Некрасова, Маяковского и других русских поэтов.

Во время второй мировой войны Тувим жил в Америке. В 1946 году возвратился на родину. Последние его стихотворения, написанные в Польше («Знамя», «Восклицание», «Политические ямбы», «С востока свет»), проникнуты верой в жизнь. Русским же читателям он более всего известен в переводе С. Я. Маршака.

ПОДСНЕЖНИК

Кто там, кто там из-под снега
Выглянул на свет?
Это он — подснежник ранний,
Вешний первоцвет.

Будто спрашивает: — Можно,
Можно ли взойти,
Лепестки раскрыть на воле
И расти-цвести?

Вы скажите: — Можно, можно!
Греет солнце днем.
И тебя, наш гость желанный,
Уж давно мы ждем.

Собери цветы, подруга,
Шелком перевей
И согрей подснежник зябкий
На груди своей.

Скоро-скоро он увянет.
Но зато в лесу
Синий глаз фиалки глянет
Утром сквозь росу.

1920

СТОЛ

Выросло дерево в нашем Полесье,
Статное, рослое — до поднебесья.

Хлопцам пришлось поработать немало,
Прежде чем дерево наземь упало.

Добрые кони в пене и мыле
На лесопилку его притащили.

Пилы его распилили на доски,
Зубья погнули о ствол его жесткий.

Доски и планки были шершавы.
Взял их в работу столяр из Варшавы.

Опытный мастер Адам Вишне夫斯基
Ладит рубанки, пилы, стамески.

Долго строгал он, клеил, буравил,
Прежде чем славный стол этот справил.

Вот сколько нужно трудного дела,
Чтоб за столом ваша милость сидела!

1920

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ...

Дай оленю два крыла —
Обогнал бы он орла.

Кабы кукла платье шила,
У нее бы платье было.

Кабы хлеб валился с неба,
Всем бы вдоволь было хлеба.

Будь река из молока,
Был бы сыр наверняка.

Кабы май стоял всю зиму,
Не бывать бы в доме дыму.

Кабы в речке были печки,
Ты бы ел уху из речки.

Так-то так. Но польза есть ли
Нам от слов «кабы» да «если»?

1920

КАБЫ СТАЛ Я КОРОЛЕМ...

Кабы стал я королем,
Каждый в краю моем
Королю давал бы за год
По корзине сладких ягод.

В день рожденья моего
Я б устроил торжество,
Чтобы дети в тронном зале
В школу-мячики играли,
А вельможи короля
Раздавали кренделя.

Не кредитные билеты
Я завел бы, а монеты
И купил бы семь полков
Замечательных стрелков,
Оловянных, деревянных,

За сто талеров чеканных.
Я издал бы манифест:
«Каждый в пост сметану ест.
Выдавать по воскресеньям
Всем по бублику с вареньем!»

Я купил бы перстень маме,
Чтоб светился вечерами,
Батьке — пенковый чубук
И кремней двенадцать штук.

А сестре на именины
Дал бы куклу — не из глины,
А живую, чтоб в ответ
Говорила «да» и «нет».

А соседу-забияке
Я бока намял бы в драке,
Чтобы он, покуда цел,
Короля дразнить не смел!

1920

ДЖАННИ РОДАРИ

(1920—1980)

Родари родился 23 октября 1920 года в маленьком городке Оменья (северная Италия). Его отец, булочник по профессии, умер, когда Джанни было только десять лет. Родари и его два брата, Чезаре и Марио, росли в родной деревне матери Варесотто. Болезненный и слабый с детства мальчик увлекался музыкой (брал уроки игры на скрипке) и книгами (читал Ницше, Шопенгауэра, Ленина и Троцкого). После трех лет учебы в семинарии Родари получил диплом учителя и в возрасте 17 лет начал преподавать в начальных классах местных сельских школ. В 1939 году некоторое время посещал филологический факультет Миланского университета. Во время второй мировой войны Родари был освобожден от службы из-за плохого здоровья. После смерти двух близких друзей и заключения брата Чезаре в

концентрационном лагере стал участником Движения Сопротивления и в 1944 году вступил в Итальянскую коммунистическую партию.

В 1948 году Родари стал журналистом в коммунистической газете «Унита» (*L'Unita*) и начал писать книжки для детей. В 1950 году партия назначила его редактором только что созданного еженедельного журнала для детей в Риме. В 1951 году Родари опубликовал первый сборник стихов «Книжка веселых стихов», а также свое известнейшее произведение «Приключения Чиполлино» (русский перевод увидел свет в 1953 году), получившее особенно широкую популярность в СССР.

В 1952 году Родари впервые поехал в СССР, где затем бывал неоднократно. В 1953 году женился на Марии Терезе Феретти, которая через четыре года родила ему дочь Паолу. В 1957 году писатель сдал экзамен на звание профессионального журналиста. В 1966—1969 годах Родари не публиковал книг и лишь работал над проектами с детьми.

В 1970 году писатель получил престижную премию Г. Х. Андерсена, которая помогла ему приобрести всемирную известность. Также писал стихи, дошедшие до русского читателя в переводах С. Маршака.

Родари умер от тяжелой болезни 14 апреля 1980 года в Риме.

ЧИЧЧО

Чиччо в подвале живет, у помойки,
Спит на скрипучей, распатанной койке.
Стол хромоногий да табурет —
Больше в подвале мебели нет.

Там, наверху, за окошком подвала,
За день народу проходит немало.
Если взобраться в углу на мешки,
Можно считать за окном башмаки.

Есть на земле и сады, и поляны.
Тысячи брызг рассыпают фонтаны.
В темном подвале по стенке всегда
Медленной струйкой стекает вода.

Мокрую стенку потрогает мальчик
И пососет свой измазанный пальчик.

1958

НЕАПОЛЬ БЕЗ СОЛНЦА

В Неаполе — в городе яркого света —
Есть переулочек Паллонетто.

Кривой переулок темен и тесен —
Без неба, без солнца, без моря, без песен.

А будет ли песня кем-нибудь спета
Для тебя, мой Неаполь, без неба, без света?

1958

КРАСНЫЙ СВЕТ

Красный свет —
Проезда нет.

Очень волнуется поезд курьерский:
— Эй, уберите сигнал этот дерзкий!

Сделать прошу для меня исключение.
Я — поезд особого назначения.

Красный свет —
Ни слова в ответ.

Смотрит во тьму немигающий свет. Поезд курьерский
свистит:
— Издевательство! Я за границу везу их сиятельство!

Красный сигнал молчаливо горит —
Он с поездами не говорит.

Поезд гудит: — Это просто нахальство!
Я извещу телеграммой начальство!

Едет во мне господин адмирал!..
— Светит по-прежнему красный сигнал.

Слушайте, граждане! Если случится,
Поезд войны по дорогам помчится —
Зажигайте красный свет.
Стоп, машина!
Хода нет!

1958

СЛУЖАНКА

Вечно ворчит
На служанку хозяйка:
— Плохо погладила
Платье, лентяйка,
Окна не вымыты,
Пол не натерт,
Ложка пропала,
Не выпечен торт.
Дня не проходит
Без новой придирки:
Соус без соли,
Крендель без дырки,
Кот не накормлен,
Кофе не молото,
Плохо начищены
Бронза и золото.
Лопнул стакан
И разбиты две банки...

Туго приходится
Бедной служанке!

1961

ОТКРЫТКИ С ВИДАМИ ГОРОДОВ

Открытки, блещущие глянцем,
Распродаются иностранцам.

Милан с прославленным собором.
Рим: Капитолий, Купол, Форум.
Неаполь с морем и вулканом,
Откуда вьется дым султаном.
Вот Пиза со своей всегдашней
Наклонной — падающей — башней.
Вот Генуя с морскою гаванью
И с кораблем, идущим в плаванье...

А что скрывается внутри —
Ты за открытку посмотри.

Вправду ли, вечно гоняя гондолы,
Венецианцы поют баркаролы?
Вправду ль, Неаполю только и дела —
Глазеть на вулкан да плясать тарантеллу?

Может, и так. Но я верю глазам,
Верю тому, что увижу я сам.

Разрешите мне, синьоры,
За открытку кинуть взоры.
Узнать, как дела у людей обстоят,
Что делают люди, о чем говорят,
Кто горюет, веселится,
Кто без ужина ложится,
Кто зимой не защищен
От дождя и снега,
У кого отличный сон,
Только нет ночлега.

Загляните-ка, синьоры.
За открытку, на которой
Парки, башни и соборы...

1961

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ПОЕЗДОВ

Шесть тысяч длинных поездов
Бегут по рельсам каждый день
От городов до городов,
Минуя сотни деревень.

Один уходит за другим
В Милан, Турин, Сиену, Рим.

Мчатся в Неаполь, Верону, Венецию,
В Геную, Лукку, Флоренцию, Специю.

Быстро везет паровоз из депо
Нас через реку по имени По.

В Реджо Калабрия поезда
С берега сами идут на суда.

Если бы встретить их вереницей —
Все эти тысячи поездов, —

Был бы передний в горах, у границы,
Задний — у южных морских берегов.

Поезд по рельсам ведет машинист.
Смотрит, чтоб путь был свободен и чист.

Он управляет движеньем колес,
Может в пути задержать паровоз.

Очень советую вам я, синьоры,
Не затевать с машинистами ссоры!

1961

СТИШОК ПРО ЛЕТНЮЮ ЖАРУ И ГОРОДСКУЮ ДЕТВОРУ

Приятно детям в зной горячий
Уехать за город на дачи,
Плескаться в море и в реке
И строить замки на песке.

А лучше — в утренней прохладе
Купаться в горном водопаде.

Но если вас отец и мать
Не могут за город послать,

На каменной лестнице,
Жарко нагретой,
Вы загораете
Целое лето.

Или валяетесь
Летом на травке
На берегу
Водосточной канавки.

Если б меня президентом избрали,
Я бы велел, чтобы в каждом квартале
Каждого города всем напоказ
Вывешен был мой строжайший приказ:

1.

Детям страны президентским декретом
Жить в городах запрещается летом.

2.

Всех ребяташек на летнее жительство
Вывезти к морю. Заплатит правительство,

3.

Этим декретом — параграфом третьим —
Горы Альпийские дарятся детям.

Заключение:

Кто не исполнит приказа, тому
Будет грозить заключение в тюрьму!

1961

МАСТЕР ПЛЕТЕНОЙ МЕБЕЛИ ИЗ ГОРОДКА БЕЛЛУНО

Плетет он стулья,
Чтоб вы сидели,
А сам сидит он на панели.

Кто делает автомобили,
Бредет по улице пешком.
А те, что вам ботинки шили,
Частенько ходят босиком.

Порой у пчел нет меда в улье,
У земледельца нет земли,
А человек, плетущий стулья,
Сам на земле сидит в пыли.

1961

НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КНИГА

Современная детская научно-познавательная литература поднимается на новую высоту, что связано с гуманизацией общественного сознания. Постепенно преодолевается отношение к человеку как к винтику в огромной государственной машине. Изменяются научные представления о природе, технике, космосе. Профессор Н. М. Дружинина подчеркивает, что основная цель научно-познавательной книги — «воспитать умственную активность своего читателя, приобщить его к великому миру науки». Все произведения, которые входят в этот круг чтения, принято представлять в виде двух связанных частей: литературы научно-художественной и собственно-познавательной, или научно-популярной. *Научно-художественная литература* — это особый род литературы, обращенный преимущественно к человеческому аспекту науки, к психологии научного творчества, к философским истокам и последствиям научных открытий. Такая литература сочетает в себе образность повествования с документальной точностью. Она рождается на стыке художественной, документальной и научно-популярной литературы. Научно-художественная книга призвана формировать у юного читателя любознательность как свойство личности, учить его точности мышления и знакомить в описательной форме с научными знаниями, которыми владеет человечество.

Человек и история, человек и природа — так можно обозначить основные проблемы в научно-художественной литературе. В освещение проблемы человека и истории в книгах для детей наибольший вклад внес С. Алексеев, создавший целый художественный мир русской истории.

Авторы книг (Н. Сладков, С. Сахаров, Г. Снегирев, Н. Романова, И. Акимущкин и др.) стремились дать читателям представление о единстве мира, внушить мысль об ответственности человека за сохранение общего дома — прекрасной планеты Земля.

Научно-популярные произведения призваны сообщать детям знания, известные человечеству, приучать их пользоваться справочной литературой, где эти знания изложены, сообщать научные понятия, термины, которыми пользуются в определенной области знаний, интересующей ребенка. Примером могут являться произведения И. Акимущкина, Ю. Дмитриева.

Познавательная литература формирует у детей научные взгляды на природу и общество, она незаменима для развития интеллектуальных способностей, способствует воспитанию чувства прекрасного.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СЛАДКОВ

(1920—1996)

Замечательный русский писатель Николай Иванович Сладков все свое творчество посвятил природе. Как каждый талантливый писатель, он открыл в ней что-то свое и писал о ней по-своему.

Родился Николай Иванович в 1920 году в Москве, но всю жизнь прожил в Ленинграде. С детства он любил природу и интересовался ею. Со второго класса начал вести дневники, куда записывал свои первые впечатления и наблюдения. С Виталием Валентиновичем Бианки — замечательным писателем, ставшим его учителем, другом и единомышленником — он познакомился, будучи юннатом. Вместе с Бианки он много лет готовил радиопередачу «Вести из леса», отвечал на многочисленные письма слушателей. Профессия военного топографа помогла Николаю Ивановичу в работе над книгами.

В 1953 году вышла первая книга Сладкова «Серебряный хвост». Всего Николай Иванович написал более шестидесяти книг. За книгу «Подводная газета» он получил Государственную премию имени Н. К. Крупской.

Всю жизнь Н. И. Сладков был защитником природы, всем своим творчеством помогая людям ценить и любить ее красоту, видеть необыкновенное в природе своими глазами.

ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ

Жил я в лесу. Совсем один.

Скучно одному. «Вот бы, — думаю, — щеночка себе завести. Веселого, ласкового. Учил бы его уму-разуму — скуки бы и не было».

Но в лесу щенков нет. Собрался в деревню. А дорога туда была не близкая.

Вышел я из лесу, пошел полем. Шел-шел — устал. Присел отдохнуть.

ПОСЛУШНЫЙ МАЛЫШ

Смотрю: впереди меня бежит желтенький куличек — зук¹ — галстучник. За ним катятся четыре зуйчонка величиной с наперсток, на высоких ножках.

¹ Зук — небольшая птица.

Путь зуйкам пересекла узкая лужица. Зуйчиха на крылья — и перелетела воду. А у зуйчат еще и крыльев нет: один пух. А все равно и они не остановились: мах-мах ножками по воде как по песку. Такие легкие, что и вода их держит. Я даже вскрикнул от удивления.

Зуйчиха-мама оглянулась на меня с того берега лужи и негромко сказала своим зуйчатам:

— Пи-у!.. Ложись!

Трое зуйчат были уже на том берегу лужи. Услышав приказ матери, они разом припали к земле и пропали из глаз: их серо-желтые спинки слились с желтым песком и серой галькой.

А четвертый зуйчонок не успел перебежать лужу — и плюхнулся прямо в воду. Только головка его была на песке, а все тельце — в воде: он лег там, где его застала команда: «Пи-у!.. Ложись!».

Я перешагнул лужу, сел на камень рядом с послушным птенчиком.

«Дай, — думаю себе, — дождусь, что он дальше будет делать».

Птенчик лежал, не шевелясь. Было ему плохо: вода холодная, пушок намок, пальчики упирались в камешки на дне лужи, но он не шелохнулся. Даже черненькие бусинки-глазки не моргали. Мама велела лечь — и он послушно лежал.

Я сидел долго, так долго, что у меня нога затекла. Я шаркнул ею около самого носа зуйчонка, но он не шелохнулся.

Комары одолели. Один комар сел зуйчонку на голову, проткнул ему носом кожу и стал толстеть — наливаясь кровью. На крошечной головке птенчика он казался чудовищем и все рос, рос на глазах, наполняя брюхо алой кровью.

Зуйчонок чуть прижмурил от боли глаза, но терпел — и не трогался с места.

А мое терпение лопнуло. Я наклонился и щелчком сшиб комара с бедного птенчика. Потом осторожно взял продрогшего птенчика двумя пальцами поперек тельца и поднял к своим губам.

— Полно тебе в прятки-то играть! — сказал я ему, осторожно прикасаясь губами к нежному пушку на его голове.— Беги, догоняй маму.

Но зуйчонок и не моргнул. Я положил его на сухое место, подальше от воды. Зуйчонок не шелохнулся.

«Уж не умер ли он», — с тревогой подумал я. И вскочил с камня.

Это мое движение испугало зуйчиху-маму, скрывавшуюся где-то в камнях дальше к берегу.

— Кру-кру! — вскрикнула она оттуда. — Вскакивай! Беги!

В один миг вскочили на ножки все четыре зуйчонка и — чик-чик-чик! — стремглав понеслись к зуйчиче.

«Ну-ну! — сказал я себе. — Если бы я так свою маму слушал в детстве, так, верно, вышел бы из меня толк. Куда уж мне учить таких...»

И пошел домой через большое лесное болото.

1955

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Грачи прилетели!

И потекли сосульки, затрещал лед, расплзлись снега. Вот-вот зазеленеет земля, заголубеют воды, задымится пашня. Грачи прилетели — весну принесли!

1966

ЛАСТОЧКА, ЛАСТОЧКА

— Ласточка, ласточка, что над водой летаешь?

— Комаров кусачих хватаю!

— А что над стадом порхаешь?

— Коров от мух гоняю!

— Ласточка-касаточка, что к облакам взмываешь?

- Ясные деньки высматриваю!
- А что над самой землей скользишь?
- О дожде-непогоде предупреждаю!

1967

ПОЧЕМУ ГОД КРУГЛЫЙ?

— Потому год круглый, — сказала Солнце, — что Земля вокруг меня мчится по кругу. Как полный круг сделает, так и год.

— И совсем не потому! — проскрипел дуб. — Год потому круглый, что за год на всех деревьях годовое кольцо нарастает. Как год — так новое кольцо. А кольцо — тоже круг!

— Нет, друзья, — прошептала Елка, — ведь всем известно, что мы, елки, круглый год зеленые. А как же мы могли бы быть зелеными, если бы год-то не был круглым?

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

Надоела зима. Вот бы лето сейчас!

— Эй, Свиристель, ты бы лету обрадовался?

— Спрашиваешь еще, — Свиристель отвечает. — Перебиваюсь с рябины на калину, оскомины на языке!

А Сорока уже Косача спрашивает. Жалуется и Косач:

— Сплю в снегу, на обед одна каша березовая! Брови красные — отморозил!

Сорока к Медведю стучится: как, мол, зиму зимуешь?

— Так себе! — Миша ворчит. — С боку на бок. На правом боку лежу — малина мерещится, на левом — мед липовый.

— Понятно! — Сорока стрекочет. — Всем зима надоела! Чтoб ты, зима, провалилась!

И зима провалилась...

Ахнуть не успели — лето вокруг! Теплынь, цветы, листья. Веселись, лесной народ!

А народ лесной закручинился...

— Растерялся я что-то, Сорока! — Свиристель говорить. — В какое ты меня поставила положение? Я к вам с севера по рябину примчался, а у вас листья одни. С другой стороны, я летом на севере должен был, а я тут торчу! Голова кругом. И есть нечего...

— Натворила Сорока дел! — шипит сердито Косач. — Что за чушь? Куда весну подевала? Весной я песни пою и танцы танцую. Самое развеселое времечко! А летом только линять, перья терять. Что за чушь?

— Так вы же сами о лете мечтали?! — вскричала Сорока.

— Мало ли что! — Медведь говорит. — Мечтали мы о лете с медом липовым да с малиной. А где они, если ты через весну перепрыгнула? Ни малина, ни липа зацвести не успели — стало быть, ни малины, ни меда липового не будет! Поворачивайся хвостом, я его тебе сейчас выщиплю! Ух как рассердилась Сорока! Вильнула, подпрыгнула, на елку взлетела и крикнула:

— Провалитесь Вы вместе с летом!

И провалилось нежданное лето. И снова в лесу зима. Снова Свиристель рябину клюет. Косач в снегу спит. А Медведь — в берлоге. Ворчат все помаленьку. Но терпят. Настоящую весну ждут.

1968

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

Охотился я в горах на горных индеек.

Тишина — в ушах звенит. Жужжат на припеке мухи. Кругом горы, горы и горы. Вершины их, как острова, поднялись из моря облаков.

Разомлел я на припеке и заснул. Спал долго. Проснулся — солнце уже вечернее, с золотым ободком. От скал протянулись вниз узкие черные тени.

Еще тише стало в горах.

Вдруг слышу: рядом, за бугром, будто бык вполголоса: «Мууу! Мууу!» И когтями по камням — шарк, шарк! Вот так бык! С когтями...

Выглядываю осторожно: на уступе ската медведица и два медвежонка.

Медведица только проснулась. Закинула башку вверх, зевает. Зевает и лапой брюхо чешет, а брюхо толстое, мохнатое.

Медвежата тоже проснулись. Смешные: губастые, голоастые. Сонными глазами — луп-луп, с лапы на лапу переминаются, плюшевыми башками покачивают. Поморгали глазами, покачали башками — и схватились бороться. Лениво спросонок борются, нехотя потом разозлились и сцепились всерьез.

Кряхтят, упираются, ворчат.

А медведица всей пятерней — то по брюху, то по бокам: блохи кусают!..

Послюнил я палец, поднял — ветер на меня тянет. Перехватил ружье половчее, смотрю.

От уступа, на котором были медведи, до другого уступа, пониже, лежал еще плотный нестаявший снег. Дотолкались медвежата до края да вдруг и скатились по снегу на нижний уступ.

Медведица перестала брюхо чесать, через край смотрит. Потом позвала тихо: «Рррмуууу!»

Покарабкались медвежата наверх. Да на подгорке не утерпели и схватились опять бороться. Схватились и опять покатались вниз.

Понравилось им. Выкарабкается один, ляжет на пузечко, подтянется к краю, раз — и внизу! За ним второй. На боку, на спине, через голову. Визжат: и сладко, и страшно!

Я и про ружье забыл. Кому же придет в голову стрелять в этих неслухов, что штаны себе на горке протирают!

Медвежата наловчились: схватятся и катятся вниз вдвоем.

А медведица опять раздремалась.

Долго смотрел я на медвежью игру, потом вылез из-за камня.

Увидели меня медвежата, притихли, во все глаза глядят.

А тут и медведица меня заметила, вскочила, фыркнула, вскинулась на дыбы.

Я за ружье. Глаза в глаза смотрим.

Губа у нее отвисла, и два клыка торчат. Клыки мокрые и от травы зеленые.

Вскинул я ружье к плечу.

Медведица схватилась обеими лапами за башку, рывкнула — да вниз с горки, да через голову!

Медвежата за ней — снег вихрем! Я ружьем вслед мапу, кричу:

— А-а, растяпа старая, будешь спать!

Чешет медведица по скату так, что задние лапы за уши забрасывает. Медвежата сзади бегут, курдючками толстыми трясут, оглядываются. И холки горбиком, как у мальчишек-озорников, которых матери закутают зимой в платки, концы под мышки и на спине узел горбиком.

Убежали медведи.

«Эх, — думаю, — была не была!»

Сел я на снег и — раз! — вниз по накатанной медвежьей горке. Оглянулся — не видал ли кто?

И веселый пошел к палатке.

1962

БАРСУК И МЕДВЕДЬ

— Что, Медведь, спишь еще?

— Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался — пятый месяц без просыпу. Все бока отлежал.

— А может, Медведь, нам вставать пора?

— Не пора. Спи еще.

— А не просним мы с тобой весну-то?

— Не бойся! Она, брат, разбудит.

— А что она — постучит нам, песенку споет?

— Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось не залежишься! Спи уж, пока сухой.

1962

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

(р. 1922)

Сергей Петрович Алексеев родился 1 апреля 1922 года в селе Плисков Винницкой области в семье сельского врача. С 10 лет жил и учился в Москве. В 1940 году после окончания средней школы поступил в авиационное училище в г. Поставы, в Западной Белоруссии. Война застала его близ границы в полевом лагере. Алексеев был откомандирован в Оренбургское летное училище, без отрыва от учебы поступил на вечернее отделение исторического факультета Оренбургского пединститута, полный курс которого прошел за год и пять месяцев, получив диплом в 1944 году. По окончании летного училища был оставлен в нем инструктором и до конца войны учил молодых летчиков. С авиацией расстался в конце 1945 года из-за тяжелых травм, полученных в учебном полете.

В литературно-общественную жизнь Алексеев вошел сначала как редактор и критик, а потом уже и как писатель. С 1946 года — редактор издательства «Детская литература», с 1950 — ответственный секретарь, позже — председатель Комиссии по детской литературе Союза писателей СССР, автор статей по вопросам развития литературы для детей. В 1965—1996 годах — главный редактор журнала «Детская литература».

Первой книгой Алексеева была «История СССР. Учебная книга для 4-го класса» (1955). За 40 лет работы в литературе он создал более тридцати оригинальных книг, посвященных истории России на протяжении четырех веков: от середины XVI до середины XX века. Книги Алексеева получили широкую известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Его произведения издавались на 50 языках народов мира.

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец, — Ты и ружья не подынешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в теплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинёт легкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, еще никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студеную воду. Его не стра-

пили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов окреп. Шестнадцати лет он поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Пятьдесят четыре из них провел в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил ее фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боев и сражений провел Суворов. Во всех он был победителем.

1961

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость. И вот прошел слух: под Измаил идет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает. А дело глубокой осенью было.

— Отступить надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Для русского солдата дорога домой через Измаил идет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил. Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости.

Повторили солдаты все, чему их учил Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены.

Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались суворовские войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

1961

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА РОМАНОВА

(1933—2005)

Наталья Игоревна Романова — русская писательница-натуралист. Биолог Наталья Романова много лет писала о тех, кто вроде бы совсем не главный. «Семерка червей», «Два жука», «Косеножка», «Муравей Красная Точка», «У меня дома пчела» — вот типичные герои ее книжек. Только не подумайте, что перед вами унылый «науч.-поп.» с пересчетом лапок и замером усиков. Романова — честная писательница. Она не притворяется равноправной, а на самом деле уважает всех живых, даже почти незаметных. Умом уважает, а сердцем любит. Поэтому у нее получаются не сказки, не рассказы, а прямо-таки маленькие откровения для маленьких детей из жизни бабочек, кошек, птиц и даже дождевых червяков. Что же касается тоненькой, изданной четверть века назад (1983) книжки про ста-

рый пень, то эти несколько страничек — классика. Если хотите — триумф детской книги как таковой. Художник Геннадий Спириин, пожалуй, никогда больше не был так прекрасен, а добрые слова Натальи Романовой именно здесь прозвучали с простотой и силой притчи.

ЯЩЕРИЦА БЕЗ ХВОСТА

Глава 1

Изгнание Быстроног

Среди сетчатых ящурок — так зовут ящериц с черной сеткой на спине — живет в пустыне Каракум ящурка, о которой и пойдет рассказ. Назовем ее Быстроног, так как она действительно очень быстро скользит по песку благодаря «песчаным лыжам», которые вырастают у сетчатых ящурок прямо на ногах. (Это такие специальные зубчики на пальцах, они не дают проваливаться в песок.)

Надо сказать, что наш Быстроног страшно богат! Он владелец ста тридцати квадратных метров песка, трех кустов саксаула и всех насекомых, которые живут в их тени. Каждое утро Быстроног обходит свои владения: всюду надо оставить следы, чтобы каждый знал — это владения Быстронога и никто не имеет права претендовать на них.

Вот кто-то появился, Быстроног сразу же принимает агрессивную позу. Но это подруга Быстронога — такая же сетчатая ящурка, как и он. Мы еще о ней не говорили. Она тоже живет во владениях Быстронога. Будем называть ее Желтая Головка. Ведь головка у нее и вправду желтая, а сама она — милая и грациозная. Желтая Головка не в обиде на Быстронога, что он сразу не узнал ее. Свои богатства надо уметь защищать. Поэтому в каждом приходится сомневаться, и даже милую Желтую Головку надо признавать только вблизи, после того, как хорошо разглядишь.

Утренние часы, когда не так жарко, Быстроног и Желтая Головка всегда проводят вместе. Проверяют свои норки. (Песчаные норки легко осыпаются, и каждый день их надо

обновлять.) Ловят жуков и бабочек, а потом отдыхают. И тогда Желтая Головка кладет свою голову на шею Быстронога.

Однажды (тут, собственно, и начинается та история, о которой я хочу рассказать), когда наши ящурки грелись на солнышке, над пустыней пронеслась тень. Это Пустынный Ворон вылетел на охоту. Вместе ящурки уже спастись не могли. Желтая Головка юркнула в ближайшую норку, и Быстроног остался один на один с Пустынным Вороном.

Миг — и Быстроног взлетел вместе с Вороном в воздух. Казалось, для него все кончено. Но наш Быстроног не так прост, чтобы отдать себя на съедение Ворону. Быстроног схитрил: когда Ворон нацелился на него, он подставил ему свой хвост. А когда Ворон, схватив за хвост, поднял Быстронога в воздух, взял да и оставил хвост Ворону, а сам полетел вниз.

Некоторые ящерицы умеют, когда им грозит опасность, резко изогнув хвост, отбросить его. Унося хвост, Ворон был уверен, что уносит в клюве Быстронога, а Быстроног в это время уже лежал на песке.

ХВОСТЫ

Как вы думаете, нужны ли животным хвосты? Говорят, корове хвост нужен для того, чтобы отгонять мух. А лисе — чтобы заматывать следы. Птицам хвост служит рулем. И не только птицам. Тушканчик, убегая от врага, так быстро бежит на своих длинных ногах, что его все время заносит то вправо, то влево. Вот тут ему хвост и нужен: выруливать. С помощью хвоста тушканчик совершает такие неожиданные повороты, что ни одна собака не поймает. На хвосте у оленей — белая кисточка, которую оленята видят издалека и поэтому не теряются.

Ящерице-круглоголовке хвост служит сигнальным флажком: стоя на песчаном гребне, она то раскручивает хвост, то закручивает его, обнажая каждый раз нижнюю, пеструю сторону хвоста и заявляя тем самым другим

круглоголовкам о своем присутствии. Так что хвост вроде бы и не очень важен, но и без него плохо. И никто просто так, без нужды свой хвост не отдаст. Да никто и не умеет этого делать, кроме ящериц. Только им дано такое преимущество перед другими. Только они могут таким способом избежать опасности. Вот и Быстроног пожертвовал хвостом и остался жив.

СОПЕРНИК

Казалось, можно жить и без хвоста, особенно когда ты его сам отдал и ничего у тебя не болит. А рядом бегают Желтая Головка, для которой ты одинаково хорош с хвостом и без него. Однако следы, которые теперь оставлял на песке Быстроног, были необычными: от лап следы были, от хвоста же — не было.

Вот почему, не прошло и нескольких дней, как на границе владений Быстронога появился соперник. Ящерицы сами отдают хвосты и постоянно следят, у кого из них хвоста уже нет. Соперник воинственно тряс головой: несомненно, он был осведомлен о случившемся. Быстроног робко кивал в ответ. Ему явно не хотелось драться. Но что было делать? И противники начали сходитьсь. Вот они повернулись друг к другу боком. Так положено у сетчатых ящурок: только у взрослых самцов на боку есть темные пятна, и только они имеют право драться.

Убедившись, что перед ним взрослый самец, Быстроног принял вызов.

Быстроног и соперник бросились друг на друга.

Но недаром Быстроног не хотел драться. И недаром ящерицы только и ждут, кто из них останется без хвоста, для того чтобы захватить богатства.

Хвост в бою, оказывается, великая сила. Без хвоста Быстроног все время терял равновесие. Соперник бил его по голове, кусал за шею. И Быстроногу пришлось отступить. Все ближе граница владений Быстронога. И вот Быстроног уже за этой границей.

Так, потеряв хвост, наш Быстроног потерял и свои богатства. Так он остался без ста тридцати квадратных метров песка и трех кустов саксаула.

Ему пришлось расстаться и с милой Желтой Головкой: она оказалась в плену у нового хозяина владений. Теперь новый хозяин будет разгуливать с ней каждое утро, оставляя следы на захваченном песке.

1975

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ АКИМУШКИН

(1929—1993)

Игоря Акимущкина можно без преувеличения назвать достойным продолжателем традиций известных писателей-натуралистов М. М. Пришвина, Г. М. Скребицкого, В. В. Бианки, Д. Даррелла, ученого А. Брема, написавшего знаменитую книгу «Жизнь животных». В творчестве Акимущкина удивительным образом сочетаются научные исследования с увлекательным художественным повествованием, большая любовь к животным с интересом ученого-исследователя, знание психологии и интересов детей с непосредственным любопытством ребенка.

Игорь Иванович Акимущкин родился в 1923 году в Москве в семье инженера. Окончил в 1952 году биолого-почвенный факультет Московского государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию. Его первые книги для детей появились в 1961 году: «Следы невиданных зверей» и «Тропою легенд: Рассказы о единорогах и василисках». Их живой язык, увлекательный, полный тайн и загадок сюжет, интерес к природе и науке вызвали среди детей и подростков большой успех. Для малышек Игорь Иванович написал целый ряд книжек, используя приемы, которые характерны для сказок и путешествий: «Жила-была белка», «Жил-был бобр», «Жил-был ежик», «Животные-строители», «Кто без крыльев летает?», «Разные звери», «Чем кролик на зайца не похож» и др. В них юный читатель вместе с автором путешествует по лесу, вдоль берегов речки, знакомится с семейкой ежей, строит вместе с бобрами плотину, запасает с белками орешки на зиму, изучает повадки зверей и вместе с тем он познает новую для себя науку — зоологию.

Для подростков Акимущкин написал книги более сложного жанра — энциклопедические: «Животные речные и морские», «Занимательная биология», «Исчезнувший мир», «Трагедия диких животных» и др. Несмотря

на серьезный научный материал, все они читаются легко и с интересом, учат мыслить и совершать открытия.

«Мир животных» — это самый известный труд Игоря Ивановича Акимушкина, выдержавший несколько переизданий. В них обобщен огромный научный материал, использована современная схема классификации животного мира, много разнообразных фактов из жизни животных, птиц, рыб, насекомых и пресмыкающихся, прекрасные иллюстрации, фотографии, забавные истории и предания, случаи из жизни и заметки наблюдателя-натуралиста.

ЛИСА

У лисы, как у кошки, зрачки в глазах вертикальные, продолговатые. У волка и собаки — круглые. И то еще в характере лисы есть кошачьего, что никогда лисы стаями не живут и не охотятся, а все в одиночку.

Весной в заброшенной барсучьей норе, а иногда и вместе с барсуком в разных норках подземного лабиринта рождаются лисицы четыре-шесть, а то и двенадцать бурых лисят. Люди, найдя их, иногда думают, что это волчата. Но отличить малых лисят от волчат можно по белому кончику хвоста. Он у волчат темный. Месяц или два кормит лисица лисят молоком, потом потихонечку ее чада из норы выходят на разведку. Но еще месяца три-четыре в ней прячутся. К осени разбредаются кто куда. А следующей весной у подросших лисят — уже дети.

Старая охотничья «басня» о том, что у лисицы хвост фиалками пахнет — чистая правда. Фиалковая железа у лисы на хвосте, сверху. Раньше некоторые охотники рассказывали: если ранена лиса и бежать устала, то обернется назад, вдохнет фиалковые ароматы, а вместе с ними — и бодрость.

Это, конечно, выдумка. Вероятнее всего, помогают запахи фиалковой железы рыжему жениху скорее найти невесту в дебрях леса или просторах степи.

И еще рассказывают охотники: спасаясь от гончих собак, залезает иногда лиса на... деревья. Не только на полу пова-

ленные, наклонные, будто бы на ели прямостоящие. Если только разлапистые суки у елки низко растут, чтобы могла лисица, прыгнув на них и лапами повиснув, удержаться и дальше на ветки повыше перелезть. Говорят, лиса и мертвой умеет притворяться: и глазом не моргнет, если даже ее за хвост поднять и в мешок положить.

След лисы — затейливая цепочка. Отпечатки лап в стороны один от другого не расставлены, а тянутся по прямой линии один за другим, как бусины, нанизанные на невидимую нить. Пальцы сжаты плотно. Если пройти немного по следу лисы, можно увидеть на снегу ямки и следы от прыжков — здесь ловила она мышей.

1973

О ВОЛКЕ И ВОЛКАХ

Засады, облавы — пешком и на машинах, вертолетах и самолетах...

И кроме того, у каждого охотника, вооружившегося на зайцев, найдутся два патрона, начиненные картечью или жаканом. Попробуй, разбойник, сунься!

Но картечь разнесет в куски подброшенную в воздух бутылку, а жакан поразит ствол сосны, вызвав в нем искривление годовых колец, очень странное для исследователя, если таковой займется когда-нибудь этим деревом. Волк же вряд ли повстречается охотникам. Он не повстречается им даже не потому, что хитер и осторожен. Просто волк сейчас чрезвычайно редкий зверь.

Многие его даже в глаза не видели.

Значит, уместно рассказать, каков он.

Художники, как правило, изображают волка слишком свирепым, слишком кряжистым, слишком нединамичным. Фотография может дать лишь некоторое представление, абрис волка. Волк в зоопарке — печальное животное, над всеми движениями которого довлеет примиренность с необоримой силой плена.

В жизни, то есть в лесу, в поле или тундре, волк производит совершенно особое впечатление. Оно, если исключить простительный страх, может быть определено как торжество и благоговение перед таинством соприкосновения с могучей силой дикой природы.

Он, как известно, сер. Но тут, вероятно, слово «серый» надо понимать относительно. В серо-коричневой тундре волк серо-бурый; на серебристом снегу и шерсть его серебрится, на фоне березовых стволов (черных с белым) он теряется, струясь, и шкура его рябит, как кора. Маскировка рассчитана на скорость, ее эффект состоит в том, что уже через минуту наблюдатель теряет представление о расстоянии до волка. Однако при всем своем стремлении к камуфляжу волки большие модники. Если один носит сдержанно-аристократический серый костюм, то другой разнообразит его серебристым воротником или светлой манишкой на груди. Иному очень идет черный или коричневый чепрак на спине — это уж дело вкуса. Даже светлые тундровые волки, которых еще и бессонное солнце полярного дня выбеливает до блеклости (уши у них нередко рыжие!), даже они умудряются сохранить элегантный вид.

Однако шуба есть шуба. Зимой она должна греть, а летом, если уж нельзя ее снять, пусть станет полегче. Так у волков и бывает. К холодам они запасаются подшерстком, очень плотным, ветры и морозы в пятьдесят градусов выдерживает! Весной же линяют.

Европейские, азиатские и американские волки, differing лишь тем, что попадает им на обед, по всем остальным статьям схожи. И все-таки двух во всем подобных волков не бывает. Волк растет быстро и уже к первому году набирает 40—45 килограммов. А с третьего года он матереет и приобретает не только еще больший вес (иногда до 70 килограммов!), но и свою, свойственную только ему одному осанку. Это как телосложение у человека, у каждого свое. И опытный волчатник, увидев волка, с которым ему уже приходилось встречаться, обязательно его узнает.

Правда, обычно люди, встретив волка, норовят спутать его с собакой. Он, конечно, больше собаки (малолеток пока трогать не будем — это такая инфантильная публика!). Кроме того, если увидите в лесу «собачку», обратите внимание на ее хвост. Он никогда не закручен, а либо приспущен вниз, либо красиво струится по горизонтали (это когда у волка хорошее настроение).

Затем морда. Пасть волк никогда широко не разевает. (Оказывается, выражение «волчий аппетит» неверно. Волк ест медленно: слишком узкие челюсти. Если же приходится торопиться, он мучительно давится и стонет.)

Но зато зубы! Про медведя говорят: «задрал». Про волка — «зарезал». Ему ничего не стоит располосовать наполовину, до позвоночника, шею оленя или прокусить ему бок до печени! Эти же зубы способны проделывать удивительно тонкую операцию. Лоис Крейслер рассказывает, как прирученная волчица зубами осторожно (было ощущение слабого покалывания иголками) открывала ей веки. Представляете, что за инструмент эти зубы? Ювелирный!

И, наконец, лапы. Особого внимания заслуживают задние, они на удивление мощны. На них волк может подпрыгнуть вверх свечкой, и довольно высоко.

Это так называемый «наблюдательный прыжок». Следы ступней тоже никак не спутаешь с собачьими. Для них характерны собранные вместе пальцы. Но главное — величина: у молодого волка — как у крупной собаки, у матерого — 14 сантиметров длина, 8 ширина.

Волчьи следы... В тундре на традиционных путях миграции северных оленей вы всегда найдете их. А если пойдете этими путями, то увидите на них печальные вехи: трупы оленей. Волки не в силах съесть всей добычи, и она достается воронам, сорокам, песцам, рососохам.

Таковы эти звери. Люди им вынесли смертный приговор, местами уже приведенный в исполнение. В приговоре четыре пункта обвинения:

1. Уничтожение диких животных.

2. Уничтожение домашних животных.
3. Распространение опасных болезней, в частности бешенства.
4. Нападение на человека.

Я, продолжая рассказ, в котором собираюсь поставить под сомнение все эти пункты, вначале отмечаю последний. Написано множество небылиц о таких нападениях. Особенно богата ими художественная литература. Что интересно: чем меньше становится волков, тем охотнее печатаются книжки об их людоедских подвигах. Вот передо мной одна такая — детская. Волками загублен почтальон: его сын геройски продолжает дело отца.

Вглядываешься в строчки (и между строчек) и убеждаешься: фактом здесь не пахнет, да и воображением тоже, потому что воображение вещь хотя и свободная, но подчинена логике и требует жизненных посылок. В рассказе события просто названы, а это верный признак эпигонства. Но какого эпигонства? У большинства писателей-реалистов волки не нападают на людей; это уж сколько ни ищите. Но есть примеры противоположные. Полистайте Пришвина. Он рассказал забавный случай: беременную женщину окружила стая волков. Но они не то чтобы не тронули ее... они оставили свои метки, так что дальше ей пришлось идти с мокрыми ногами. Надо полагать, волки сделали это из чистого одобрения, уважили материнство.

Конечно, писатель может писать о чем угодно, создавая свой собственный мир, в котором глотают бабушку и Красную Шапочку, но зачем небылицы выдавать за правду? Ведь писатель, «растерзавший» в погоне за катарсисом беднягу почтальона, свалил трагедию на голову волкам не книжным, а живым.

Владимир Иванович Даль, великий знаток русского языка, в своем словаре на слово «волк» собрал полторы непарельных колонки пословиц и поговорок.

Из всех этих, так сказать, концентратов народной мудрости вырисовывается весьма неприглядный образ серого хищника, но ничего такого, как нападение волка на людей, в

них не оказалось. Зато есть пословица о том, как пастух, сбывшая овец, что называется, «налево», сваливает вину на волка.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему старые волчатники, как правило, весьма храбрый народ? Есть молодцы, которые, отправляясь за выводком волчат, вооружаются одним лишь... мешком. Идет по деревне этот человек, помахивает своим «оружием», и на лице у него скрытая усмешечка. В окнах испуганные лица, «ахам» и «охам» конца нет, а усмешечка та обозначает некое знание. А именно: матерая не тронет! Ведь иной охотник и пять лет подряд у одной и той же волчицы забирает всех волчат (они в «Заготсырье» оплачиваются по тридцать рублей за штуку). Такое, понимаете, деликатное дело: навредить можно с ружьем.

Они не только «храбры», но и жестоки: там, где за малых волчат платят меньше, чем за взрослых и прибылых волков, иные волчатники, найдя логово, не забирают волчат, а перекрутив проволокой их ноги так, чтобы ходить не могли, оставляют мучиться до осени. Бедные, искалеченные таким подлецом звери далеко от логова не уползут, но и матери их не бросят, выкормят. Осенью придет изобретательный варвар, найдет в известном ему месте подросших калек, одного за другим дубиной убьет, и глядишь: несколько лишних десятков у него в кармане.

Было давно, нападали волки на людей, пеших и в санях. Но давно и зимой, когда еще собирались большими стаями. И стай таких было много.

У нас остается еще три обвинения волку, но я подожду говорить о них. Сначала давайте попробуем заглянуть туда, куда мало кто заглядывал, — в логово.

Среди валежин, меж корнями, Отрывши яму для жилья, Росла волчиная семья...

Так хоть и в стихах, но точно описал волчьи повадки старейший воронежский волчатник Георгий Васильевич Кольцов. И он отлично знает, о чем говорит.

Действительно, волки роют жилье среди корней, ведь корни — каркас, способный предотвратить обвал. Место по

возможности выбирается глухое — это часто залитые в половодье крепи. У волка тундры такие же требования (укромность, водопой неподалеку и тому подобное). Водопой очень важен: волки много пьют. И если нет поблизости воды, ходят по ночам пить даже к деревенским прудам! Так было, например, рассказывает Г. В. Кольцов, под Воронежем, в селе Старое Животинное: двух матерых, переярка и шесть прибылых водила старая волчица к пруду у села, где и домашний скот днем поили и где собаки, чуя волков, надрывались лаем.

Устроиться на логове волки стараются с комфортом. Правда, комфорт никогда не вытесняет заботу о безопасности, так что иной раз им приходится справлять новоселье дважды и трижды: если человек на старом месте их потревожит. Волки весьма предусмотрительно заранее ищут и, убедившись в их пригодности, хорошо запоминают несколько таких запасных мест для логова. И когда там, где волчата родились, стало вдруг небезопасно, сейчас же унесут оттуда детей. Но запасные логова совсем не рядом (иначе смысла бы в них не было), и потому волчат транспортируют поэтапно: сначала перетаскают по одному в какое-нибудь укромное место на полпути, сложат кучкой под куст, а потом так же по одному переносят до следующего перевалочного пункта.

У волков есть свои роковые и непонятные странности. Даже курица защищает цыплят! А волки человека и собак, напавших на логово, не трогают. Убегают, прячутся. Волчата, защищаясь, грызутся с собаками, но родители на помощь никогда не придут. Это удивительно! Удивительно и то, что, если гончие с залиvistым лаем идут по волчьему следу, звери никогда не обернутся, не прогонят и не загрызут их, и будут бежать и бежать, и гончие рано или поздно выгонят их под выстрелы. А ведь деревенских собак волки таскают без страха.

Из-под крыльца, бывает, вытаскают отчаянно визжащего пса, ту же гончую. Ее и в лесу могут схватить прямо с гона (и нередко это случается, особенно если голосок у гонца дворна-

коватый — незаливистый). Да, но с гона по зайцу или лисе, а не тогда, когда гонит собака самих волков (особенно если так азартно лает, что «аж легкие рвет»).

Г. В. Кольцов рассказывает: до темноты (и в темноте несколько часов) гоняли в смычке выжлец и выжловка прибывших, а потом и подваливших к ним пару здоровенных матерых волков. И со слуха ушел далеко гон: матерые увели в соседние угодья. Так засветло и не дозволялись собак и совсем уж было простились с ними, потому что решили, наверняка их ночью волки порвут. Но не тронули тех собачек серые: пришли псы домой в деревню, правда, очень напуганные, тесно прижавшись друг к другу (прямо как слились). Понимали, опасно молчком по темному лесу ходить среди волков, когда след волчий брошен и людей поблизости нет.

И вот откуда-нибудь из закрытого мрачной тенью логова начинается жизненный путь волка через круги всеобщей ненависти к той неотвратимой огненной вспышке, которая настигает его рано или поздно.

Волчица приносит от двух до восьми волчат.

Растут вначале на чистом волчьем молоке. Затем появляется мясо, и волчата встречают его с восторгом. Родители носят им добычу весьма оригинальным способом. Они глотают куски мяса и затем отрыгивают их перед волчатами.

Что замечательно: мясо появляется из недр волчьего брюха совсем свежее, по-видимому, волки умеют задерживать на это время пищеварение.

Соблюдать режим дня волчатам удастся не всегда. Конечно, это хорошо, если завтрак приспел вовремя, к восходу солнца, но иногда папаша возвращается из ночного похода лишь к полудню (ему, кстати сказать, приходится пробежать 50, а то и 150 километров за одну охоту). В таком случае мать выводит волчат на прогулку, где кормит легким молочным завтраком и разрешает вволю порезвиться.

Забавы суматошны, проказливы. Вот что увидел канадский зоолог Фарли Моуэт, когда жил в тундре бок о бок с волками.

«Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина (так назвал он волчицу) героически терпела пытку, затем, взъерошенная, попробовала защищаться: села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем».

Знаете, не всякая мать обладает таким поистине ангельским терпением!

Возвращается отец. Тут бы призвать шалунов к порядку, но и папаша мягкосердечен. Он устал, хочет спать, но не будет ему покоя! Приходится, хочешь не хочешь, развлекать своих чад.

Вообще, отношение волков к малышам, даже к чужим, заслуживает не только похвалы — подражания! Если погибнут родители, а другой волк найдет волчат, он вскормит их, вспоит и научит жить. Были случаи, голодных щенков приносили в логово волки, чтобы их накормить.

А волчата взрослых волков просто обожают! Лоис Крейслер видела и рассказала, как волчата ласкались к взрослому волку. Стоило им лишь коснуться его, и они дрожали от нежного возбуждения. Они его обнимали, они его целовали, лизали. Конечно, от таких ласк растаешь и отдашь кусок мяса, который предполагалось оставить у себя в желудке. Обласканный кормилец, забыв, что собирался лечь спать, вновь мчится на охоту. Таково следствие атмосферы любви, царящей в волчьем царстве, — она активизирует старших. Остервенелых драк среди волчат почти не бывает. Это удивительно

миролюбивые дети. Хотя, правды ради, надо признать, что причины, возбуждающие всех дерущихся мира сего, — чувство собственности, обида, ревность — эти причины ссорят нередко и волчат. Но если в остальном мире их самое легкое следствие — разбитый нос, то в диком волчьем логове вооруженный конфликт быстро умеют обратить в игру и веселую шутку.

Настанет день, когда тесной будет истоптанная лужайка перед домом и в лобастых головах возникнут разные «географические» вопросы: кто прячется за тем валуном? Нельзя ли понюхать солнце? И вот отправились в путешествие. Одни. И запаслись в дорогу только легкомыслием — груз, как известно, самый необременительный и приятный.

Миновали валун (или там вековую ель, упорно закрывавшую горизонты). Нечто странное, красное, ожившее в порыве ветра возникло перед носом заводилы-направляющего. Исследователи шарахаются в испуге. (Мы-то знаем — обыкновенный цветок.)

Однако благородная любознательность побеждает. А ведь «оно» годится для игры, догадываются волчата. И начинаются восторги, посмотреть на которые — смех! Цветок осторожно обнюхивается, затем исследуется на прочность (дети ведь!). И наконец, смятый, падает вниз, ловится всей компанией. Всеобщая потасовка, в которой все начисто забывают про цветок. Повозиться — это, конечно, удовольствие высшее.

Идут дальше. Мягкая проплешина на земле, отдадут и ей должное. Птица на ветке — послушают птицу. Палка какая-то — поиграют и с палкой. Умение черпать радость в самых простых предметах природы — качество, живущее у волков в крови. Ликовать, когда оттает первый клочок земли, оттого, что на деревьях листочки распустились, волки умеют, как и мы. Кто жил с ними рядом, знает об этом. Но вдруг! Ужасный! Большой! Ушастый! Заяц! Испугались волчата, дезертируют. Но простим их: у них еще будут возможности реабилитировать себя. Тем более что сейчас превратности путешествия поставили их в положение, вызывающее сочувствие. Они, кажется, заблудились.

Это происходит в лесу, в тундре или в степи (какая разница для маленьких, пушистых, незащищенных комочков, для которых даже не слишком высокая трава — нелегкое препятствие!). Шли бы по своему следу и наверняка вернулись к маме: она пришла с охоты и беспокойно бегает вокруг логовища. Но нет — волчата, описав широкое полукружие, приближаются к дому с обратной стороны. У них в голове некое приспособление для ориентировки — оно и сработало, не дав потеряться. Так что мы зря волновались.

Всыпать бы за самовольную отлучку! Но нет! Такой воспитательный метод волками почти не употребляется. (Да и как их будешь наказывать, ласкающихся?) Волк очень легко травмируется обидой или страхом: быть может, поэтому не просто приручить его человеку, существу весьма непостоянному и непоследовательному. Такое приручение — редкость и удается людям сдержанным, добрым, о которых говорят: человек хороший.

В следующий раз кто-нибудь из родителей сам возглавит прогулку. Скажем, отец. Он тронет каждого из волчат носом, и они беспрекословно за ним последуют (послушные дети!). Конечно, прогулка будет теперь назидательной.

Кого надо бояться, кого — нет, кого надо попробовать догнать, кого просто припугнуть, показать, что ты волк. Между прочим, некоторые исследователи заметили такую черту у волка — припугнуть, притвориться сердитым, когда на деле он в самом благодушном настроении. Невольно подумаешь: волк сознает свое положение в глазах окружающих.

Волки — звери сообщества. Но их щедрость, необходимая в товариществе, простирается не только на своего брата. Волк не тронет песка, воруящего припрятанную им добычу. Видели: он добр к ворону, вороне, сороке, лисе. Он способен исторгнуть из своего желудка кусок мяса и для собаки.

Горе собрата их трогает. Бегали прибылые (волки до года) по лесу, нашли ежа.

Один исколол морду в кровь. Другие поглядывают на раненого и тихонько скулят, выражая сочувствие.

Перед молодой ручной волчицей собаки эскимосов затеяли грызню. Шерсть ключьями летит. Что сделала волчица? Она, безошибочно определив главного задиру, за хвост вытащила его из свалки. Действие, весьма похожее на миротворство.

Случилось горе. Переярок (опять охотничья терминология — молодой волк от одного до двух лет) не вернулся с прогулки. Нет его день, другой. Похоже, погиб. Вы ошибетесь, если решите, что его сестренка возрадуется: теперь с харчем легче станет, одним ртом меньше. Нет, она аппетит потеряет. И будет плакать. И ее плач — «у-о-оу» — растревожит вам душу, как причитания опытной вопленицы.

Учитель Н. рассказывал: однажды, возвращаясь с охоты, он повстречался с волками. Куда они бежали, конечно, осталось неизвестным. То, что Н. не рискнул стрелять, факт. То, что волки едва обратили на него внимание, тоже факт, хотя, конечно, удивительно, с чего взялась у них уверенность, что он стрелять не будет. Но тут не об этом разговор. Волчья стая, которая протекла в двадцати шагах от учителя, произвела на него впечатление злобной рычащей массы. Беспрестанно то тот, то этот волк выбегал из строя и цапал кого-нибудь за шею. Они запомнились ему как вырвавшийся из ада поток яростного возмездия. Н. после такого видения долго не решался ходить в лес в одиночестве.

Но он ошибся. Н., хотя человек очень знающий и культурный, принял обычную волчью забаву, их игру за ужасное зверство. Дело было скорее всего так. Отправившись куда-то на охоту, волки, не желая терять даром времени, решили в дороге поиграть. Они вообще дня не могут прожить без игры, веселые звери.

Цапанье друг друга за загривок у волков — проявление не вражды, а симпатии.

Как встарь шла деревенская молодежь за околицу водить хороводы, так выходят на игрища и волки. Это опять охотничье слово, обозначает поляну, широкую дорогу, лысый бугор, а то и убранное поле. Расшалившись, раскидают снопы, истопчут пыльную дорогу, и незаметно, что по ней когда-

нибудь ездили. В большом почете прыжки. Прыгают вертикально вверх — свечкой, один перепрыгивает другого; чехарда, да и только! Играют в кошки-мышки. А какая радость, разогнавшись, тормозить перед мордой приятеля всей силой расплющенных ступней!

На игрища, бывает, сходятся волки разных семей. На этих общественных собраниях несоблюдение этикета наказуемо. Тут, если ты молод, будь внимателен со старшими, выкажи им положенную почтительность. Бурное изъяснение чувств при первой встрече — дурной тон. Надо быть сдержанным и учтивым. Приветствуй матерого, принадавая к земле, и не забудь подставить прямо под его зубы шею в знак покорности. И тогда он слабого не тронет.

Впрочем, в разных странах волчий этикет не всегда един. Как и у людей. Вы не смейтесь, но волки и улыбаться умеют! Улыбка разная: нежная, общительно-веселая, хитроватая, откровенная, застенчивая. В общем волчья улыбка. Все, кто изучал волков вблизи, поражаются: ведь улыбка — уже выражение лица, признак богатства эмоций и ума. В конце июня, в начале июля ранние выводки начинают выть. Торжественное и грустное явление. Та жуть, тот мороз по коже, который продирает дальнего слушателя, ничто по сравнению с необоримо-роковой ролью вою в жизни самого волка. И в его смерти. Он, осторожный и умный, он, умеющий быстро бегать, он, умеющий лучше других прятаться в самые непроходимые чащи, выдает себя с головой. На «вабу» (подражание вою) маломальски умелого охотника ответит вся стая. И место открыто. Готовьте гончих, заряжайте картечью ружья, охота будет удачной! Они начинают выть, когда на небе заря, утренняя или вечерняя. Что это — хоровой концерт, задушевный разговор, а может быть, мольба в тоске? Вой стаи — слаженный ансамбль, где партии оригинальны и виртуозны. Они никогда не звучат в унисон. Они сплетаются в сложнейшие построения, которые лишь равнодушному и невнимательному, лишь тому, кто слушает в наушниках страха и предубеждения, покажутся набором заунывных воплей.

Но так же, как открытому сердцу близок необъятный мир чувства и разума, заключенный в музыке Бетховена, так человеку, чуткому к звукам природы, доступно понимание великолепной гармонии волчьего воя.

В нем, этом вое, — любовный и дружеский призыв, накал охотничьей страсти, траур по товарищу, радость общения. Голос у волка чист, как у итальянского тенора, но, если в нем звучат хрипловатые ноты, знайте — это вопль отчаянья и одиночества.

И все же едва ли стоит утверждать, что в вое волка есть какое-то определенное смысловое значение. Он, скорее всего, — настроение, интуиция. Вот сравнить его с музыкой, я полагаю, дело более перспективное.

Итак, представим: волки — меломаны.

Тогда можно объяснить многие странности в их безрассудной приверженности вою. Например. Старая, умная волчица ответила на «вабу», к ужасу и удивлению молодого охотника, впервые попробовавшего себя в искусстве подражания. Почему ответила? Разве она никогда настоящего воя не слыхала? Но представьте себе: просто она заинтересовалась новым исполнением. Она допускает, что незнакомый волк может выть и так и эдак — иначе говоря, он имеет право создавать вариации на заданную тему. И... ответила. И это стоило жизни выводку. Волчице же повезло, осталась жива.

Окрыленный успехом охотник на следующий год «вабит» уже самоуверенно. Но теперь, лишь заслышав его, волчица уводит волчат (и завывать им не даст!). Теперь ей знаком этот голос! Отнюдь не басни, что волки отвечают на музыку, на пение, на охотничий рог.

Рассказывают даже такую историю (не знаю только, как проверить ее достоверность): стая завывала, откликаясь на паровозный гудок! Но столь легкомысленные музыкальные увлечения, безусловно, на совести легковесной молодежи, которая вечно не ту музыку обожает. Да, впрочем, что ее упрекать, если почтенные отцы и матери волчьих семейств и сами иной раз не могут себя сдержат? Только очень опыт-

ная, бывалая волчица, услышав незнакомый вой, прежде чем завывать в ответ, не поленится сделать круг в несколько километров, чтобы, зайдя с тыла, проверить, кому тут пришла охота музицировать.

Вой — акт торжественный и многозначительный. В повседневном обиходе у волков иной «язык звуков»: рычанье, ворчанье, завыванье, хныканье, тьяканье, лай, повизгиванье, откровенный визг. Похоже, что этот обширный вокальный репертуар прекрасно служит им для общения. Волк повизгивает, подзывая волчат. Те бегут — поняли! Он прохаживается у логова, поджидая волчицу, чтобы вместе отправиться в охотничий рейд. Она, как водится, замешкалась. Он тьякает. Тут, понятно, выражено нетерпение. Он рад вашему обществу и хочет рассказать об этом: «глядит вам прямо в глаза и долго, самозабвенно-косноязычно бормочет и повизгивает почти на одной ноте». У некоторых волков, заметила Л. Крайслер, есть забавный жест приветствия и благоволения — откинута в сторону передняя лапа. Откровенный зевок — признак хорошего настроения. Задние лапы, скребущие землю, — презрение. Вообще «язык» телодвижений и звуков у них эмоционален и богат, и об этом в последнее время много писали.

Волки умеют быстро понимать (и перенимать!) человеческие интонации и действия: например, отодвигать задвижки на дверях или питать слабость к духам и... собакам. Есть у них склонность и к преждевременным обобщениям: один человек поступил плохо, и подобное зло волки уже ждут от других людей. Но и добро одного быстро располагает их к другим. В общем, характер волка (в отношении его несходства с собачьим) так определяют те, кто хорошо знает волков: у собаки жизненный принцип — зависимость, у волка — ответственность, у собаки — честолюбие и самомнение, у волка — престиж и власть.

Характер волков, как и всяких других существ, проще понять, когда наблюдатель концентрирует внимание на их жизненных апогеях. У волков это не только игры, вой, охота,

но и любовь. Не посчитайте, что это святое слово здесь слишком сильно.

Организация некоторых звериных семейств более сложная, чем привыкли обычно представлять себе люди. У волков так называемая «большая семья», смысл ее порядков биологи разгадали только недавно.

Мужая, сильные молодые волки (двухлетки и трехлетки), выбрав по вкусу подругу (часто на всю жизнь), уходят весной из стаи и заводят свою семью. Слабые же их сверстники менее счастливы, своим домом обычно не живут, супружества не знают (если в округе есть волки сильные). Они «нанимаются», что называется, в няньки к своим братьям. Такова их волчья доля. Матерые разрешают молодым поселиться где-нибудь поблизости, километрах в двух-трех. Это с их стороны весьма любезно: обычно от логова до логова самое ближнее семь километров.

И начинается семейная жизнь. Собственно, начинается она, пожалуй, раньше, за год до этого. Партнеры избирают друг друга, когда они еще числятся прибылыми: довольно нескладными, смешными, но, как полагается, симпатичными «юношами» и «девушками».

Целый год (надо же!) взаимного ухаживания. У волков, как говорят в науке, «лицевая ориентация». От морды к морде получают они информацию о том, что намерены сделать, и готова ли, в частности, волчица стать матерью, а волк отцом. И только тогда происходит спаривание. А до этого и попутно с тем веер улыбок, акробатические прыжки, разные резвые затеи — все для милой или для милого. Кстати сказать, у волков не слишком заметно разделение на «слабый» и «сильный» пол в том смысле, что один должен всю стараться, а другой лишь жеманно принимать ухаживания.

Возникновение «треугольника» очень часто кончается трагедией. Схватка, быстрый рывок страшных зубов, и один из соперников (или соперниц) повержен. И это те самые звери, которые редко дерутся, чьи ссоры — редкость. Но тут

уж действуют суровые законы естественного отбора. Когда волчата рождаются, мать первые недели лежит с ними в логове. Потом, приняв себя, осторожно выползает из норы, но далеко не уходит, лишь метров на сто-двести. Куда-нибудь сюда члены «большой семьи» приносят ей добычу: все, что поймали. Позже она и сама рыщет по округе. И вот тогда няньки — «тетки», «дядьки», «кузены» — нянчат волчат. Они с ними играют, кормят проглоченным на охоте мясом, конечно, несут бдительный караул. Волк-отец тоже долг свой не забывает. Он всегда рядом (если не ушел с волчицей). А осенью, когда детиски подрастут, волчья «большая семья» охотится стаей, и молодые учатся у старых законам джунглей.

Но пора вернуться к трем оставшимся пунктам обвинения.

Пункт второй — уничтожение дикой фауны...Аляска, тундра. Тысячи мигрирующих оленей. И волки невдалеке. Двое кинулись за стадом — прямиком, весьма резвым аллюром. Стадо не дремлет, на ходу перестраивается, но не меняет направления, растягивается. Громче стучат копыта, и волнение пробегает по чаще оленьих рогов. Нет, волкам их не догнать. Даже тонконогие, хрупкие оленята бегут быстрее. Удостоверившись в бесполезности погони, волки быстро отстают — зачем зря тратить силы?

Но вот еще группа оленей. Опять стремительный волчий рейд, опять та же реакция преследуемых — и вдруг... Текучая масса стада будто выжимает из себя каплю — прихрамывающего, махающего головой самца. Его товарищи быстро уходят вперед, а он что-то мешкает, и волки настигают его. Следует эпизод, который не для слаонервных...

Совершенно, очевидно, злодейское преступление. Но если мы возьмем на себя функции медицинских властей и произведем экспертизу, обнаружим следующее: переднее копыто у оленя отсутствует: вместо него лохмотья; легкие поражены ленточным глистом и уже наполовину уничтожены; кишечник изъеден фенолом и индолом, ядами кишечных микробов; сердце...

Можно и не продолжать. Любой из этих болезней достаточно, чтобы считать оленя обреченным.

Допустим, остался бы больной олень жить: он ходячий рассадник заразы. Он найдет себе самку, и вот родился у них олененок с нестойкой к болезням наследственностью. Он вырастет и тоже принесет болезненного олененка...

Так вымирают стада оленей, а ученые раньше разводили руками: почему так? Теперь многим ясно почему. На Аляске, в Нельчинском заповеднике, перебили всех волков. Четыре тысячи оленей обрели спокойствие, и через десять лет их стало 42 тысячи. И... огромное стадо, съев и вытоптав весь лишайник на пастбищах, стало катастрофически быстро вымирать. Пришлось призывать на помощь волков, из положения «вне закона» их перевели под его защиту.

Волк — главный куратор леса, тундры, степи. Если нет крупных животных, он ест мелких грызунов — вредителей сельского хозяйства. Опять польза от волка! Он ловит щук весной в протоках, а иногда вынужден есть даже ягоды и... насекомых. Нетребовательный зверь. Хищники, можно сказать, оздоравливают обстановку в лесу. Поэтому сейчас во многих странах Африки леопард, а местами и крокодил взяты под защиту закона. Леопард полезен тем, что истребляет диких свиней и обезьян, разоряющих поля, а крокодил — полудохлых рыб, разносящих заразу, вредных насекомых и ракообразных. «Но, к сожалению, — пишут африканские зоологи, — крокодилы порой нападают также и на людей».

Я с трепетом перехожу к третьему обвинению: «уничтожение домашних животных». И не потому, что, задавшись целью вырядить волка в овечью шкуру, пасую перед обилием несомненных преступлений. Мне кажется, что именно под этим обвинением скрывается корень волконенавистничества. Рассказни о зарезанных людях (в них, как правило, фигурируют сапоги с недоеденными ногами) — это истеричное утрирование, исходящее из приверженности человека к своему добру. Это месть, превышающая причину.

Сельское хозяйство — основа любого общества. Веками оно было мелким. Отнять у крестьянина овцу, корову и лошадь — значит поставить его перед лицом голодной смерти.

Вот так волк становится убийцей человека. Убил, а как? — все равно. Фантазеры для наглядности и остроты рассказа сжимали утомительное время, и волк оказывался в непосредственной близости от пострадавшего.

Та ситуация безвозвратно ушла в прошлое. Волки же по-прежнему нападают на домашних животных и бывают жестоки: вместо одной овцы, которую могут унести, гонят и на бегу режут десяток. Некоторые объясняют это нервозностью волка, вызванной присутствием человека. Некоторые — характером: он просто не может удержаться истребления слабого. Но дело проще: люди растерянных по лесу зарезанных овец не соберут, а волки их и под снегом потом найдут и сыты будут долго.

В наше время большое животноводческое хозяйство почти гарантировано от нападения волков, даже если они есть поблизости.

«Если исследовать рацион нескольких койотов, окажется, что они убили домашней птицы и скота на сумму в **500** долларов. В остальном же пища их состояла преимущественно из мышей и крыс, которые, если бы они не были съедены волками, уничтожили бы зерна на **700** долларов. Вывод, кажется, ясен: благодаря нескольким волкам мы получили **200** долларов прибыли» (доктор П. Т. Боуд).

Многие исследователи заявляют сейчас, что неправильно делить диких животных, как героев классической драмы, на хороших и плохих, на полезных и вредных.

В природе между различными видами животных и растений за миллионы лет их совместного существования установилось естественное равновесие. Безрассудное уничтожение разных зверей и птиц может нарушить это равновесие, и тогда начнут гибнуть и другие животные и даже растения, расплодятся вредители и сорняки. Одним словом, последствия могут быть очень плохие.

Теперь о болезнях, которые переносит волк.

Их много, наверное, столько же, сколько у больных животных, им уничтожаемых.

В волчьем кале — яйца исключительно опасного паразита, вдохни — и «из них разовьются мельчайшие личинки, которые попадут в мозг и инцистируются обычно с роковым исходом, как для себя, так и для человека».

Разнообразные глисты, всевозможные бактерии — чего только не носит в себе волк! Но разве мы не преклоняемся перед врачом, высасывающим из горла ребенка дифтерийные пленки? Перед теми, кто прививает себе опасную болезнь, чтобы, исследовав ее, избавиться от нее человечество? Волк грудью принимает болезни, посланные природой нам.

Почему мы не уничтожаем корову? Она переносчик бруцеллеза. Кошка, обыкновенная кошка, мы ее гладим, а ведь она начинена целой обоймой заболеваний! Увы, и о других животных можно сказать так же.

Одно из самых страшных преступлений волка — бешенство. В свалывшейся шубе, с опущенным хвостом, мутноглазый, он бродит, не разбирая дороги, ослабевшими челюстями пытается кого-то укусить, сеет страх.

Но ведь и собаки бывают бешеными, и лисицы, и кошки, и овцы, и летучие мыши... По-видимому, все млекопитающие восприимчивы к вирусу бешенства. Значит, следуя и этому пункту обвинения, нужно бороться не с волком как таковым, а с бешеным волком и бешенством вообще.

Я приближаюсь к концу рассказа и в последний раз хочу обратить ваше внимание на книгу Лоис Крайслер «Тропами карибу» — самое лучшее из того, что я когда-либо читал о волках. Эта книга — героическое исследование в пользу волка, и она многих вдохновила.

Я попытался соединить в одном портрете повадки американских и наших волков. Они нигде не вошли в противоречие. Я так же, как и другие люди, озабоченный судьбой дикой природы, хочу, чтобы волкам сохранили жизнь. Чтобы не всех их перебили. Думаю, что в скором времени на убийство волка будет нужна лицензия. А пока, если повстречаю волка, я не буду стрелять.

Серые волки, североамериканские, европейские и азиатские — одного вида. Когда-то огромная территория, вся не-

и палеарктика с прилегающими на юге странами вплоть до Израиля, Ирана и Индии, изобиловала волками. Много скота, да и людей немало гибло под их зубами. Города, села и целые племена порой объединялись вместе, устраивая облавы на волков, в которых принимали участие тысячи загонщиков, копейщиков, арбалетчиков.

Кантоны Швейцарии и поныне содержат, конечно, теперь уже лишь традиционные и бесполезные, общества охотников на волков. А в Англии, кажется, еще есть (или до недавнего времени была) должность главного королевского начальника волчьих облав, хотя последний волк был убит в Великобритании в **1680** году неким Камероном Локиелем. Последний волк Франции пал у границ Швейцарии, под городом Морестелем, сравнительно недавно (волки в эту страну, по-видимому, временами забегают с Пиренейских и Апеннинских гор). На морестельского волка, на территории в **50** квадратных километров, была устроена грандиозная, прямо-таки императорская облава: две тысячи загонщиков, тысяча охотников, три самолета и **60** жандармов с радиоаппаратурой! «Будьте осторожны, — предупреждал охотников жандармский шеф, — это вам не фазанчик!» И волк, много раз простреленный, погиб. И такой был составлен не поделившими его шкуру нотариально заверенный «некролог»: «...Движимые духом братской солидарности и желанием обеспечить для потомства редкий охотничий трофей... мы договорились о том, что волк должен стать неделимой собственностью жителей Виньи, Сермерье и Васлена. Морестель же должен хранить его и заботиться о его сохранности, в связи с чем уплачивать за него страховые взносы в сумме **200 000** франков...» В ознаменование сей исторической даты — убиения во Франции последнего волка — семь веков красовавшуюся в древнем гербе Морестеля собаку, подретушировав, переделали в волка.

Итак, во Франции волков не стало. Уцелели они в Западной Европе лишь в Испании, в Апеннинах, Сицилии, Скандинавии, ГДР и ФРГ, а дальше — всюду на востоке до

Чукотки, Сахалина и острова Кунашир в Курильском архипелаге. А в направлении меридиана — от берегов Ледовитого океана до Крыма и Кавказа включительно. В Индии волки встречаются еще, но, по-видимому, только в Гималайских предгорьях и горах. В Северной Америке серые волки живут в Канаде, Аляске, Гренландии и в некоторых пограничных с Канадой районах США. Правда, на юге этой страны, в штатах Техас, Луизиана, Арканзас и Миссури, попадаются черные волки того же рода, но иного вида, волки серые, и мельче их.

1973

«ВОЗВРАЩЕННЫЕ» ИМЕНА

Современный этап развития русской прозы начинается со второй половины 80-х годов XX века. Он тесно связан с политическими и социальными переменами в жизни страны. В связи с этим начался информационно-эстетический взрыв. Стали публиковаться произведения литературы русского Зарубежья: С. Черного, К. Бальмонта, А. Солженицына, И. Шмелева и др. Открылась «возвращенная» литература — произведения, написанные в разные годы в Советском Союзе, но по причинам идеологического характера не опубликованные. Стало очевидно, что русская литература очень разнообразна в стилевом отношении и не укладывается в рамки соцреализма.

Писатели, представлявшие первую волну эмиграции, продолжали и развивали традиции русской литературы XIX века. Всех их объединяло глубокое чувство любви к России, страстное желание вернуться на Родину — в старую Россию. Эта литература была неоднородна: стали заметны такие направления, как символизм (К. Бальмонт), романтическая ветвь (Л. Чарская), реализм (И. Бунин, А. Солженицын), сатира (С. Черный). Литература русского Зарубежья, опубликованная в 80—90 годы XX века, обогатила, расширила границы современной русской художественной прозы.

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЧАРСКАЯ

(1875—1937)

Известная русская детская писательница Лидия Алексеевна Чарская (урожденная Воронова) родилась в 1875 году в Царском Селе в дворянской семье. Семья жила в достатке, родители любили свою дочь, и все, казалось, было радостным и безмятежным. Но вскоре при родах умерла мать Лиды (отсюда мотив сиротства, повторяющийся у нее из книги в книгу). Отец женился второй раз, в дом Лиды вошла чужая женщина. Отношения с мачехой у девочки настолько не сложились, что Лида несколько раз убегала из дома.

Несхожесть с другими детьми ее возраста проявилась у девочки довольно рано. Уже в 10 лет будущая писательница сочиняла стихи, а в 15 лет взяла за

привычку вести дневник. Лишившись матери, Лида горячо, почти фанатично любила своего отца и долго не могла примириться с его вторым браком и приходом ненавистной мачехи. Тогда и было решено отвезти дочь в Петербург в Павловский женский институт. Семь лет (1886—1893) провела Лидия в Павловском институте благородных девиц; впечатления институтской жизни стали материалом для ее будущих книг. Весной 1893 года Лидия окончила с медалью институт, но в семью она не вернулась, хотя и простила отца за его второй брак. Темпераментная, обаятельная девушка привлекала к себе внимание. Так восемнадцатилетняя Воронова стала Чуриловой. Но и здесь ее постигла неудача: брак был недолгим, почти мимолетным. Офицер отбыл на место службы в Сибирь, а молодая женщина с крохотным ребенком на руках осталась одна. Лидия не захотела уехать к отцу и мачехе, материально зависеть от отца. Она выбрала другой путь.

Оставшись в Петербурге, Чарская поступает на Драматические курсы при Императорском театральном училище. После окончания курсов в 1898 году Лидию Алексеевну принимают на единственное вакантное женское место в Санкт-Петербургский Александринский Императорский театр, в котором она прослужила до 1924 года. Именно там, на сценических подмостках, родился псевдоним «Чарская». Но роли ей доставались второстепенные, эпизодические, жалование тоже было невелико.

Знаменитой она стала совсем в другом. Чарская была страстно увлечена сочинительством, и этим псевдонимом она подписывает свои первые книги. Толчком к литературному творчеству послужило стеснение в средствах. Чарская обнаружила, что пишется ей легко и свободно. Первая же повесть «Записки институтки», родившаяся в 1901 году из ее институтских дневников, принесла ей громкую славу. В то время в Петербурге товариществом М. О. Вольф издавался еженедельный журнал «Задушевное слово» для детей младшего и среднего возраста. Никому не известная, но яркая, искренняя и занимательная писательница стала ведущей писательницей этого журнала. Особенным успехом пользовалась ее повесть «Княжна Джаваха» (1903).

Ее первый муж погиб на германском фронте, остался сын-подросток. Богатых родственников не было, надеяться она могла лишь на себя, на свой талант и трудолюбие. Любимыми темами писательницы были приключения брошенных, потерянных или похищенных детей («Сибирочка» (1908), «Лесовичка» (1912), «Щелчок» (1912)) и жизнь воспитанниц закрытых институтов («Записки институтки» (1902), «Люда Влассовская» (1904), «Белые пелеринки» (1906), «Вторая Нина» (1909), «За что?» (1909), «Большой Джон» (1910), «На всю жизнь» (1911), «Цель достигнута» (1911), «Юность Лиды Воронской» (1912), «Гимназистки», «Записки сиротки», «Волшебная сказка» и др.). Она известна как автор исторических повестей: «Смелая жизнь» (1905), «Газават» (1906), «Желанный царь», «Паж цесаревны», «Царский гнев», «Евфимия Старицкая», «Так велела царица».

Судьба в образе революции 1917 года внесла в жизнь Чарской свои жестокие коррективы. С приходом Советской власти ее перестали печатать.

тать, не простив писательнице ее дворянского происхождения и буржуазно-мещанских взглядов. Одинокая, уже немолодая женщина, покинутая всеми, не имеющая к тому времени никаких родственников, она в **1924** году ушла из театра. Началась буквально нищенская жизнь.

С **1925** по **1929** год ей с большим трудом удалось опубликовать четыре маленькие книжки для малышей под мужским псевдонимом Н. Иванов. Ее произведения были изъяты из библиотек и уничтожены. Она жила на маленькую актерскую пенсию, тяжело болела. Но в это же время ее книги, изданные до революции, находили новых преданных читателей, ей вновь писали письма.

О послереволюционных годах жизни Чарской осталось всего несколько свидетельств. Она продолжала получать письма от детей с выражением восторга и любви. Девочки из соседней школы тайком приносили ей продукты и даже незаметно оставляли деньги под скатертью обеденного стола. Чарская давала детям читать свои произведения, но не книги, а рукописи.

В этом доме Чарская жила давно, но прежде — на втором этаже, по парадной лестнице. Она очень бедствовала. В квартире ничего не было, стены пустые. Была она очень худая, лицо серое, одевалась по-старинному: длинное платье и длинное серое пальто, которое служило ей и зимой, и весной, и осенью. Выглядела она необычно, люди на нее оглядывались. Была религиозна, ходила в церковь, по-видимому, в Никольский собор. Изредка ей удавалось подработать в театре в качестве статистки, когда требовался такой типаж.

В мае **1936** года, опасаясь, что не доживет до осени, Чарская попросила писателя Бориса Лавренева устроить ей пособие, да и то лишь для того, чтобы оплатить квартиру: «Я третий месяц не плачу за квартиру и боюсь последствий. Голодать я уже привыкла, но остаться без крова двум больным — мужу и мне — ужасно...». Вторым мужем Чарской был юноша, читавший ее книги еще в детстве, не побоявшийся помогать своей любимой писательнице.

Л. Чарская умерла **18** марта **1937** года в Ленинграде, последние годы жизни испытывая лишения и голод.

ЖИВАЯ ПЕРЧАТКА

Сказка

I

Жил на свете рыцарь, свирепый и жестокий. До того свирепый, что все боялись его, все — и свои и чужие. Когда он появлялся на коне среди улицы или на городской пло-

щади, народ разбежался в разные стороны, улицы и площади пустели. И было чего бояться рыцаря народу! Стоило кому-либо в недобрый час попасться на его дороге, перейти ему нечаянно путь, и в одно мгновение ока свирепый рыцарь за-тапывал насмерть несчастного копытами своего коня или пронзал его насквозь своим тяжелым, острым мечом.

Высокий, худой, с очами, выбрасывавшими пламя, с угрюмо сдвинутыми бровями и лицом, искривленным от гнева, он наводил ужас на всех. В минуты гнева он не знал пощады, становился страшным и выдумывал самые лютые кары и для тех, кто являлся причиной его гнева, и для тех, кто случайно попадался ему в это время на глаза. Но жаловаться королю на свирепого рыцаря было бесполезно: король дорожил своим свирепым рыцарем за то, что тот был искусным полководцем, не раз во главе королевских войск одерживал победы над врагами и покорил много земель. Потому-то король высоко ценил свирепого рыцаря и спускал ему то, чего бы не спустил никому другому. А другие рыцари и воины, хотя и не любили свирепого рыцаря, но ценили в нем храбрость, ум и преданность королю и стране...

II

Бой близился к концу.

Свирепый рыцарь, закованный в золотую броню, скакал верхом между рядами войск, воодушевляя своих усталых и измученных воинов.

В этот раз бой был очень тяжелый и трудный. Третьи сутки дрались воины под начальством свирепого рыцаря, но победа не давалась им. У врагов, напавших на королевские земли, было больше войска. Еще минута-две, и враг, несомненно, одолел бы и ворвался бы прямо в королевский замок.

Напрасно свирепый рыцарь появлялся то тут, то там на поле брани и то угрозами, то мольбами старался заставить своих воинов собрать последние силы, чтобы прогнать вра-

гов. Вдруг конь рыцаря шарахнулся в сторону, заметив на земле железную перчатку, такую, какую носили в то время почти все рыцари. Свирепый рыцарь дал шпоры коню, желая заставить его перепрыгнуть через перчатку, но лошадь ни с места. Тогда рыцарь велел юноше-оруженосцу поднять перчатку и подать ее себе. Но едва только рыцарь дотронулся до нее, перчатка, точно живая, выскочила из его руки и опять упала на землю.

Рыцарь велел опять ее подать себе — и опять повторилось то же самое. Мало того: упав на землю, железная перчатка зашевелилась, как живая рука; пальцы ее судорожно задвигались и снова разжались. Рыцарь приказал снова поднять ее с земли и в этот раз, крепко зажав ее в руке, помчался в передние ряды своих войск, потрясая в воздухе перчаткою. И каждый раз, когда он поднимал высоко перчатку, пальцы перчатки то сжимались, то снова разжимались, и в ту же минуту, точно по сигналу, войска кидались на врага с новою силою. И где ни появлялся рыцарь со своею перчаткою — усталые и измученные его воины точно оживали и с удвоенною силою бросались на врага.

Прошло всего несколько минут, и враги бежали, а вестники свирепого рыцаря стали трубить победу...

Гордый и торжествующий, объезжал теперь рыцарь ряды своих усталых, измученных бойцов, спрашивая, кому принадлежит странная перчатка, но никто не видал до тех пор такой перчатки, никто не знал, откуда она взялась...

III

Во что бы то ни стало решил свирепый рыцарь узнать, кому принадлежит странная перчатка, и стал объезжать все города, все села и деревни и, потрясая в воздухе своею находкою, спрашивать, чья это перчатка. Нигде не отыскивался хозяин живой перчатки. В одном городе попался свирепому рыцарю навстречу маленький мальчик и сказал:

— Я слышал от деда, что в лесу живет старая Мааб. Она знает все тайны мира и, наверное, сумеет открыть тебе значение живой перчатки, рыцарь.

— Едем к ней! — был суровый приказ, и, пришпорив коня, свирепый рыцарь помчался к лесу. Покорная свита помчалась за ним.

Старуха Мааб жила в самой чаще глухого, темного леса. Она едва двигалась от дряхлости. Когда она увидела перчатку, то глаза у нее загорелись, словно яркие факелы в ночной темноте, и она вся побагровела от восторга.

— Огромное счастье досталось тебе в руки, благородный рыцарь, — глухим голосом произнесла она. — Далеко не всем людям попадается подобное сокровище! Эта живая перчатка — перчатка победы... Судьба нарочно бросила ее на твоём пути. Стоит тебе только одеть ее на руку, и победа останется всегда за тобою!

Свирепый рыцарь просиял от счастья, надел на руку перчатку, щедро наградил золотом Мааб и умчался из дремучего леса в королевскую столицу.

IV

Прошла неделя.

Не слышно ничего про обычные жестокие проделки рыцаря, не слышно, чтобы он в припадке гнева кого-либо подверг казни, не слышно, чтобы он обидел кого-либо.

Еще так недавно лилась кровь вокруг свирепого рыцаря рекою, слышались стоны, раздавался плач. А теперь?

Правда, неделю тому назад попробовал было рыцарь ударить мечом кого-то из прохожих. Но неожиданно рука его, судорожно сжатая живыми пальцами перчатки, опустилась, и тяжелый меч со звоном упал на землю.

Хотел рыцарь сбросить с руки докучную перчатку, да вспомнил вовремя, что даст она ему победу, и удержался.

Другой раз хотел рыцарь направить своего коня на окружавшую его толпу людей, и снова до боли сжали его руку

живые пальцы перчатки, и он не мог двинуть ими для управления конем. С этой самой минуты понял рыцарь, что идти наперекор живой перчатке бесполезно, что она, эта перчатка, удерживает его от самых жестоких поступков. И перестал он извлекать меч из ножен для гибели неповинных людей.

И люди не боялись теперь выходить из домов на улицы в то время, когда проезжал по ним свирепый рыцарь.

Они без страха появлялись теперь на его пути и славили рыцаря за его победы над врагами.

V

Снова загорелась война...

Уже давно дальний сосед короля, властелин богатой страны, прельщал взоры рыцаря. И он говорил своему королю:

— Гляди! Твой дальний сосед богаче тебя, и хотя ты поклялся ему в вечной дружбе и мире, но если ты победишь его и присвоишь себе его владения, то станешь самым могучим и богатым в мире королем.

Король послушался слов своего любимца. «Прав рыцарь, — думал король, — завоюю страну моего соседа и разбогатею от его богатства!» И приказал трубить новый поход.

VI

Соплились два войска на поле брани.

Дружины рыцаря встретились с дружинами дальнего короля. Рыцарь был вполне спокоен и заранее уверен в исходе боя.

Он знал: перчатка победы была на его руке.

Солнце восходило и заходило снова. Месяц сиял и мерк и снова сиял.

Птицы пели, стихали и снова пели, а люди все бились и бились без конца.

Долгая то была битва.

Долгая и упорная как никогда.

Свирепый рыцарь стоял в стороне, распоряжаясь боем, заранее уверенный в победе своих дружин.

Вдруг невиданное зрелище поразило его взоры: враги побеждали, а его воины ударились в бегство.

Взбешенный, он сам кинулся в бой. И... принужден был отступить. Враги окружили его со всех сторон.

Не помня себя, он дал шпоры коню и погнал его с поля битвы.

Прискакал в столицу рыцарь, весь обрызганный кровью, и упал к ногам короля.

— Не вини меня, король! — вскричал он. — Не я, а старуха Мааб виновница гибели твоего войска. Она обманула меня, заставив надеть на руку перчатку гибели и поражения. Вели казнить ее, король, казнить жестокою, страшною смертью, какую только можно придумать!

VII

С первыми лучами солнца весь город высыпал на площадь. В этот ранний утренний час решена была казнь старухи Мааб, привезенной еще накануне из леса. Решено было сжечь Мааб на костре, чтобы впредь не морочила людей, не выдавала перчатку гибели за перчатку победы.

Привезли на площадь Мааб, сняли с колесницы, ввели на возвышение, где лежали сложенные для костра дрова.

Поставили на них Мааб и привязали веревками к столбу. Перед самым столбом стоял свирепый рыцарь и кричал со злым смехом в самое лицо Мааб:

— Ты обманула меня, Мааб! За это умрешь лютою смертью! И знак к казни я дам тою самою перчаткою, которая мне, по твоим словам, должна была доставить победу.

С этими словами он поднял руку, чтобы дать знак палачам зажигать костер, и вскрикнул в испуге. Рука не двигалась. Точно налитая свинцом, она безжизненно повисла вдоль тела. Тогда он открыл рот, желая отдать приказание

начинать казнь, но в тот же миг живая перчатка поднялась вместе с рукою и, тесно прижавшись к его рту, чуть не задушила его.

Обезумев от ужаса, рыцарь вскричал:

— Спаси меня, Мааб! Спаси!

Мааб медленно сошла с костра, без всякого усилия перервав веревки, и, приблизившись к рыцарю, произнесла:

— Я не солгала тебе. Живая перчатка воистину перчатка победы. В каждом правом деле она даст тебе победу всюду и везде. И в последней неудачной битве дала бы она тебе победу, если бы ты не шел на соседнего короля с корыстолюбивыми целями овладеть его богатством, а защищал своего короля, свою родину, свою честь.

И тогда бы ты не потерпел поражения, сознавая себя правым и в честном деле. Знай же, что живая перчатка будет служить тебе только во всех добрых и честных делах! Ведь удержала она тебя в те минуты, когда ты хотел пролить кровь невинных людей! Дала тебе победу над самим собою! Дала победу и тогда, когда на твою страну напали злые враги. Так будет с нею и впредь!

И сказав это, исчезла, как тень, растаяв в воздухе, Мааб.

* * *

Предсказание Мааб сбылось.

Живая перчатка помогала рыцарю во всех его правых делах, давая ему победу, и удерживала его всякий раз, когда он начинал какую-либо скверную, несправедливую затею.

И весь народ прославил его имя, и вместо свирепого рыцаря люди прозвали его рыцарем правым и благородным.

1912

НУСЯ

На стенных часах в коридоре пробило два. Нуся захлопнула толстую тетрадь лекций и зевнула. Она встала сегодня очень рано, чтобы готовиться к полугодовым зачетам. Хотелось спать. Но еще больше сна давал себя чувствовать голод. Вот уже целую неделю Нуся не заходит в кухмистерскую, где прежде получала за тридцать копеек довольно скудный обед. Скудный — но тем не менее обед. А теперь седьмой день ей приходится довольствоваться чаем и ситным с плохонькой колбасою из мелочной лавочки. Нынче же и на колбасу не хватит. Всего восемь копеек осталось в ветхом, порыжевшем от времени кошельке. А недавно еще — конечно, сравнительно недавно — этот кошелек был новенький, красивый, а главное — полный денег, кредитных бумажек и блестящих новеньких золотых. Точь-в-точь так же полон, как полна была Нусина душа самыми светлыми, самыми радужными надеждами всего несколько месяцев тому назад.

Как хорошо помнит этот день Нуся! Отец с матерью, бабушка и маленькая сестренка Ирочка провожают ее на вокзале их уездного глухого уголка. Там, в бытность свою в родном городе, Нуся мечтала о Петербурге. Бедную гимназисточку Нусю манил Петербург и своими курсами, на которых Нуся, в этом году окончившая лишь гимназию, мечтала продолжать свое образование, и публичными лекциями, и театрами, и кружками учащейся молодежи. Там, чудилось ей, текла совсем особенная, совсем исключительная жизнь, полная значения, интереса и смысла. Каким будничным казалось ей ее прозябание, как она называла жизнь в уездном городке!

Родители не имели ничего против поступления Нуси на курсы в Петербурге; но отец, суровый труженик из бедных чиновников, решительно заявил дочке:

— Поезжай, коли надумала. А только смотри, Анна, денег зря не транжирь. Больше пятнадцати рублей высылать тебе в месяц не могу... А в Питере, говорят, жизнь втридорога. Не опростоволосья.

— Пятнадцать рублей в месяц! Да это целое состояние, папочка! — и Нуся, которой все казалось в розовом свете, даже запрыгала от радости. — И потом... потом я буду давать уроки!

— Ну, где там уроки, Нусенька! Чай, учење все время съест у тебя... А ты вот что: возьми у меня... Продала я шубу с воротом черно-бурой лисицы, пятьдесят рублей дали. Вот, их возьми, деточка, на обзаведение. Куда мне, старухе? Сыта и обута. Много ли мне надо?..

И старая бабушка сунула в руку Нуси этот самый, теперь уже порыжевший, тогда же новешенький кошелек с деньгами, скрепляя слова свои поцелуем.

Через несколько дней Нуся уехала.

* * *

Петербург с первого же дня появления в нем Нуси жестоко напугал девушку. Сразу пришлось истратить целую уйму денег: внести плату за право слушания лекций, обзавестись книгами, заплатить за комнату. А там театры: нельзя же было не познакомиться с ними с первых же дней. Затем пришлось приобрести некоторые вещи для пополнения гардероба и прочее, и прочее, и прочее. Словом, деньги текли, как вода.

Не прошло и месяца со дня водворения Нуси на жительство в столице, как пришлось уже познакомиться с недостатками и недочетами. Деньги, подаренные бабушкой, очень скоро были израсходованы. Правда, каждое первое число отец аккуратно высылал по пятнадцать рублей в месяц, но разве этого могло хватить при восьмирублевой комнате на обеды, чай, прачку, трамвай и прочее и прочее?

А уроки, как на зло, не попадались. Слишком уж много развелось желающих давать уроки!..

Нуся, однако, не унывала. Новые товарки, знакомство с ними, разные кружки, а главное — театры, куда она с таким

удовольствием бегала на галерку, не давали ей первое время долго раздумывать над печальными обстоятельствами. И только неделю тому назад, когда пришлось вместо обедов питаться чем Бог послал и избегать чуть ли не весь город, тщетно ища занятий, русая головка Нуси в раздумье опустилась, а беспечное до сих пор детское личико приняло столь несвойственное ему выражение озабоченности и грусти.

Нуся познакомилась с первыми вестниками нужды...

* * *

В то время как Нуся размышляла над грустным своим положением, у двери ее крошечной комнаты послышался легкий свист шелковых юбок, затем последовал троекратный стук в дверь, и в Нусину каморку просунулась элегантная хорошенькая головка в большой шляпе со страусовыми перьями.

— Изволина, можно к вам? — произнес звонкий голосок гостыи с порога комнаты.

— Входите, Борей, входите!

Элли Борей, однокурсница Нуси, дочь богатого банкира, впорхнула в комнату, внося с собой струю свежего морозного воздуха и вдобавок к нему — тонкий аромат дорогих парижских духов.

— Что вы делаете, Изволина? Никак зубрите лекции? Бросьте, милушка. Стоит того... Я сегодня не поехала на курсы. Проспала. Вчера отец повез всю семью в оперу. У нас была ложа. Вы не можете себе представить, как они пели вчера! Я обожаю «Риголетто». Вы помните этот мотив?

И Элли пропела хорошо знакомую Нусе арию.

Нуся оживилась, сразу забыла свои плохие дела, голод, жуткий призрак нужды. Элли она не любила, как не любили все эту богатую, праздную, Бог весть для чего поступившую на курсы, барышню.

Но Элли принесла с собою кусочек того радостного светлого мира, который всегда так тянул к себе Нусю.

— А сегодня что вы делаете, Элли? — с любопытством спросила она нарядную оживленную Борей.

— Сегодня? Ах, милушка, да разве вы не знаете? Сегодня бал у технологов... Надеюсь, и вы там будете... Я нарочно к этому дню сшила себе платье. Прехорошенькое вышло: зеленое, прозрачное, на розовом чехле. Очаровательно... А на голову — розовую же ромашку... Вот вы увидите. Ведь встретимся на балу? Все наши там будут.

— Да? — голос Нуси упал до шепота, личико вытянулось и побледнело.

Ах, как ей хотелось попасть на этот бал! Она давно мечтала о нем. Но разве можно идти туда в том черном потертом платье, в котором она бежит на лекции или в театр на галерку? А другого у нее нет. Да и потом, какой уж тут бал, когда ей есть нечего. Нуся тяжело вздохнула. Глаза ее невольно наполнились слезами. Вдруг внезапная мысль осенила ее голову.

Что если взять займы несколько рублей у этой богатой и нарядной Элли? Можно будет купить светлую кофточку... Они недороги... Из дешевого шелку... И одеть с черной юбкой, предварительно хорошенько почистив последнюю. И перчатки... Может быть, и на туфли хватит. Элли всегда располагает крупными суммами карманных денег. Что ей стоит помочь товарке! Она, Нуся, отдаст ей, непременно отдаст, когда получит.

И красная от смущения Нуся, первый раз решившаяся просить в долг денег, заикаясь, чуть шепотом лепечет:

— Борей, голубушка, не можете ли вы мне одолжить десять — двенадцать рублей. Я вам отдам при первой возможности, — и окончательно смущенная, она низко опускает свою русую головку.

Борей прищуривается. Ее глаза смотрят чуть-чуть насмешливо на эту склоненную головку. Сколько раз обращаются подруги с подобными просьбами к ней, Борей. Она уже к ним привыкла. Разумеется, у нее, Элли Борей, всегда найдется в портмоне такая ничтожная сумма. Но с

какой стати рисковать ею? Она не настолько хорошо знает эту самую Изволину, чтобы быть уверенной в отдаче ею долга. Да и потом — на всякое чиханье не наздравствуешься: сегодня попросит одна, завтра другая. А ей, Элли, еще так много хотелось купить именно в этот день: такие миленькие открытки выставлены на углу Морской, затем надо зайти к Балле купить сладости. Она, Элли, обожает засахаренные фрукты — только фрукты, остальных сладостей не признает. И еще непременно надо купить кое-что из туалета...

Как, однако, неудобно отказывать этой девочке. Элли косится на все еще склоненную русую головку: «Сейчас видно глухую провинциалку, — иронизирует она мысленно, — извольте радоваться — дай ей сразу десять — двенадцать рублей! Или она воображает, что Элли кует деньги? Ужасно глупо!»

Элли Борей встает, смотрит мельком на золотой браслет с часиками, украшенными эмалью, и говорит отрывисто, не глядя на Нусю:

— Извините, Изволина, денег у меня в данное время нет. Были большие траты. Благодаря балу пришлось купить на платье, цветы, перчатки... Вы сами можете понять... Советую обратиться к кому-нибудь другому... Ах, Боже мой, как я заболталась у вас... Скоро три часа. Надо спешить обедать... Лошадь застоялась, я думаю, ожидая меня. Прощайте, милушка, прощайте.

И тряся хорошенькой головкой, а вместе с нею и густыми страусовыми перьями на шляпе, Борей поспешно пожимает руку Нуси и спешит за дверь. На пороге она останавливается, медлит на мгновение и, чтобы сказать что-либо, в невольном смущении бросает через плечо:

— Я бы советовала вам переменить комнату, Изволина. В ней вам положительно вредно оставаться. Посмотрите, какая сырость проступила в углу.

Еще легкий кивок головы, свист шелковых юбок, и изящная фигурка гостьи исчезает в длинном прокопченном чадом коридоре.

После ее ухода Нуся стоит как потерянная несколько минут на одном месте. Жгучий стыд, боль обиды и раскаяние в просьбе овладевают ее душою. Ах, что бы дала она, только лишь бы вернуть, не произносить сорвавшуюся у нее с уст фразу об одолжении денег!

— Бесчувственная, нечуткая, бессердечная, жадная эгоистка! — вырывается у нее стоном по адресу исчезнувшей Борей. Она с силой обхватывает руками голову, садится на свою жесткую-жесткую, как камень, кровать и горько плачет, зарывшись головой в подушки.

* * *

Январский день короток. Быстро спускаются зимние сумерки на землю. В Нусиной каморке они появляются много раньше, чем у других, потому что единственное оконце едва не упирается в стену противоположного дома, и в каморке редко бывает по-настоящему светло.

Нуся давно перестала плакать. Стоит с широко открытыми глазами и смотрит в потолок. Темные сумерки сгущаются. Темные мысли тоже — о людской несправедливости, эгоизме и нечуткости. Но как ни темны эти мысли, а голод заглушает их, резко напоминая о себе.

Нынче Нуся может позволить себе роскошь купить на четыре копейки ситного и на четыре колбасы, завтра уже ничего покупать не придется. Но о завтрашнем дне Нуся не думает. Волчий аппетит говорит ей об одном только сегодняшнем дне.

Она быстро одевает свою ветхую шубенку, старую шапочку под котик и, надевая по пути вязаные перчатки, спускается вниз на двор. Мелочная лавочка у ворот, тут же. Нуся покупает свой убогий обед, вернее теперь уже ужин, и спешит к себе. Всегда растрепанная, с подоткнутым подолом и тяжелой гремящей обувью, хозяйская прислуга ставит самовар. Нуся зажигает лампу, режет колбасу и ситный на

маленькие кусочки и, стараясь обмануть голод, медленно съедает их, запивая чаем. Бьет шесть.

Девушка снова одевается и выходит.

Надо зайти к кому-нибудь из товаров по курсам. Может быть, там она услышит про уроки или про переписку.

Студеный зимний вечер сразу прохватывает Нусю своим пронизывающим ветром и хлопьями снега. Ноги зябнут в легких резиновых галошах. Голова кружится и болит; нельзя питаться безнаказанно всю неделю одним только ситным с колбасою!

В усталом Нусином мозгу складывается робкое решение: «Что если написать отцу, просить его выслать деньги вперед?» Но в тот же миг неудачная мысль отбрасывается: «Откуда же взять денег отцу, живущему с семьей на скромное жалованье — семьдесят рублей в месяц?»

И тут Нусю обжигает горечью мысль: а ведь она ни разу не зашла в храм, все ее мысли были целиком поглощены театрами, кружками, балами. Да и то общество, куда ее так манило, давно считало изжившим себя предрассудком ходить на службы и молиться Богу. И, стремясь успеть за ними, она незаметно для себя отстранилась от Церкви.

Зубы Нуси начинают стучать, как в ознобе. Ноги подкашиваются. Она с тоскою смотрит по сторонам. Маленький сквер еще открыт. Там скамейки. Необходимо сесть на одну из них, иначе она упадет. Голова кружится. И губы сами собой начинают сначала шепотом, а затем вслух произносить: «Пресвятая Богородица, спаси нас»...

Теплый лучик молитвы согревает надеждой уже замирающее сердце.

* * *

— Ба, Изволина, какими судьбами?

Нуся вздрагивает от неожиданности. Перед нею как изпод земли вырастает высокая фигура студента, запущенная

снегом. При свете зажженных фонарей она сразу узнает знакомое некрасивое, все в рябинах от оспы лицо студента-технолога Алчевского, его светлые вихры, торчащие из-под фуражки, и старенькое летнее пальто, которое Алчевский носит во всякое время года.

Этот Алчевский очень беден, и Нуся отлично знает это. Питается он впроголодь, бегает по грошовым урокам. Его всегда можно застать в храме. И никогда хорошее настроение духа не покидает его, несмотря на то, что у этого самого Алчевского на плечах целая семья: мать-старуха, больная сестра-вдова, сестрины дети. И он умудряется содержать всех четверых.

— Эх вас вынесло, коллега, в такую непогоду! Сидели бы дома, а то, шутка ли сказать, добрый хозяин нынче собаку на улицу не выпустит, а вы вот, тут как тут, в стужу и метель на скамеечке в сквере...

— Да ведь вы тоже вышли, Алчевский, — уныло замечает Нуся, делая попытку улыбнуться.

— Ах, скажите, пожалуйста! — смеется Алчевский. — Да я, сударыня, мужчина, и нашему брату всякие нежности не с руки. Не по комплекции, извольте видеть. Это во-первых. А во-вторых, на радостях мне и стужа непочем. Жарко, словно летом при сорокаградусной температуре, а все от счастья.

— От счастья? — словно эхом откликнулась Нуся.

— Ну, да. Чего вы, с позволения сказать, глазки вытаращили? Счастлив я нынче, Анна Семеновна. Два урока получил. Один получше, а другой похуже. Да тот, что получше-то, так хоть самому первому в мире репетитору, и то находка. И гонорар разлюли-малина, и ученики теплые ребята. А главное дело — безработица у меня была за последнее время такая, что хоть ложись и помирай. Все хотят учить, а никто — учиться. А тут вот, словно с неба свалилось. Моя старуха-мать и то говорит: «Это нам свыше, Ванечка, послано, в награду за долгую голодовку...» Так как уж тут не радоваться да не чувствовать летнего зноя в стужу и метель!.. Ну, а вы что?

— Я?

Нуся хотела рассказать о себе этому веселому, неунывающему Ванечке (как все знакомые называли Алчевского), но только махнула рукой и неожиданно горько заплакала.

Алчевский растерялся от неожиданности.

— Анна Семеновна, что вы? Да Господь с вами? С чего это? А? — озабоченным голосом с заметной долей волнения лепетал он, заглядывая в залитое слезами лицо Нуси.

Та долгое время молчала, не будучи в силах произнести ни слова.

Долго утешал и успокаивал ее Ванечка, пока Нуся нашла в себе наконец силы собраться с духом и рассказать ему все, решительно все: и про свои более чем плохие обстоятельства, и про то, как она тщетно искала какого-либо заработка, урока, переписки, и про грозный призрак голода, и про отказ однокурсницы в помощи ей, Нусе, несмотря на обещание с ее стороны во что бы то ни стало отдать долг...

Нуся говорила, Алчевский слушал. Сидя на скамеечке сквера, занесенной снегом, Изволина, как говорится, изливала своему случайному собеседнику душу. Ах, как тяжело жить, как негостеприимно принимает большой город таких маленьких глупеньких провинциалок, не умеющих ориентироваться в столице! И новый поток слез орошает взволнованное личико девушки.

О предстоящем бале у технологов она, Нуся, уже не думает. Мысль о бале явилась у нее сразу под впечатлением визита и беседы Элли Борей. Ее не тянет ни на бал, ни на какие развлечения больше. Какие там балы, когда грозный призрак нужды и лишений в самом существенном, в самом необходимом встает за ее плечами?

Опустив беспомощно руки на колени, дрожа от волнения, она сидит подавленная. Слезы то и дело выкатываются у нее из глаз... Хочется без конца плакать, плакать...

Ее собеседник сидит молча, с опущенной головой и думает, сосредоточенно думает какую-то упорную думу.

Неожиданно вскакивает со скамьи Ванечка, машет руками и еще более неожиданно кричит «ура». Нуся вздраги-

вает и смотрит на Алчевского испуганными, недоумевающими глазками. «Уж не сошел ли он с ума, этот странный Ванечка!» — мелькает у нее в голове невольная мысль.

— Ура! Дважды ура! Трижды ура! — продолжает чуть ли не вопить Алчевский, не обращая внимания на то, что проходящий в это время сторож сквера подозрительным взглядом окидывает его фигуру и, кажется, намерен сделать ему замечание за нарушение общественной тишины.

— Ура, коллега! Слава Богу! Способ выручить вас из беды найден... Как вам уже известно, я получил два урока — один похуже, другой получше. Известное дело, получше оставляю себе, похуже передам вам. Ничего себе и тот, что похуже. Десять «целкачей» в месяц и обеды ежедневные, потому — семья хлебосольная, любит до отвала кормить. Обеими руками за них держитесь, коллега. Кажется, и учить-то придется девочек, гимназисток. Вот вам адресок.

И закоченевшею без перчатки рукою Ванечка лезет в карман, достает оттуда тщательно сложенную бумажку и передает Нусе.

— Недалеко отсюда, советую сейчас же махнуть туда, сказать, что де Ванечка Алчевский отказывается от вашего урока, мне передает. Так, мол, и так, считаю себя не хуже его, а по тому случаю прошу любить и жаловать аз многогрешную!

— Да ведь они вас хотели, а не меня; и потом, как же вы-то, вы-то, Алчевский, без урока останетесь? — лепечет смущенно Нуса.

— Перестаньте, пожалуйста, не до сентиментов тут... Говорю вам, лучший урок себе оставил, а вам менее выгодный предложил. Берите и не смущайтесь. А что против вас ничего не будут иметь — за это уж я ручаюсь. Повторяю вам — учить придется девочек. Пожалуй, родители даже рады будут, что не студент, а курсистка будет учить их девочек... Итак, не зевайте: сегодня же отправляйтесь по адресу, который я вам дал.

Ванечка говорит убедительно, но почему-то не глядит в глаза Нусе: ему точно совестно...

Нуся понимает, что он просто из сострадания отдает ей свой урок.

«Милый Алчевский, чем я отплачу ему за это!» — думает она.

Нуся колеблется. Не отдать ли, не вернуть ли великодушному Ванечке бумажку с адресом, не отказаться ли от предложенного им с такой готовностью выхода или же принять его жертву? Ведь он нуждается, вероятно, не меньше ее, Нуси, и, кроме того, у него целая семья на плечах.

«Нет, нет, пусть этот заработок остается за ним», — решает она.

И Нуся уже протягивает руку с сжатой в пальцах бумажкой. Ей хочется крикнуть Алчевскому: «Не надо, не надо... Я не приму вашего великодушного порыва... Я не могу принять...»

Но слова замирают у нее на устах... Алчевского уже нет подле... Пока она колебалась, борясь сама с собою, он успел встать и незаметно уйти.

Его высокая фигура быстро тает теперь вдаль за решеткою сквера.

Нуся долго провожала Алчевского глазами, и сердце девушки примирилось с недавней обидой как вполне заслуженной, покоренное лучшею силою светлой человеческой души...

1913

СКАЗКА ПРО ИВАНА, ИСКАВШЕГО СЧАСТЬЕ

Жил на свете Иван.

Жил он в богатом селе, с широкими прямыми улицами, с тесовыми новыми домами, с чистенькими двориками и тенистыми садами перед каждым домом, — словом, в таком селе, где все люди довольны и незнакомы с нуждой.

Сам он был парень молодой, здоровый, пригожий.

Были у Ивана отец с матерью, сестра с братом. Было все у Ивана, что необходимо человеку в жизни: и платье хорошее, новешенькое, и сапоги, и картуз всегда с иголочки. И сыт он

был всегда, и денежки у него водились. Чего же, кажется, больше?

Жить да поживать бы Ивану, благо всем наделен: добрыми родителями, любящими братом и сестрой, достатком, довольством, всем.

Ан не тут-то было.

Услышал как-то Иван, как люди о счастье спорили.

— Что такое счастье? — спросил Иван у людей.

Ему объяснили:

— Это такое, что ищи — не отыщешь, лови — не поймашь, схвати — не удержишь. А само оно придет тогда, когда его меньше всего ожидаешь, и поселится так, что никуда не выгонишь, пока само не уйдет.

Так пояснили Ивану люди.

— Ну это вздор! — произнес Иван. — Если захочу — отыщу счастье, поймаю его и принесу с собой.

— Ан не принесешь! — заспорили люди.

— Ан принесу! — возразил Иван.

Он был очень упрямый, и что ему в голову взбредет — сейчас же приводит в исполнение. Так и сейчас.

Надел шапку, привязал котомку за плечи, взял палку и пошел бродить по свету упрямый Иван.

Пошел искать счастье.

Идет по большой дороге и смотрит вниз, себе под ноги, не валяется ли случайно кем-нибудь оброненное счастье.

Шел, шел и пришел в большой город. Пришел и присел отдохнуть у городской заставы.

Сидит, отдыхает, песню поет. Ах, хорошо поет! Про село большое, про тенистые садочки, про речку голубую, быструю.

Голос его так в душу и просится. Чудесный голос у Ивана. А вокруг него толпа собирается. Большая толпа. Стоят кругом, молчат, прямо в рот ему смотрят, слушают.

А Иван и внимания на толпу не обращает, поет себе да поет.

Вдруг вышел из толпы кругленький человечек, подошел к Ивану, ударил его дружески по плечу и говорит:

— Много я голосов на своем веку слышал, а такого не слыхивал. Соловей ты. Так поешь, что заслушаться можно. Такой голос — это целый клад. Хочешь, одену тебя в шелк и бархат, озолочу тебя, денег буду давать столько, что во всех твоих карманах не уместятся. А ты только пой да пой. А я уж так устрою, что будут приходиться тебя слушать и короли, и принцы, и важные сановники. Захочешь, чтоб плакали они, — запоешь печальную песню; захочешь, чтоб смеялись, — веселую запоешь... И слава про тебя как великого певца прогремит на весь мир. Везде и всюду люди с почетом тебя будут встречать, с почетом провожать. И ничего тебе для этого не надо будет делать, как только петь да петь...

А Иван смотрит на кругленького человечка и только посмеивается. Очень-де нужны ему почет, слава и золото, когда он счастье пошел искать!

И, поднявшись со своего места, нахлобучил картуз Иван и пошел прочь из города, по дороге к лесу.

Вот и лес... С песенкой веселой путь короче кажется.

Огромные великаны деревья на пути Ивану попадаются. Зеленые ветки к нему протягиваются. Смотрит Иван на ветки и думает: «Не запуталось ли где-нибудь счастье в ветвях?»

Смотрит да смотрит... А счастья-то нет. Но тут нечто иное привлекает внимание Ивана.

Выскакивает из чащи леса всадник на быстром коне. Одет всадник роскошно, по-королевски, в пышный кафтан с золотым поясом. На голове дорогая шляпа с пером. Лицо у всадника покрыто смертельной бледностью. В глазах испуг. И видит Иван, что огромный бурый медведь гонится следом за всадником, догнал коня, бросился на него сзади и разом обхватил всадника своими страшными лапами. Раздался отчаянный крик, потом оглушительное рычание зверя...

Иван ясно видел, что еще минута — и всадник погиб. Тогда в два прыжка он очутился подле, выхватил меч из-за пояса растерявшегося всадника и изо всей силы ударил им медведя по голове.

Новое оглушительное рычание потрясло воздух, и в следующую же минуту, распростершись на земле, лежал мертвый медведь.

Всадник сошел с коня и приблизился к Ивану.

— Ты спас мне жизнь, — произнес он взволнованным голосом, — спас жизнь короля. Я — король и по-королевски хочу наградить тебя за храбрость, за твой подвиг. Иди со мной в мою столицу. Будешь жить у меня в королевской почести, я наделю тебя королевской властью, а после моей смерти ты будешь королем моего государства.

Но Иван только головой покачал в ответ.

К чему ему королевская власть? Он пошел искать счастье, а не королевскую власть.

И с поклоном Иван отказался от предложенной ему чести. Очень он был упрямый, и уж больно хотелось ему найти счастье. Идет дальше, палкой помахивает да глазееет по сторонам. Вышел из лесу. Видит село по дороге.

На краю села — колодец.

У колодца девушка стоит и такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Посмотрела на Ивана красавица. С первого же взгляда он ей понравился: рослый, статный, широкоплечий, ну как есть богатырь.

И чем больше смотрит на него девушка, тем больше им любитесь.

А запел свою песню Иван, так и замерло сердце у красавицы.

Не то соловей поет, не то Божий ангел.

Взяла девушка за руку пригожего певца и говорит:

— Давно я о таком женихе мечтала. Ты мой суженый. Пойдем к отцу и к матери, пусть благословят на брак с тобою.

А Иван смотрит на красавицу, любитесь ею, уж очень его красота девушки поразила, а сам только тихонечко головой качает.

— Нельзя мне оставаться с тобой, странствовать я должен, дело у меня есть, — говорит он тихим голосом, а у самого сердце так и замирает.

Очень уж полюбилась ему красавица. Жаль уйти от нее.

А все-таки ушел упрямый Иван.

Пошел счастье искать.

Ходит да ищет. Ищет да ходит.

В лесах ищет, на полях, в селах, деревнях и в больших городах, на площадях и на улицах... И все-таки не находит.

Ходил, ходил, весь свет обошел и вернулся снова в родное село.

Много лет прошло с тех пор, как ушел он отсюда счастье искать. Родители умерли, сестра замуж вышла, брат женился.

Едва его узнали в селе — так он постарел, почернел, оброс бороною.

— Не нашел счастья... Всюду искал... Знать, обманули вы меня! — с горечью стал упрекать он людей, с которыми беседовал перед своим уходом. — Нет счастья на земле! Одни это выдумки про счастье. Есть слава, есть власть, есть любовь, а счастья нет!

И стал он рассказывать тут же, как предлагали ему славу, власть и любовь. Про встречу с кругленьким человечком, с молодым королем, с красавицей девушкой рассказал людям Иван.

А как узнали про все люди, так и закачали головами.

— Глупый ты, глупый, Иван. Мир исходил, а ума не нажил, — говорили они, — ведь в руках у тебя было счастье, а ты сам упустил его. Три раза оно к тебе попадало, и три раза ты его оттолкнул от себя.

И качали головами люди, удивлялись несмышленому Ивану.

И говорили между собой:

— Нет, счастье глупому не впрок.

А Иван смотрел на них и удивлялся: где они увидели счастье в его рассказах?

А когда люди ушли, уселся Иван на камне, у опушки леса, и стал вспоминать про свои встречи, о которых он только что рассказал. Уселся да стал думать, почему люди решили, что он три раза оттолкнул счастье.

Думал-думал да так ничего не надумал.

Глупый был Иван и упрямый.

Очень глупый...

ЧАРОДЕЙ ГОЛОД

Сказка

Широко раскинулись огромные палаты именитого боярина Коршуна. Богат и знатен боярин. Много у него всякого добра, казны в больших укладках и ларцах напрядано. Много тканей, бархата, парчи, мехов собольих да куньих да камней самоцветных и зерен жемчужных схоронено под крышками тяжелых кованых сундуков. По всему дому, неслышно скользя, снуют челядинцы (слуги) боярина. Много их у него. И все-то они сыты, одеты и обуты. Для всех их много хлеба и всякой снеди в амбарах и кладовых боярских припасено.

Любит боярин вокруг себя видеть сытые, довольные, радостные лица. И чтобы довольны были своей жизнью слуги боярские, чтобы радостно улыбались их лица и чтобы восхваляли они своего боярина честь честью, ничего для них Коршун не жалеет.

Кушайте, мол, сладко, пейте досыта!

Кушает вволю боярин, кушает и челядь его пироги подовые, масляные, всякую живность, курей да уток, пьет пиво да брагу, мед да вина заморские с боярского стола вдоволь, досыта.

А чтобы сытно кушать да вкусно пить боярину Коршуну, его семье и челяди, собирает боярин дань со своих мужиков, которых ему давно с вотчинами пожаловал батюшка царь. Мужики до пота лица трудятся, хлебушка нажнут, обмолят, смелют и боярину Коршуну шлют; и пряжи всякой посылают, и полотна.

И живет боярин трудами своих мужиков-работников, живет припеваючи. Только однажды послал гонцов боярин по своим вотчинам и деревням, чтобы собрать с мужичков обычную дань, а гонцы встревоженные и взволнованные назад воротились.

— Ничего не привезли тебе, боярин! В твоих деревнях Чародей Голод поселился. Он там хозяйничает, — говорят ему. — Из-за него в этот раз ничего от мужиков твоих получить нам не пришлось.

Крут был нравом, вспыльчив боярин Коршун.

— Какой такой Чародей, — кричит, — какой такой Голод? Знать его не знаю, ведать его не ведаю! Чтобы было мне все по-прежнему: и мука, и полотно, и пряжа, все, чем мне мужики мои до сих пор челом били!

Испугались боярские гонцы хозяйского гнева. Стоят ни живы, ни мертвы перед боярином. Дрожат, трясутся.

— Ничего, боярин-батюшка, поделаться нельзя, — снова лепечут. — Засел крепко-накрепко в твоих деревнях Чародей Голод, всеми мужиками твоими распоряжается, словно в тисках их держит, поля их сушит, коровушек и лошадей губит. Скоро до самих мужиков доберется!

— Ой ли? — гаркнул боярин. — Ой ли? Неужто ж так силен и могуч Чародей Голод?

— Очень могуч, боярин-батюшка! — отвечают насмерть перепуганные гонцы.

— Так могуч, что и не победить мне его? — еще пуще того рассвирепев, спрашивает боярин.

Слуги молчат, трясутся от страха и чуть слышно шепчут:

— Очень могуч Чародей Голод!

— А когда так, — совсем уже разгневался боярин, — когда так, то я знаю, что сделаю. Гей, люди! Готовьтесь в путь, запрягайте сани, собирайтесь в дальнюю дорогу! Побольше всякой снеди с собой берите! Хочу Чародея Голода сыскать, на бой его вызвать и побороть его, негодного! И жену-боярыню, и детей моих возьму с собою — пусть посмотрят, как боярин Коршун с Чародеем Голодом бороться будет.

Поднялась суматоха в боярском доме. Засуетились слуги, засуетилась дородная хозяйка-боярыня. Забегали дети хозяйские. Все в путь готовятся, снаряжаются.

На кухне боярской дым коромыслом стоит: пироги да яства разные для дороги готовят, хлеб да разные припасы на

возы да телеги складывают, бочки брагою и вином наполняют, чтоб для всех хватило.

Шутка ли, всем домом в путь подняться! Поднялись, однако. Тронулись.

Перед боярскими санями гонцы скачут верхами, народ разгоняют с пути. Оповещают всех криками, чтобы сторонились, значит, что знатная особа боярская в санях едет.

День, другой, третий проходит. Неделя, другая, третья.

По дороге останавливаются лошадям отдых дать, самим размяться. На исходе месяца доехали до боярской вотчины. Люди из избы выскочили встречать редких гостей. Господи Боже мой, и что это за люди были! Худые, измученные — кожа да кости... Глаза как плоски, у всех огромные, так и горят. Желтая кожа отвисла на лице и руках. Голоса как из-под земли звучат, глухие страшные.

— Здрав буди, боярин милостивый! — кричат. Да крик у них такой слабый, что до ушей боярских дойти не может.

— Что такое? Что с вами? — удивляется боярин, обращаясь к голодным, измученным людям.

— Это нас так Голод разукрасил, — отвечают ему несчастные. — Уморить он нас всех хочет. Ни крошки хлеба не оставил. Вот который день уже голодаем. Помоги нам, боярин, у тебя хлеба да припасов в твоих амбарах много. Вели, боярин, отпустить.

Не нравится боярину речь мужиков, помогать им не хочется. Мало ли их тут? Всех не обделаешь.

Скуп был боярин и не умел людей жалеть. Да и не для того в дальний он путь отправился, чтобы мужикам свои запасы отдать. Другое его тешило и занимало: какой такой из себя Чародей Голод, мыслит он, и как бы найти его да на бой вызвать, чтобы он не смел ему, Коршуну, перечить? А то, что же это? Который месяц боярин дани со своих вотчин собрать не может, из-за какого-то Чародея Голода убытки терпит!

Нет, надо его найти и победить непременно, лютого врага. И стал спрашивать голодных мужиков боярин, как найти Чародея Голода, как встретить его?

Но мужики не понимают, чего от них боярин хочет. Одно только твердят:

— Помоги нам, боярин, Христа ради!

А боярин разгневался пуще. Велел поворачивать сани и в другую вотчину ехать.

Повернули сани и поехали лесом, большим, густым, непроходимым. Как выехали на опушку, так темно, темно в санях крытых, точно ночью, стало. А тут еще метелица с вьюгой поднялась. Кружит, свистит, хлопьями снега забрасывает. Мучились, мучились, из сил выбились.

— Стойте! — кричит боярин, — переждем здесь метелицу, отдохнем. Запасов у нас дня на три хватит. К этому времени метель пройдет.

Выпрягла челядь лошадей.

День отдыхают, другой, третий, а вьюга не унимается. Всю дорогу занесло. Не выбраться. А припасов, что взяли с собою, все меньше да меньше становится. Наконец настал день, когда все припасы поели; больше ничего не осталось: не то что пирогов да живности — ни единой даже краюшки хлеба. А метель все кружит и поет и дорогу все больше и больше заметает...

Есть страшно людям хочется, а из леса выхода покамест не видно. Снежные заносы кругом.

Слуги волноваться начали. Ропщут.

— Есть хочется, боярин. Невмоготу!

А боярину и самому тяжело.

Дети боярские, уже третий день ничего не получая, захворали у него в возке. Жена стонет, мечется, смерть призывает. У старшенькой дочери боярина, боярышни Фимы, судороги уже делаются. И кричит страшным голосом Фима:

— Есть хочу, тятя! Дай мне хлебца, тятя! Умираю!..

Света не взвидел боярин от этих криков дочери. Ударился головой о стенку колымаги и заплакал навзрыд, поднимая руки к небу.

— Смилуйся, Господи! Помоги мне! Половину имущества моего раздам мужикам! Все свои запасы хлебные раскрою перед ними! Помоги мне! Спаси Фиму, жену, деток!

Сказал, поднялся с полу, посмотрел в окно возка и вскрикнул. Видит боярин, у самой колымаги стоит огромное худое чудовище. Лицо у него страшное, костлявое, как у мертвеца. Коса за плечами, руки и ноги, как жерди, повисли — болтаются.

— Узнал ты меня, боярин? — спрашивает, смеясь, страшное чудовище. — Я Чародей Голод, тот самый, которого ты на бой вызвать хотел.

— Узнал! — лепечет боярин.

— Что же ты на бой меня не вызываешь? — снова смеется чудовище. — Я жду, есть у тебя оружие, боярин? Не с пустыми же руками ты со мной бороться будешь. Иль ты меня богатством своим победить хочешь, боярин?

— Милостями постараюсь победить тебя, батюшка Голод, — отвечает боярин, — милостями. Сам теперь знаю всю силу твою!

И низко, низко поклонился Чародею Голоду боярин Коршун.

Словно чудом стихла метель, расступились снежные сугробы и выехали на дорогу боярские сани. Вернулись в вотчину голодную и тут боярин сам вышел к голодным мужикам и дал всем им торжественное слово, что пришлет им хлеба и муки из своих боярских амбаров.

И всю свою казну, какая с ним была, беднякам роздал.

С тех пор круто изменился боярин Коршун: не только себя, свою челядь жалеет, но и мужиков своих не забывает, часто наезжает в свои вотчины, голодных кормит, бедняков наделяет щедро и торовато своей казной.

И хоть казны этой меньше у боярина стало, зато богат боярин любовью народной и счастьем окружающих людей.

Победил не к худу, а к добру боярина Коршуна Чародей Голод.

1912

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

(1918—2008)

Александр Солженицын родился 11 декабря 1918 года в Кисловодске. В 1924 году переехал с матерью в Ростов-на-Дону (отец трагически погиб еще до рождения сына). В 1936 году Александр закончил школу и поступил на физико-математический факультет Ростовского университета, который и закончил перед второй мировой войной. Он три года воевал в артиллерии и получил звание капитана. За критические замечания о Сталине, высказанные им другу в письмах, перлюстрированных военной цензурой, будущего писателя 9 февраля 1945 года арестовала фронтовая контрразведка. Он был приговорен к восьми годам лагерей.

С 1946 года по 1950 год математиком работал в «шарашках», затем в Северном Казахстане. После окончания срока заключения был отправлен в вечную ссылку в Южный Казахстан. Будучи смертельно больным, от рака он чудом вылечился в ташкентской больнице.

Во время правления Хрущева Александр Солженицын был освобожден и в 1956 году смог вернуться в Центральную Россию. По возвращении год работал учителем в средней школе Рязани, преподавал математику и физику. В журнале «Новый мир» в 1961 был опубликован его первый рассказ «Один день Ивана Денисовича», а в 1963 — «Магренин двор». Они приносят ему известность. 30 декабря 1962 года Александра Солженицына принимают в Союз писателей СССР.

В 1966 году в «Новом мире» был опубликован рассказ «Захар-Калита». После этого произведения писателя перестали публиковать. В 1968 году за рубежом выходит роман Александра Солженицына «В круге первом» и повесть «Раковый корпус» (1968—1969). В 1970 году Солженицын получает Нобелевскую премию.

Последовавшие публичные выступления Солженицына («Великопостное письмо Всероссийскому патриарху Пимену», «Мир и насилие», «Письмо вождям Советского Союза») так же, как и публикация первого варианта «Августа 14-го» (1971) и первого тома «Архипелага ГУЛАГ» (1973), вынудили советское руководство выслать писателя в феврале 1974 года в Германию.

Он поселился сначала в Швейцарии, а затем в 1976 году переехал с семьей в США. Будучи на Западе, он завершил «Бодался теленок с дубом: очерки литературной жизни» (1975) и восстановил три пьесы (1981), сочиненные им устно в лагерях. В 1989 году журнал «Новый мир» напечатал главы из «Архипелага ГУЛАГ».

В августе 1990 года Александру Солженицыну было возвращено советское гражданство. В сентябре того же года тиражом 27 миллионов экземпляров в СССР был опубликован его манифест «Как нам обустроить Россию».

В мае 1994 года писатель через Дальний восток вернулся на Родину. Заняв активную жизненную позицию, писатель участвует в общественно-политической жизни страны. Умер Александр Исаевич Солженицын в 2008 году.

УТЕНОК

Маленький желтый утенок. Смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегаёт передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела со своими, грела равно всех. Сейчас, перед непогодой, их домик — перевернутую корзину без дна — отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чем тут держится душа? Не весит нисколько, глазки черные — как бусинки, ножки — воробьиные, чуть-чуть его сжать — и нет. А между тем — тепленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и желт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмемся, за двадцать минут мир перепашем.

Но никогда-никогда! — со всем нашим атомным могуществом не составим в колбе, и даже если перья и косточки им дать, — не смонтируем вот этого невесомого желтенького утенка...

1961

КОСТЕР И МУРАВЬИ

Я бросил в костер гнилое бревнышко, недосмотрел, что изнутри оно густо населено муравьями.

Затрещало бревно, вывалили муравьи и в отчаянье забегали, забегали поверху и корезились, сгорая в пламени. Я зацепил бревнышко и откатил его на край. Теперь муравьи многие спаслись — бежали на песок, на сосновые иглы. Но

странно: они не убегали от костра. Едва преодолев свой ужас, они заворачивали, кружились, и — какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! — и были многие такие, что опять взбегали на горящее бревнышко, метались по нему и погибали там...

1961

ШАРИК

Во дворе у нас один мальчик держит песика Шарика на цепи — кутенком его посадили, с детства.

Понес я однажды ему куриные кости, еще теплые, пахучие, а тут как раз мальчик спустил беднягу побегать по двору. Снег во дворе пушистый, обильный. Шарик мечется прыжками, как заяц, то на задние ноги, то на передние, из угла в угол двора, из угла в угол, и морда в снегу.

Подбежал ко мне, лохматый, меня опрыгал, кости понюхал — и прочь опять, брюхом по снегу!

Не надо, мол, ваших костей, дайте только свободу!..

1961

ВЯЗОВОЕ БРЕВНО

Мы пилили дрова, взяли вязовое бревно — и вскрикнули: с тех пор, как ствол в прошлом году срезали, и тащили трактором, и распилили его на части, и кидали в баржи и кузова, и накатывали в штабеля, и сваливали на землю — а вязовое бревно не сдалось!

Оно пустило из себя свежий росток — целый будущий вяз или ветку густо шумящую.

Уже бревно положили мы на козла, как на плаху, но не решались врезаться в шею пилой: как же пилить его? Ведь оно тоже жить хочет! Ведь вот как оно жить хочет — больше нас!

1961

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ (1867—1942)

Константин Дмитриевич Бальмонт — известный поэт. Родился в **1867** году в дворянской семье Владимирской губернии. Предки его — выходцы из Скандинавии. Учился Бальмонт в Шуйской гимназии, откуда был исключен за принадлежность к нелегальному кружку, и курс окончил во Владимирской гимназии. В **1886** году поступил на юридический факультет Московского университета, но уже в **1887** году был исключен за участие в студенческих беспорядках. Принятый вновь через год, вскоре оставил университет вследствие сильного нервного расстройства. Бальмонт пробыл несколько месяцев в Демидовском юридическом лицее в Ярославле и «более не возвращался к казенному образованию». Своими знаниями — в области истории, философии, литературы и филологии — он обязан только себе и старшему брату, умершему молодым.

Бальмонт много путешествовал, подолгу жил в Италии, Испании, Англии, Франции; в конце **1904** года предпринял поездку в Мексику. Довольно часто выступал в качестве лектора; читал публичные лекции о русской и западноевропейской литературе в Оксфорде и Русской высшей школе в Париже. Прочтенные в **17** лет «Братья Карамазовы» дали ему «больше, чем какая-либо книга в мире».

Писать Бальмонт стал очень рано, но в течение четырех или пяти лет ни один журнал не хотел его печатать. Первый сборник его стихов (**1890**), который он сам напечатал в Ярославле, не имел никакого успеха. Первый переводный труд Бальмонта (книга норвежского писателя Генриха Йегера о Генрихе Ибсене) был уничтожен цензурой. Скоро, однако, имя Бальмонта сначала как переводчика Шелли, а с середины **1890**-х годов как одного из наиболее ярких представителей русского «декадентства» приобретает громкую известность. Блеск стиха дает ему доступ и в издания, враждебные декадентству: «Вестник Европы», «Русская мысль» и др. В последние годы литературная деятельность поэта особенно тесно примыкает к московским «декадентским» издательствам «Скорпион» и «Гриф». Стихотворения чрезвычайно плодovitого поэта, но далеко не все, собраны в отдельных изданиях под заглавиями: «Сборник стихотворений» (**1890**), «Под северным небом» (**1894**), «В безбрежности» (**1895, 1896**), «Тишина. Лирические поэмы» (**1898**), «Горящие здания. Лирика современной души» (**1900**), «Будем как Солнце. Книга символов» (**1903**), «Только любовь. Семицветник» (**1903**), «Литургия красоты. Стихийные гимны» (**1905**). Все эти сборники входят в «Собрание стихов» Бальмонта (**2** тома). Ярко написанные критические статьи и публичные лекции поэта составляют сборник «Горные вершины» (**1904**; книга первая).

СНЕЖИНКА

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Под ветром веющим
Дрожит, взмывается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Дорогой бурною
Легко пронесится,
Не в высь лазурную —
На землю просится.
Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.
Но вот кончается
Дорога дальняя.
Земли касается
Звезда кристальная.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая
Какая частая,
Какая белая!

1900

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,

Опьяненные весной
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду.
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет — и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздаётся.
И в сердцах любовь журчит
И весна смеётся.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко.
Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.

1902

У ЧУДИЩ

Я был в избушке на курьих ножках.
Там все, как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке,
Стянул у старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму, и скрылся в дымке,
И вот со смеху кручу свой ус.

Пойду, пожалуй, теперь к Кащею,
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны — и был таков.

1902

САША ЧЕРНЫЙ

(1880—1932)

Русский поэт Саша Черный (псевдоним Александра Михайловича Гликберга) родился в семье провизора. Начал печататься в 1904 году. С 1905 сотрудничал в петербургских сатирических журналах. В 1908—1911 годах — сотрудник «Сатирикона». Его меткие и язвительные сатирические стихи (сб. «Сатиры», 1910) разоблачали реакцию, высмеивали предавшего высокие идеалы либерального интеллигента, обывательщину и пошлость в политике, литературе и быту.

В дальнейшем в лирике Черного усиливаются сарказм, пессимизм. В 1920 года эмигрировал. Книга «Жажда» (1923) окрашена чувством тоски по утраченной родине.

В последние годы жизни писал рассказы и оригинальные по жанру «Солдатские сказки» (1933), воскрешающие тип русского солдата времен первой мировой войны, участником которой был Черный. Известен как мастер стихов и прозы для детей.

КОСТЕР

Эй, ребяташки,
Валите в кучу
Хворост колючий,
Щепки и шишки,
А на верхушку
Листья и стружку...
Спички живей!

Огонь, как змей,
С ветки на ветку
Кружит по клетке,
Бежит и играет,
Трещит и пылает...
Шип! Крякс!
Давайте руки —
И будем прыгать вокруг огня.
Нет лучше шутки —
Зажечь огонь средь бела дня.
Огонь горит,
И дым глаза ужасно ест,
Костер трещит,
Пока ему не надоест...
Осторожней, детвора,
Дальше, дальше от костра —
Можно загореться.
Превосходная игра...
Эй, пожарные, пора,
Будет вам вертеться!
Лейте воду на огонь.
Сыпьте землю и песок,
Но ногой углей не тронь —
Загорится башмачок.
Зашипели щепки, шишки...
Лейте, лейте, ребятишки!
Раз, раз, еще раз...
Вот костер наш и погас.

1911

ПОЕЗД

Третий звонок. Дон-дон-дон!
Пассажиры, кошки и куклы,
в вагон!

До свиданья, пишите!
Машите платками,
машите!

Бархатный пучок.
Дед распродал все охапки —
Ловкий старичок!
Шерстяные обезьянки
Пляшут на щитках.
«Ме-ри-кан-ский житель в склянке
Ходит на руках!!.»
Пудель, страшно удивленный,
Тявкает на всех.
В небо шар взлетел зеленый,
А вдогонку — смех!
Вот она какая верба!
А у входа в ряд —
На прилавочке у серба
Вафельки лежат.

1912

ПРИСТАВАЛКА

— Отчего у мамочки	— Отчего у птичек
— На щеках две ямочки?	— Нету рукавичек?
— Отчего у кошки	— Отчего лягушки
— Вместо ручек ножки?	— Спят без подушки?..
— Отчего шоколадки	— Оттого, что у моего
сыночка
— Не растут на кровати?	— Рот без замочка.
— Отчего у няни	
— Волосы в сметане?	

1912

НА КОНЬКАХ

Мчусь, как ветер, на коньках
Вдоль лесной опушки...
Рукавицы на руках,

Куклины сорочки,
Пеленка
Куклиного ребенка,
Коровьи штанишки
И две бархатные мышки.
Покончила Катя со стиркой,

Сидит на полу растопыркой:
Что бы еще предпринять?
К кошке залезть под кровать,
Забросить за печку заслонку
Иль Мишку постричь под
гребенку?..

1913

ВОРОБЕЙ

Воробей мой, воробьишко!
Серый, юркий, словно мышка.
Глазки — бисер, лапки — врозь,
Лапки — боком, лапки — вкось...
Прыгай, прыгай, я не трону —
Видишь, хлеба накрошил...
Двинь-ка клювом вбок ворону,
Кто ее сюда просил?
Прыгни ближе, ну-ка, ну-ка,
Так, вот так, — еще чуть-чуть...
Ветер сыплет снегом, злюка,
И на спинку и на грудь.
Подружись со мной, пижучка,
Будем вместе в доме жить,
Сядем рядышком под вышкой,
Будем азбуку учить...
Ближе, ну еще немножко...
Фурх! Удрал... Какой нахал!
Съел все зерна, съел все крошки —
И спасибо не сказал.

1914

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ НАШЛА СВОЕГО МИШКУ

Мишка, Мишка, как не стыдно!
Вылезай из-под комода...
Ты меня не любишь, видно?
Это что еще за мода...
Как ты смел удрать без спроса?
На кого ты стал похож?
На несчастного барбоса,
За которым гнался еж...
Весь в пылинках, в паутинках,
Со скорлупкой на носу...
Так рисуют на картинках
Только чертика в лесу.
Целый день тебя искала —
В детской, в кухне, в кладовой,
Слезы локтем вытирала
И качала головой...
В коридоре полетела, —
Вот, царашка на губе...
Хочешь супу? Я не ела —
Все оставила тебе.
Мишка-Миш, мохнатый Мишка,
Мой лохматенький малыш!
Жили-были кот да мышка...
Не шалили! Слышишь, Миш?
Извинись. Скажи: не буду
Под комоды залезать.
Я куплю тебе верблюда
И зеленую кровать.
Самый мой любимый бантик
Повяжу тебе на грудь:
Будешь, милый, будешь франтик, —
Только ты послушным будь...
Что, молчишь? Возьмем-ка щепку —

Надо все соринки снять,
Чтоб скорей тебя, уродку,
Я смогла расцеловать.

1916

ЦИРК

Семейство мальчиков «Вынь-Глаз»,
Известных в Амстердаме,
Даст представление сейчас
По Мишкиной программе.
Бум-бум! За вход по пять рублей,
А с мамы — две копейки...
Сейчас начнем! Оркестр, смелей!
Галоп — для галерейки.
Вот перед вами Пупс-солист
В мамашинной рубашке.
Он храбро съест огромный лист
Чернильной промокашки.
Пупс не волшебник, господа, —
Не бойтесь! Он, понятно,
Ее без всякого труда
Сам выплюнет обратно.
Алле! Известный Куки-фокс
И кошка, мисс Морковка,
Покажут вам английский бокс.
Ужасно это ловко!
Свирепый фокс не ел пять дней,
А кошка — две недели.
Все фоксы мира перед ней,
Как кролики, робели!
А вот пред вами клоун Пик.
Похрюкай, Пик, немножко...
Сейчас издаст он адский крик
И дрыгнет правой ножкой.

Он может выть, как крокодил,
И петь, как тетя Нэта, —
Король голландский подарил
Ему часы за это.
Я сам — известный рыцарь Му.
Вес — пуд семь фунтов в латах,
Зубами с пола подыму
Двоюродного брата.
Он очень толстый и живой.
Прошу вас убедиться —
Он может двигать головой,
Пищать и шевелиться.
Вниманье! Девочка Тото
Пропляшет вальс бандита.
Она хоть девочка, зато
Ужасно знаменита.
Тото, не бойся, не беда!
Так надо по программе,
Ведь в львиной клетке ты всегда
Плясала в Амстердаме.
Вот дядя Гриша. Не визжать!
Он ростом выше шкафа
И очень любит представлять
Алжирского жирафа.
Гоц, дядя Гриша, на дыбы!
Бей хвостиком по пальме!
Он может кончиком губы
Эй, там, на сцене, все назад —
От кресла до кровати.
Смотрите! Это акробат
«Вынь-Глаз, стальные пятки».
Он хладнокровен, словно лед!
Он гибче шведской шпаги!
Он ходит задом наперед
В корзинке для бумаги...
Конец! Артисты, вылезай —

Морковка, Пупс и Кики.
В четверг мы едем в порт Ай-Яй
Показывать там штуки...
Бей, дядя Гриша, крепче в таз,
Тото, не смей щипаться...
Семейство мальчиков
«Вынь-Глаз»
Уходит раздеваться.

1917

УГОВОР

Еж забрался в дом из леса!
Утром мы его нашли —
Он сидел в углу за печкой
И чихал в густой пыли.
Подошли мы — он свернулся.
Ишь как иглами оброс.
Через пять минут очнулся,
Лапки высунул и нос.
Почему ты к нам забрался —
Мы не спорим, ты пойми:
Со своими ли подрался,
Захотел ли жить с людьми...
Поживи... У нас неплохо.
Только раньше уговор:
Будешь ты Чертополохом
Называться с этих пор!
Ты не должен драться с кошкой
И влезать к нам на кровать,
Потому что ты колючий,
Можешь кожу ободрать...
За день будешь получать ты
По три блюда молока,
А по праздникам — ватрушку

И четыре червяка.
Днем играть ты должен с нами,
По ночам — ловить мышей,
Заболеешь — скажем маме,
Смажем йодом до ушей.
Вот и все. Теперь подумай.
Целый день ведь впереди...
Если хочешь — оставайся,
А не хочешь — уходи!

1921

ТРУБОЧИСТ

Кто пришел? — Трубочист.
Для чего? — Чистить трубы.
Чернощекий, белозубый,
А в руке огромный хлыст.

Сбоку ложка, как для супа,
Кто наврал, что он злодей,
В свой мешок кладет детей?
Это очень даже глупо!

Разве мальчики — творог?
Разве девочки — картошка?
Видишь, милый, даже кошка
У его мурлычет ног.

Он совсем, совсем не страшный.
Сажу высыпал на жечь,
Бублик вытащил вчерашний —
Будет есть.

Рано утром, на рассвете,
Он встает и кофе пьет,
Чистит пятна на жилете,
Курит трубку и поет.

У него есть сын и дочка, —
Оба беленькие, да.
Утром спят они всегда
На печи, как два комочка.

Выйдет в город трубочист —
И скорей на крыши, к трубам,
Где играет ветер с чубом,
Где грохочет ржавый лист...

Чистит, чистит целый день,
А за ним коты гурьбою
Мчатся жадною толпою,
Исхудалые, как тень.

Рассказать тебе, зачем
Он на завтрак взял печенку?
Угостил одну кошчонку,
Ну — а та сболтнула всем...

Видишь, вот он взял уж шапку.
Улыбнулся... Видишь, да?
Дай ему скорее лапку,
Сажу смоешь — не беда.

1921

ЖЕРЕБЕНОК

Хвост косичкой,
Ножки — спички,
Оттопырил вниз губу...
Весь пушистый,
Золотистый,
С белой звездочкой во лбу.
Юбку, палку,

Клок мочалки —
Что ни видит, все сосет.
Ходит сзади
Тети Нади,
Жучку дразнит у ворот.
Выйдет в поле —
Вот раздолье!

Долго смотрит вдаль —
и вдруг
Взвизгнет свинкой,

Вскинет спинкой
И галопом к маме в луг.

1921

ТЕЛЕНОК СОСЕТ

Пришла во двор корова:
— Му! Я здорова,
Раздуты бока, —
Кому молока? —
Прибежал теленок,
Совсем ребенок:
Лбом вперед,
Мордой в живот,
Ножками пляшет,

Хвостиком машет...
Сосет!
То мимо, то в рот,
Недовольна корова,
Обернулась к нему
И смотрит сурово:
— Му-у!
Куда ты спешишь,
Глупыш?..

1921

КТО?

«Ну-ка, дети!
Кто храбрее всех на свете?»
Так и знал — в ответ все хором нараспев:
«Лев!»
— «Лев? Ха-ха... Легко быть храбрым,
Если лапы шире швабры,
Нет, ни лев, ни слон... Храбрее всех малыш —
Мышь!
Сам вчера я видел чудо,
Как мышонок влез на блюдо
И у носа спящей кошки
не спеша поел все крошки.
Что!»

1921

ПОПКА

— У кого ты заказывал, попочка, фрак?

— Ду-рак!

— А кто тебе красил колпак?

— Ду-рак!

— Фу, какой ты чудак!

— Ду-рррак!

Скучно попочке в клетке, круглой беседке,

Высунул толстенький черный язык,

Словно клык...

Щелкнул,

Зацепился когтями за прутья,

Изорвал бумажку в лоскутья

И повис — вниз головой.

Вон он какой!

1921

ДВА УТЕНКА

Два утенка подцепили дождевого червяка,

Растянули, как резинку, — трах! И стало два куска...

Желтый вправо, черный влево вверх тормашками летят,

А ворона смотрит с ветки и вороне говорит:

«Невозможные манеры! Посмотрите-ка, Софи...

Воспитала мама-утка... Фи, какая жадность! Фи!»

Из окна вдруг тетя Даша корку выбросила в сад.

Вмиг сцепились две вороны — только перышки летят.

А утята страшно рады... «Посмотрите-ка, Софи...

Кто воспитывал? Барбоска? Фи! И очень даже фи!»

1921

ОТ БИБЛИИ — К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ

О, книга книг!..
Какой поэт, какой художник
к тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!

В. Брюсов

Святой Иоанн Златоуст сказал: «Священное Писание — это духовная пища, которая украшает ум и делает душу сильною, твердою, мудрою».

Такой пищей Священное Писание является и для взрослых, и для детей.

Душа детская легко увлекается хорошими примерами. Детское сердце чутко к великим подвигам. А где же найдется больше таких примеров, где встретится больше таких подвигов, как не в Священной Истории? Поэтому первыми рассказами для детей, начинающих понимать, должны быть рассказы из Священного Писания. Первою книгою в руках научившегося читать ребенка должна быть Священная История.

Но, давая в руки ребенка подобную книгу, необходимо заботиться, чтобы он мог ее понять всю, чтобы он в ней не встречал ничего непонятного, словом, необходимо, чтобы она была приспособлена к его пониманию, к его возрасту.

Такую именно книгу хотим мы дать в руки детям. В ней живо и наглядно, но в то же время совершенно просто, изложены все важнейшие события Ветхого и Нового Заветов, так, чтобы дети, начиная с самых маленьких, своим чистым, безгрешным сердцем могли сами уразуметь все рассказываемое, не нуждаясь в объяснениях и разъяснениях, будут ли они читать эту книгу сами, или им будет ее читать мать, старшая сестра или грамотная няня...

Рассказанные детям просто, ясно и наглядно, в раннюю пору их жизни, когда каждое впечатление так глубоко и сильно внедряется в детское сердце и ум, события из Священного Писания оставят неизгладимый след в юных сердцах, и возбужденное ими в детской душе чистое чувство не останется бесплодным и в поздние годы — в годы сомнений, более глубоких размышлений или легкомыслия и заблуждений.

П. Н. Воздвиженский

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Сотворение мира

Над нами без границ раскинулось синее небо. На нем, как огненный шар, сияет солнце, и дает нам тепло и свет.

Ночью на смену солнышку всплывает луна, а вокруг, как детки около мамы, много-много звездочек. Словно ясные глазки, мигают они в высоте и, как золотые фонарики, освещают небесный купол. На земле растут леса и сады, травка и красивые цветочки. Всюду по земле живут звери и животные. В воздухе порхают птички и насекомые.

Взгляните теперь на реки и моря. Какая масса воды! И вся-то она полна рыбками от самых маленьких до чудовищ огромного размера... Откуда же все это явилось? Было время, когда ничего этого не было. Не было ни дней, ни ночей, ни солнышка, ни земли, ни всего, что есть на них. Жил тогда Один Господь Бог, потому что Он вечен, то есть не имеет ни начала, ни конца своего бытия, но всегда был, есть и будет.

И вот он-то, по своей доброте, в шесть дней из ничего сотворил все, чем мы любимся. По одному Его слову явилась земля и солнце и все, все в мире. Все сотворил добрый и любящий Господь, и обо всем ОН непрестанно заботится, как любящий Отец: всем дает пищу, здоровье и счастье.

Сотворив мир, Господь устроил на земле прекрасный сад и назвал его раем. Там росли тенистые деревья с вкусными плодами, пели красивые птички, звенели ручейки, и весь рай благоухал цветами, более душистыми, чем розы.

Когда Господь устроил все это, — Он увидел, что некому любоваться и наслаждаться красотой земли и рая. Тогда Он взял кусочек земли и велел ему превратиться в человека. Так явился на свет первый мужчина. Он был очень красив, но он не мог ни ходить, ни думать, ни говорить, был, как безжизненная статуя. Господь оживил его, дал ему ум и доброе сердце.

Потом, чтобы у первого человека был друг, Господь сотворил первую женщину и назвал их Адам и Ева. У первых людей не

было ни папы, ни мамы. Господь сотворил их взрослыми и Сам заменял им родителей. Он Сам ввел их в рай и сказал:

— Дети Мои, дарю вам этот сад, живите в нем и наслаждайтесь; кушайте плоды со всех деревьев, и только с одного деревца не троньте плодов и не ешьте, а если не послушаетесь, то лишитесь рая и умрете.

Адам и Ева поселились в рай. Они не знали там ни холода, ни голода, ни горя. Вокруг них между зверями и животными царил мир и согласие, и они не обижали друг друга. Хищный волк пасся рядом с овечкой, и кровожадный тигр отдыхал по соседству с коровушкой. Все они ласкались к Адаму и Еве и повиновались им, а птички садились к ним на плечи и распевали песенки.

Всем живым существам Адам дал тогда особые названия. Так жили первые люди в раю. Жили они и радовались и благодарили своего доброго Создателя Бога.

Все, что мы видим, называется мир видимый. Но есть и другой мир, которого мы не можем видеть, то есть мир невидимый. В нем живут Божьи ангелы.

Кто же эти ангелы?

Это такие живые существа, как и люди, только невидимые и очень добрые и умные. Всех ангелов Господь сотворил добрыми и послушными. Но один из них сделался гордым, перестал слушаться Бога и других ангелов научил тому же. За это Господь изгнал их от Себя из рая, и они стали называться злыми ангелами, или дьяволами.

С тех пор добрые ангелы отделились от злых. Злые ангелы везде сеют зло; они ссорят людей, заводят вражду и войну, стараются, чтобы люди жили между собою, как враги, и чтобы Господь перестал любить их. Добрые ангелы, напротив, учат вас всему доброму и хорошему.

У каждого есть свой добрый ангел-хранитель. Такие ангелы оберегают деток от всякой беды и, в случае опасности, закрывают их своими крыльями. Они помнят, как Господь удалил с неба дерзких и непослушных ангелов, а потому, если дети не слушают папу или маму, добрые ангелы грустят или плачут, так как дерзких и злых детей Господь не может взять на небо.

Когда Адам и Ева жили в раю, злые ангелы завидовали их счастью и захотели лишить их райской жизни. Для этого один диавол превратился в змея, взобрался на дерево и сказал Еве:

— Правда ли, что Бог запретил вам вкушать плоды со всех деревьев?

— Нет, — отвечала Ева, — Господь запретил нам кушать плоды с одного этого деревца и сказал, что если мы съедем, то умрем.

Тогда хитрый змей сказал:

— Не верьте Богу, вы не умрете, а, напротив, если скушаете этих плодов, то сами сделаетесь, как Бог, и будете все знать.

Тут змей сорвал красивое золотистое яблочко с запрещенного дерева и подал Еве. Она покушала и передала Адаму. И вдруг после этого им стало ужасно стыдно, как и всем, кто дурно поступает.

Прежде, когда Господь приходил в рай, Адам и Ева бежали к Нему навстречу и беседовали с Ним, как дети с родителями. Но теперь, когда Господь позвал их, им стыдно было показаться ему, и они спрятались в кусты. И сказал им Господь:

— Итак, вы не послушались Меня, съели запрещенный плод; идите же прочь из рая, трудитесь и в поте лица добывайте пропитание. До сих пор вы не знали ни болезней, ни смерти, теперь же вы будете болеть и, наконец, умрете.

Тут явился ангел с огненным мечом и изгнал Адама и Еву из рая. Вот, до чего доводит непослушание. Однако, наказав людей, Господь, по своему милосердию, обещал прислать на землю Своего Сына Иисуса Христа, Который примет на Себя заслуженное людьми наказание, пострадает за людей и опять сделает их достойными жить в раю с Богом после смерти.

Каин и Авель

После того как Бог изгнал Адама и Еву из рая, у них родились два сына — Каин и Авель.

У Каина было злое сердце, и он служил сатане, а Авель любил добро, поэтому, хотя он и был грешным человеком, Бог

вложил ему в сердце Духа Своего Святого, и поэтому Авель любил Бога. Авель печалился о своих грехах и просил Бога простить его; и Бог, видя его раскаяние, прощал ему грехи его. «Все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3:23).

Каину и Авелю приходилось, как и отцу их Адаму, работать в поте лица своего. Каин обрабатывал землю, сажал деревья и собирал жатву. Авель пас овец, он был пастухом.

Бог приходил к людям и говорил с ними не так часто, как в раю, но иногда они обращались в Нему с молитвой и Он беседовал с ними. Бог часто напоминал людям, что принесет в жертву Сына Своего. Он повелел им каждый день совершать обряд, который напоминал им о том, что Иисус обещал умереть, чтобы спасти их. Люди должны были построить жертвенник и закалывать и сжигать на нем козленка или ягненка. Это значило — «приносить жертву».

Бог хотел, чтобы, принося жертву, люди думали о том, что Бог допустит однажды, чтобы Сын Его пострадал за грехи наши. Когда Иисус был пригвожден к кресту, Он явился возложенным на жертвенник Агнцем. «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Иоан. 1:29).

Авель приносил всегда агнцев, потому что помнил обетование Божие, и Бог благоволил к Авелю и к жертвоприношению его. А Каин не думал о повелениях Бога и принес однажды в жертву Богу плоды вместо агнца, поэтому Бог прогневался на Каина и не принял жертвы его. «Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин» (Ев. 11:4).

Тогда Каин рассердился и возненавидел Авеля. Господь сказал Каину: «Почему ты огорчился? Если ты будешь любить Меня и служить Мне, Я буду благоволить к тебе». Но Каин затаил злые мысли в сердце своем. И вот что он сделал. Однажды, когда оба брата были в поле, Каин восстал на Авеля и убил его. Кровь Авеля обагрила землю. Авель был первый человек, умерший на земле. Так Каин начал с того, что возненавидел Авеля, а затем и убил его.

Вскоре Каин услышал голос Божий, говоривший ему: «Где Авель, брат твой?» «Не знаю», — ответил злой Каин, —

разве я сторож брату моему?» Но Бог сказал: «Я видел кровь брата твоего и ныне проклят ты от земли. Ты должен оставить дом отца твоего и сделаться скитальцем на земле». Тогда Каин сказал Богу: «Наказание мое больше, чем снести можно. Не позволяй никому меня убить!» Бог сказал: «Тебя никто не убьет, но ты должен уйти далеко от дома отца твоего». Тогда Каин ушел в далекую землю и построил дома для себя и детей своих.

Большое несчастье случилось с Адамом и Евой, ведь они потеряли в один день обоих сыновей своих потому, что Каин ушел далеко от них, а Авель умер. Как должны были они оплакивать Авеля, хороня его! Но еще больше должны были они плакать, думая о злобе Каина.

Бог дал Адаму и Еве еще одного сына, который под влиянием Духа Святого был верен Богу, имя его было — Сиф. Дети Сифа боялись Бога, и Бог любил их и называл их детьми Своими.

ДЕТСКАЯ БИБЛИЯ

Каин и Авель

Тяжело было Адаму и Еве расставаться с раем и еще тяжелее было им привыкать к труду и болезням. Звери теперь уже не слушались их и вредили, животные бежали от них, и земля не всегда приносила им плоды для пропитания. Они жили в бедном шалаше посреди поля.

Скоро у Адама и Евы родились дети, но и дети вместо радости доставляли им иногда огорчения.

Было у них два сына, Каин и Авель. Старший, Каин, занимался хлебопашеством, а младший, Авель, пас стадо.

Однажды братья пожелали принести что-нибудь в жертву, или в дар Богу. Они сложили два костра, и Каин посыпал на свой костер хлебных зерен, а Авель положил ягненка, и оба зажгли свои костры.

Авель приносил дар Богу от всей души, с любовью к Богу и с молитвою, а потому дым от его жертвы прямым столбом поднимался к небу. Каин же приносил свою жертву неохотно и небрежно и вовсе не молился Богу, и дым от его жертвы расстилался по земле. Из этого видно было, что жертва Авеля приятна Богу, а жертва Каина неприятна.

Каину стало ужасно досадно, но вместо того, чтобы усерднее молиться Богу и просить, чтобы Господь принял и от него жертву, Каин позавидовал брату и со злости убил его. Тогда Господь спросил его:

— Каин, где Авель, брат твой?

Это Бог спросил его для того, чтобы убийца сам раскаялся и просил прощения. Но Каин не раскаялся и дерзко отвечал:

— Не знаю, разве я сторож брата моего?

Господь сказал ему:

— Нет, ты убил своего брата, и теперь нигде не найдешь себе покоя!

Каин испугался и воскликнул:

— Велик мой грех! Теперь убьет меня первый встречный!

Но Бог сказал:

— Нет, Я положу на тебя такой знак, что тебя не убьет никто, но ты будешь жить и тебя всегда будет мучить совесть!

С той поры Каин никогда не мог поднять лицо к небу. Угрюмый и задумчивый, мучимый стыдом, он нигде не находил себе покоя и скоро вовсе ушел от родных в далекую землю.

Очень плакали и горевали Адам и Ева, когда узнали о смерти Авеля. Это было первое тяжелое их горе. Теперь они еще больше пожалели о рае. Если бы они слушались Бога, то и жили бы в раю, и там не случилось бы такого несчастья. Бог видел их слезы и дал им третьего сына, по имени Сиф. Это был добрый и кроткий мальчик, и Господь очень любил его. У Каина тоже родились дети, но и они, как отец, были злы, непочтительны и завистливы.

Случается, дети, что и вы невнимательно молитесь Богу, особенно перед сном. Но знайте, невнимательную молитву Бог не слушает. Если же вы молитесь, то делайте это от всего сердца, с

любовью к Богу; тогда ангел-хранитель передаст ваши молитвы на небо к Богу, и Господь охотно исполнит все ваши просьбы.

Потоп

На земле становилось все больше и больше людей. Были между ними и добрые и злые, но злых было больше. Они не молились Богу, ссорились и завидовали друг другу.

В это время жил один праведный и добродетельный человек по имени Ной. Когда Господь разгневался на злых людей и захотел их наказать, Он пришел к Ною и сказал ему:

— Ной, сруби побольше деревьев, устрой корабль и помести в нем твое семейство и всех животных, зверей и птиц по несколько штук. Я пошлю на землю сильный дождь и потоплю всех злых людей.

Ной исполнил все, как ему велел Бог. Он построил весьма громадный корабль, в три высоких этажа, разделил его на множество клеток и посадил туда всяких зверей, животных и птиц.

Когда Ной строил свой корабль, многие люди смеялись над ним. Но скоро этот смех обратился в плач.

Когда корабль был готов, начался проливной дождь. Сорок дней и сорок ночей продолжался ливень. Люди и звери взбирались на деревья, на вершины гор и скал, матери поднимали своих малюток из воды; вся земля огласилась неслышанным криком и воплями. А дождь все лил и лил, как из ведра, и наконец все умолкло, все потонуло, и даже высочайшие горы покрылись водой.

Один Ной с семейством безопасно плавал на корабле по волнам этого всемирного океана. Спустя сорок дней дождь перестал. Тучи рассеялись, небо очистилось от туч и проглянуло солнышко. Ной несколько раз выпускал голубя, и только в третий раз голубь принес ему зеленую веточку. Это было знаком, что деревья уже показались из воды. Скоро показалась и земля.

Ной вышел из корабля и горячо молился и благодарил Бога за спасение. Как жаль, что у Ноя не было таких маленьких деток,

как вы. Как весело было бы им смотреть, когда звери, животные и птицы устремились на волю из тесных клеток и громкими криками выражали свою радость при виде земли и зеленой травки. Вспомните, дети, как приятно после суровой зимы выйти поиграть при солнышке на зеленой лужайке, и вы поймете, что чувствовали и люди, и звери, и птички после потопа.

Скоро, однако, и после потопа люди стали грешить и прогневили Бога. Господь хотел, чтобы люди жили по всей земле, но люди не хотели этого. И вот они вздумали устроить большую башню, чтобы ее всем и далеко было видно и чтобы люди от нее не расходились. Тогда Господь сделал так, что все строители перестали понимать один другого.

Представьте себе, что русский, не знающий французского языка, и француз, не говорящий по-русски, взялись вместе строить дом. Не правда ли, у них не вышло бы толку. Так случилось и тогда.

Один просит, чтобы ему давали кирпич, а ему несут дерево; другой требует воды, а ему подают глину. Остановилась работа. Люди заговорили на разных языках и поневоле разбрелись в разные стороны.

Таким образом и явились на земле различные народы.

Пасха. Прощальная беседа

Перед самым праздником Пасхи ученики спросили Господа:
— Где приготовить для Тебя пасху?

Он отвечал:

— Идите в город, там вы встретите человека с кувшином воды, и скажите ему: «Учитель спрашивает, где комната, в которой Он будет вкушать пасху с учениками?» Он покажет вам комнату, и в ней вы приготовьте, что надо.

Ученики так и сделали. Когда Иисус Христос пришел туда, Он снял с Себя верхнее платье, взял воду и полотенце и омыл ноги всем ученикам. Потом Он сел к столу и спросил их:

— Знаете ли вы, зачем Я сделал это? Я дал вам пример, чтобы и вы так же были всегда услужливы друг другу! Вы знаете Меня

Господом и Учителем, и вот, если Я, ваш Господь, омыл вам ноги, то тем более вы не должны никому отказывать в услугах.

Потом Христос взял хлеб, разломил его на части, и, подавая ученикам, сказал:

— Примите, ешьте, это Мое Тело, которое предает на мучения за грехи всех людей, ради их спасения.

Потом он взял чашу с вином и, подавая апостолам, сказал:

— Пейте из нее все, это Кровь Моя, которая проливается ради вашего спасения, — и, наконец, Христос добавил, — всегда делайте это, чтобы вспоминать Меня.

Прошло почти две тысячи лет, как Спаситель произнес эти святые слова; но и теперь все люди вкушают в церкви святое Причастие, Тело и Кровь Господа в виде хлеба и вина, и вспоминают, как любящий Спаситель отдал Свое Тело на мучения и Свою Кровь на пролитие ради нашего спасения. Вы знаете, что часто люди поступают дурно, лгут, ссорятся, не молятся Богу, убивают друг друга. И вот, чтобы Бог Отец простил людей, чтобы Он взял их после смерти в Свое Небесное Царство, Иисус Христос понес заслуженное людьми наказание, страдал за них, был распят и умер на кресте.

Страшно подумать, что мы, зная, как любит нас Иисус Христос, зная, что Он Себя не пожалел, лишь бы спасти нас, все-таки иногда поступаем дурно, не так, как велел кроткий, любящий нас Спаситель.

Когда все апостолы вкусили хлеба и выпили из чаши вина, Господь обратился к ним с такою речью:

— Дети мои! Недолго уже Мне быть с вами! Куда Я иду, вы теперь не можете идти. Любите друг друга, как Я всем сердцем любил вас! Если вы будете любить Меня, и всегда будете исполнять Мои повеления, То и Отец Мой Небесный будет любить вас! Я иду к Богу, Моему Отцу Небесному, и в Его Царстве приготовлю вам место!

По окончанию беседы Господь с тремя учениками пошел в сад. Там Он оставил их и велел обождать, пока Он помолится.

Долго и горячо молился Иисус Христос. Уже ученики Его давно уснули, уже на востоке показалась полоска зари, а

Христос, усталый, все еще продолжал Свою святую молитву. Время страданий Его приближалось, и Он молился теперь и просил у Бога, Отца Своего, помощи для перенесения всех предстоящих Ему мучений.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Рождество Христово

Однажды праведный Иосиф и святая Мария из города Назарета, где они жили, отправились в город Вифлеем. Там в это время, по случаю народной переписи, собралось очень много людей, и все дома и даже самые маленькие хижинки уже были заняты.

Что тут делать? Иосиф и Мария шли пешком и утомились, и хотели отдохнуть. Насилу могли они упросить одного доброго человека, чтобы позволил им переночевать в пещере, куда в дурную погоду загоняли скот для ночлега.

В этой стране, где это происходило, зимы не бывает, а потому скот и пастухи свободно проводят ночи в поле. Эта же ночь была особенно светлая и теплая, а потому вырытая в горе пещера, или, по-нашему, сарай, была свободна.

Хозяин позволил Иосифу и Марии переночевать в ней. И вот здесь-то в этой пещере на соломе и родился маленький Иисус Христос.

Посмотрите, дети, Иисус, Сын Божий, Который царствует над всем миром, у Которого в руках все богатства, теперь выглядит беднее всех самых бедных детей. И в самом деле, у вас, например, есть и теплая комнатка, и красивая постелька, и мягкие одеяльца, а у бедного дитяти Иисуса ничего этого нет.

Он родился в скотном загоне, и Пречистая Его Мать принуждена была положить Его в яслях на соломе. Не правда ли, дети, вам жаль маленького Иисуса?

Если жаль, если вы хотели бы поделиться с Ним и вашими одеяльцами, и всем, чего у вас много, то всегда пом-

ните, что сказал Иисус Христос, когда он вырос. А Он говорил так:

— Кто одевает и кормит бедных, тот одевает и кормит Меня.

Вот почему, если вы хотите сделать что-либо приятное Иисусу Христу, то лучше всего помогайте бедным.

Иисус, Сын Божий, лежал в яслях, а пастухи ночевали в поле. Вдруг, как молния, к ним слетел с неба лучезарный, сияющий ангел.

Страшно испугались пастухи.

Но добрый ангел сказал им:

— Не бойтесь, я принес вам радостную весть: идите в свою пещеру, там вы увидите маленькое дитя, которое и есть Иисус, Сын Божий, Спаситель мира.

Едва скрылся этот ангел, как слышат пастухи, с неба полились чудные звуки, словно там заиграли на прелестном большом органе. Это целые хоры ангелов сошли с небес, чтобы приветствовать Младенца Иисуса, Своего Царя и Создателя.

Все ангелы пели и радовались, что любящий их Господь послал на землю Своего Сына, чтобы всех людей сделать добрыми и взять их потом в Свое Небесное Царство.

Когда ангелы улетели, пастухи отправились в пещеру, и, увидев там Божественное Дитя, поклонились Ему до земли.

Над пещерой, где родился Иисус Христос, по повелению Божию, засияла необычайно красивая большая звезда. Ее видели многие люди, а один царь по имени Ирод созвал к себе ученых и послал их разузнать, что случилось. Эти ученые назывались волхвами. Они тоже пришли в пещеру, поклонились Младенцу и принесли Ему в дар золото и дорогие ароматные вещества.

Воскресение Христово

Еврейские архиереи и начальники слышали, как Спаситель говорил, что Он воскреснет. Поэтому они приставили ко гробу Христа воинов-сторожей, а самую пещеру запечатали своей печатью. Так прошло двое суток и настали третьи.

Вдруг среди ночи яркий свет осиял пещеру; камни рассыпались, и Христос встал из гроба.

Воины в ужасе разбежались, а вместо них к воскресшему Господу явились служить ангелы.

Настало утро. В это время несколько святых женщин направились ко гробу помазать тело Господа душистым маслом. Подходя к пещере, они толковали между собою: «Кто же нам отвалит камень от входа, ведь он очень велик и нам не сдвинуть его».

Но вдруг они взглянули и видят: камень отброшен и на нем сидит ангел в белоснежной одежде. Он сказал им:

— Не бойтесь, я знаю, что вы ищете Иисуса распятого. Его здесь нет. Он воскрес, как говорил об этом раньше, скажите об этом ученикам Его и идите в землю Галилейскую, там вы увидите воскресшего Господа.

Светлый вид Небесного вестника и его чудные речи так перепугали робких женщин, что они поспешно убежали назад, не разговаривая и никому не сообщая о том, что видели и слышали.

Спустя немного времени, одна из них, Мария Магдалина, снова возвратилась ко гробу Спасителя. Она вошла в пещеру и там увидела двух ангелов, которые спросили ее:

— Женщина, о чем ты плачешь? Кого ищешь?

Магдалина отвечала:

— Взяли Господа Моего, и не знаю, где положили Его. — С этими словами она вышла из пещеры.

Вдруг кто-то обратился к ней с тем же вопросом:

— О чем ты плачешь, женщина?

Вся в слезах Мария Магдалина не рассмотрела, кто стоит перед нею и, думая, что это садовник, ответила:

— Господин, если ты взял Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

В ответ она слышит знакомый голос:

— Мария!

Магдалина взглянула и видит: перед нею Сам Воскресший Христос.

— Учитель! — воскликнула она в восторге и бросилась к Нему.

Но Господь сказал ей:

— Не прикасайся ко Мне, иди же к Моим братьям, ученикам, и скажи им, что Я восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, к Богу Моему и Богу нашему.

Много раз являлся потом Господь ученикам и апостолам, и только один из них Фома еще не видел Его и говорил:

— Нет, я не поверю, что Господь воскрес, пока не увижу Его своими очами и не осяжу Его раны своими руками.

И вот его желание исполнилось.

Однажды, в восьмой день по воскресении Христовом, все апостолы и Фома с ними собрались в одном доме. Двери были заперты, но вдруг Христос явился посреди них и сказал:

— Мир вам!

Потом Он обратился к Фоме и сказал ему:

— Поддай сюда твою руку, вложи твои пальцы в Мои раны и верь Моему воскресению.

Пораженный Фома воочию убедился теперь, что Христос воистину воскрес, и громко воскликнул: — Господь мой и Бог мой!

Но Господь ответил:

— Теперь ты веришь, потому что сам видишь; но счастливы те, которые и не видели Меня, а всей душой поверили.

Тысячи людей видели Иисуса Христа, и никто уже не сомневался больше, что Он есть истинный Сын Божий и Спаситель мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
ПРОЗАИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА	4
Радий Петрович Погодин	5
Софья Леонидовна Прокофьева	43
Андрей Алексеевич Усачев	50
Валентин Дмитриевич Берестов	54
Григорий Бенционович Остер	56
Геннадий Михайлович Цыферов	58
СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА	68
Юрий Иосифович Коваль	69
Анатолий Георгиевич Алексин	75
Фазиль Абдулович Искандер	82
Юрий Маркович Нагибин	99
Андрей Васильевич Саломатов	111
Альберт Анатольевич Лиханов	128
Анатолий Игнатьевич Приставкин	133
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ	143
Марина Яковлевна Бородицкая	144
Новелла Николаевна Матвеева	158
Николай Михайлович Рубцов	162
Андрей Алексеевич Усачев	170
Владимир Натанович Орлов	174
Тим Собакин	178
Олег Евгеньевич Григорьев	179
Илья Рахмиэлиевич Резник	181
Михаил Давидович Яснов	189
Овсей Овсеевич (Шике) Дриз	196
Михаил Спартакович Пляцковский	199
Тимофей Максимович Белозеров	200

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ	210
Эдвард Лир	211
Алан Александр Милн	213
Доктор Сьюз	216
Джон Чиарди	229
Ян Бжехва	236
Юлиан Тувим	239
Джанни Родари	243
НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КНИГА	251
Николай Иванович Сладков	252
Сергей Петрович Алексеев	259
Наталья Игоревна Романова	261
Игорь Иванович Акимушкин	265
«ВОЗВРАЩЕННЫЕ» ИМЕНА	288
Лидия Алексеевна Чарская	288
Александр Исаевич Солженицын	317
Константин Дмитриевич Бальмонт	320
Саша Черный	323
ОТ БИБЛИИ — К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ . .	337

Учебное издание

**СОВРЕМЕННАЯ
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Хрестоматия

Составители: *Ж. А. Головки, Н. В. Ермалович,
Л. Ф. Бабенко*

Технический редактор *О. И. Ющук*
Корректор *Е. В. Фатик*
Компьютерная верстка *О. В. Ваницкой*

Ответственный за выпуск *Е. Г. Хохол*

Подписано в печать **28.12.2009**.
Формат **60 × 84 1/16**. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Отпечатано на ризографе.
Усл. печ. л. **20,69**. Уч.-изд. л. **12,22**.
Заказ **178**. Тираж экз.

ЛИ 02330/0133468 от **09.02.2005**

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Барановичский государственный университет»,
225404, г. Барановичи, ул. Войкова, **21**.

Репозиторий Баргу

Репозиторий Баргу

Репозиторий Баргу